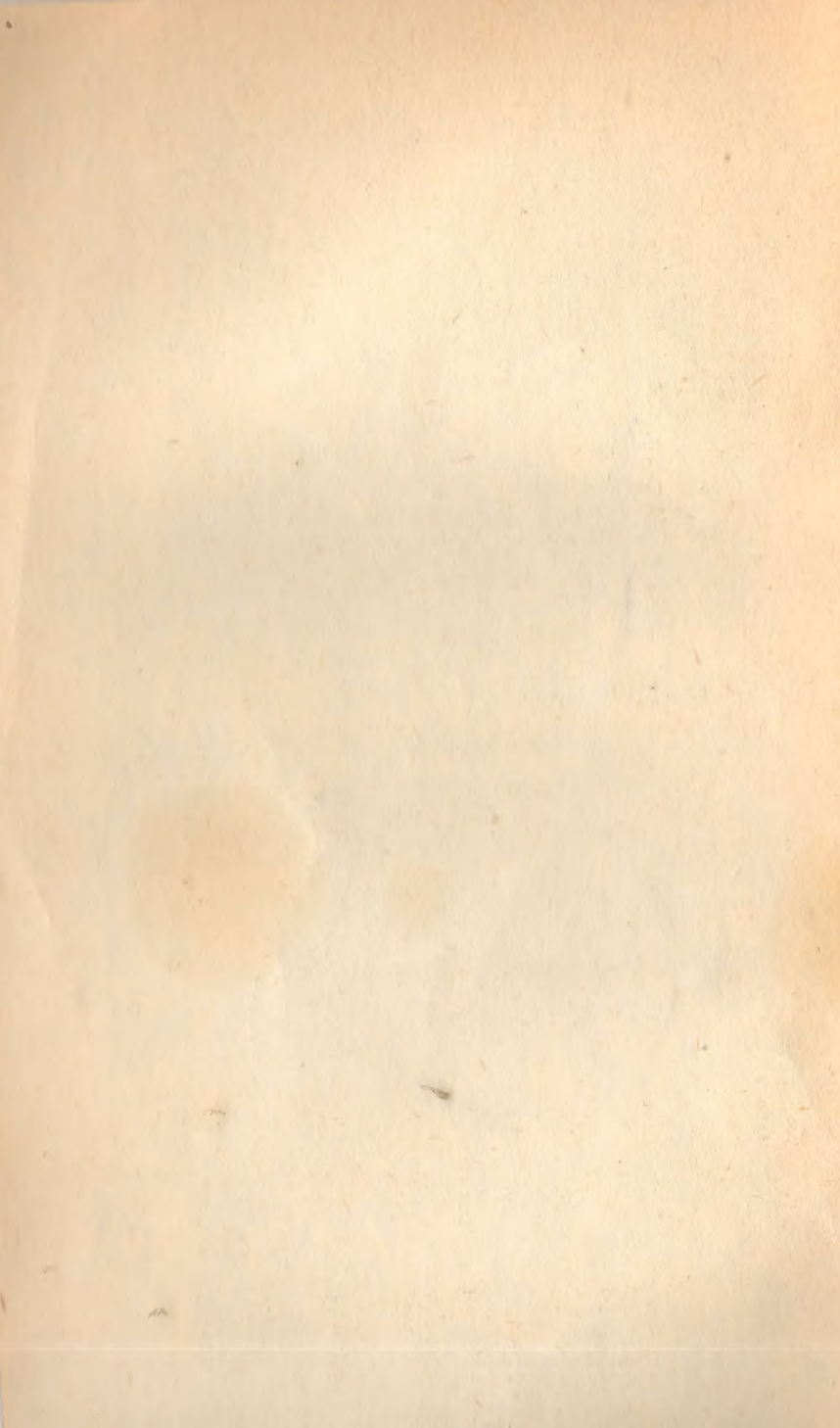

В. И. Когухов

**РАССКАЗЫ
О
СИНОНИМАХ**

В. И. Ногухов

РАССКАЗЫ О СИНОНИМАХ

**КНИГА ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ УЧАЩИХСЯ
(8—10 КЛАССЫ)**

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Москва, «Просвещение», 1984

ББК 81.2Р
К57

Рецензенты:

*доктор филологических наук Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Горького А. А. Брагина;
учительница школы № 533 Москвы Р. И. Лин*

Кодухов В. И.

К57 **Рассказы о синонимах:** Кн. для внеклас. чтения учащихся. 8—10 кл.— 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1984.— 144 с.

Это научно-популярная книга о русском слове, о синонимии. В книге говорится о том, что такое синонимы, почему они возникают, чем отличаются слова-синонимы друг от друга, что такое синонимия речи и синонимика языка. Книга помогает учащимся овладеть богатством русского языка, правильно употреблять в речи синонимы. Первое издание вышло в 1971 г.

К 4306020100 — 392 201—84
103—(03)—84

ББК 81.2Р
4Р

© Издательство «Просвещение», 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга рассказывает о синонимах русского языка, о культуре русской речи. Выбор нужного слова и правильное его употребление — необходимое условие яркой, выразительной и точной речи.

Чтобы хорошо говорить, надо хорошо знать язык, на котором говоришь. Лучше говорит и пишет тот, кто много читает, кто внимательно слушает людей, владеющих культурой речи. Слушая других, можно заметить в их речи много интересного, а главное — научиться отличать меткое русское слово от словесного сорняка. Читая книги по языку, мы осознаем нашу собственную речь.

Рассказывая о синонимах, их употреблении, я знакомя читателя с наукой о языке, с наукой о синонимах, с синонимическими богатствами русского языка.

Книга состоит из десяти глав-рассказов. Слово *рассказ* означает не литературоведческий термин, а употребляется здесь в своем обычном значении: повествование, сообщение о чем-либо.

В первом рассказе говорится о том, что такое синонимы и почему они возникают. Далее разъясняется, чем отличаются синонимы друг от друга, что такое синонимия речи и синонимика языка. В третьем рассказе речь идет о переносных значениях слов и синонимии в языке художественных произведений. Четвертый, пятый и шестой посвящены словам иностранным, устаревшим и областным, их отношению к синонимике русского языка и уместности употребления в литературной речи. Затем повествуется о синонимии в области имен собственных и о грамматической синонимике, т. е. синонимике морфем, грамматических форм и синтаксических конструкций. Девятый рассказ знакомит читателя с тем, что такое культура речи, какие основные требования предъявляются к хорошей речи и как можно научиться говорить правильно, точно и выразительно. Завершает книгу рассказ о словарях синонимов, их составителях, о книгах, в которых говорится о синонимах.

На первое издание «Рассказов о синонимах» было опубликовано несколько рецензий; много писем получил автор. В рецензиях и письмах книга получила положительную оценку; рецензенты высказали также пожела-

ния на тот случай, если книга будет переиздаваться. Все замечания и пожелания учтены. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить прежде всего Л. Ю. Максимова, Е. А. Иванникову, С. Г. Бархударова, В. В. Бабайцеву, И. С. Куликову, Т. Г. Пономаренко, К. П. Кукушкину, Ю. С. Лубкину.

Готовя второе издание, автор переработал текст первого издания. Исключена разговорная часть книги — беседа Васи с друзьями. Написаны два новых рассказа — о грамматических синонимах и о составлении словарей, которые содержат синонимы, о книгах, которые рассказывают, что такое синонимы русского языка.

Автор благодарит рецензентов второго издания — доктора филологических наук проф. А. А. Брагину и учительницу московской школы № 533 Р. И. Лин. Их критические замечания помогли автору усовершенствовать текст.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Почему дом называют еще избой

Нет человека, который не интересовался бы родным языком, его словами, их употреблением и строением. Почему у слов *глаза* и *лоб* есть синонимы, а у слов *уши* и *нос* их нет? Слово *дом* является синонимом трех разных слов:

жилище — дом, жилье, обитель (обиталище), логовище (логово) и даже крыша (кров);

здание — дом, строение;

семья — дом, семейство.

Слова имеют синонимы, когда они называют очень и очень нужные для людей предметы, причем сходные предметы сами по себе бывают различными. В двухтомном словаре синонимов современного русского литературного языка, составленном сотрудниками Института русского языка АН СССР¹, следующим образом разъясняется различие в значении и употреблении слова *дом* в составе трех названных рядов синонимов.

Значение слов первого ряда определяется: *помещение*, а также *сооружение* и т. п., предназначенное для жизни в нем. *Жилище* и разговорное *жилье* являются

¹ Словарь синонимов русского языка в 2-х т. /Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970—1971.

основными и наиболее употребительными словами, все другие употребляются, чтобы выразить оценку, отношение говорящего; *обиталище* употребляется в литературной речи с шутливым или ироническим оттенком, *обитель* в современном литературном языке также имеет шутливый или иронический характер, тогда как в XIX в. оно было словом поэтической и приподнятой речи, слова *берлога*, *логовище* и *логово* употребляются в обиходно-разговорной или фамильярной речи и имеют пренебрежительный, уничижительный оттенок. Пример со словом *дом* в значении *жилище*: «Тут стоял двухэтажный дом — обитель крошечной семьи Меркурия Авдеевича» (Федин. «Первые радости», гл. 6).

Общим в значении слов *здание* и *дом* является: строение, предназначенное для жилья и работы, в котором размещаются квартиры или предприятия, учреждения, организации и т. д. Слова *здание* и *дом* в этом значении часто совпадают при употреблении, но *здание* имеет более широкий характер и употребляется преимущественно по отношению к строениям, в которых размещаются учреждения, предприятия, школы, театры и т. д., а также к строениям особенно внушительных размеров; *дом* употребляется преимущественно по отношению к строениям, предназначенным для жилья. Для обозначения значительных по размерам, капитальных зданий, домов или хозяйственных помещений употребляется также слово *строение*. Пример на слово *дом* в значении *здание*: «Дом, мимо которого бежала Аночка, был городской школой — тяжеловесное белое здание с каменными заборами по бокам» (Федин. «Первые радости», гл. 3).

В синонимическом ряду, обозначающем близких родственников, живущих вместе, основным является слово *семья*; слово *семейство* употребляется реже и преимущественно в обиходно-разговорной речи; слово *дом* используется в тех случаях, когда речь идет не только о ближайших родственниках, но и о всех других домочадцах, живущих вместе, одной семьей; слово *фамилия* в XIX в. применялось как название преимущественно знатной, именитой семьи, в современном языке встречается редко и обычно с шутливым оттенком. Примеры на слово *дом* в значении *семья*: «Об обеде совещались целым домом; и престарелая тетка приглашалась к совету» (Гончаров. «Обломов», ч. 1, гл. 9); «По тогдашним

правилам приличия барышни могли бывать только у тех, с кем родители были знакомы «домами» (Вересаев. «В юные годы», XI, 167).

Эти разъяснения, взятые нами из синонимического словаря, показывают смысловое богатство синонимического ряда, они подтверждают, что синонимы — слова, имеющие близкие значения. Говорящий может выбрать любой из синонимов, заменить один синоним другим.

Чтобы понять, почему и зачем употребляются синонимы, надо четко уяснить, для чего людям нужны слова.

Слово является названием какого-либо предмета, лица, явления, качества, действия. Слова указывают на один из их признаков. Через этот признак слово представляет весь предмет целиком. *Учитель* — тот, кто учит; *ученик* — тот, кто учится, кого учат. Эти слова называют лица, указывая на их отличительную деятельность.

Ручка — орудие письма; названо оно так потому, что ручку держат рукой (а сама ручка держит перо). Ручка бывает также у дверей, сумки и портфеля, у автомашины. Называют эту часть указанных предметов так потому, что ее берут рукой, за нее держатся рукой. Следовательно, слово *ручка* и подобные ему слова называют предметы, указывая на один из их признаков.

Со временем признак, указывающий, как произошло наименование предмета, может быть забыт, утрачен. Сейчас, например, большинство говорящих по-русски не знает, на какой признак указывали такие обычные слова, как *зуб, мать, дом, луна, хороший, писать, надо, Москва, Ваня* и т. п.

Если бы слова только называли явления действительности и первое наименование всегда указывало на существенный признак, то слов было бы столько, сколько предметов. Это, однако, не так. Слова не только называют предметы, но и характеризуют их, выражают наше понимание их, наше отношение к ним. А наше понимание предметов, наше отношение к ним меняется. Изменяются и сами предметы и лица, явления и события.

Например, словообразовательное членение слова *летчик*, подсказывает, что раньше так называли человека, который летал. Слово *летчик* изменило значение: им стали называть водителя самолета, одного из чле-

нов экипажа. Слово *атом* в прошлом не только называло мельчайшую частицу материи, но и указывало на ее признак — неделимость (греческое *átomos* значит *неделимый*). Этот признак в прошлом отражал знания того времени, сейчас люди научились расщеплять ядро, возникло современное учение об атомном ядре, которое, конечно, далеко ушло от первоначального понимания строения материи.

Предметы и явления, лица и события обладают не одним, а несколькими признаками. Каждый из них может лечь в основу наименования предмета. Любой человек, наблюдая свою речь и речь окружающих, может легко заметить, что один и тот же предмет, одно и то же лицо в разных ситуациях называются разными словами, указывающими на разные стороны предметов и лиц.

Возьмем такой пример. Учитель может преподавать математику, физику, литературу или какую-либо другую учебную дисциплину, т. е. он может быть учителем физики, учителем-физиком, учителем-математиком и т. п. В школьном коллективе вместо учитель-физик, учитель-математик и т. п. говорят сокращенно: *физик*, *математик* и т. п. «Спросите это у математика», — может сказать учитель физики. «Наш физик — вот это учитель!» — восклицает ученица, восхищенная учителем физики. В таких высказываниях слова *учитель* и *физик* обозначают одно и то же лицо; эти слова вступают таким образом в близкие смысловые связи, но сами по себе синонимами не становятся. Это говорит, что не всякая смысловая близость порождает синонимику языка.

Одно и то же слово может иметь не одно, а два, три и более значений; поэтому одно и то же слово может называть несколько лиц или предметов. Например, существительное *ученик* имеет три значения: 1) учащийся начального или среднего учебного заведения, 2) тот, кто обучается у другого какой-либо профессии (*ученик токаря*), 3) последователь, соратник чьего-либо учения, взглядов: «Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики *Ленина*» (М. Горький).

В первом значении вместо слова *ученик* можно употреблять слова *школьник* и *учащийся*. Учащимися, однако, бывают не только школьники, но и студенты. Следо-

УЧЕНИК ПИОНЕР ОТЛИЧНИК МАЛЬЧИК

вательно, у слова *учащиеся* есть смысловые связи не только со словом *ученик*, но и со словом *студент*.

Ученики-школьники являются также пионерами; среди них есть отличники и спортсмены. Школьников старших классов называют в то же время юношами и девушками, а детей младшего возраста — мальчиками и девочками.

Можно ли сказать, что слова *ученик*, *пионер*, *отличник*, *мальчик* являются синонимами, если они называют одного и того же человека?

Нет, нельзя.

Почему?

Потому что такое сближение слов на основе называния разными словами одного и того же лица не сближает значений слов. Слова не становятся подобными и синонимичными, так как они называют разные предметы. Заметим, что слово *предмет* является многозначным и, следовательно, имеет разные синонимы: предмет — это вещь, предмет — это объект, тема мысли, предмет — это учебная дисциплина. В грамматике предметом называют значение имени существительного, и такое грамматическое понятие изучается во II и IV классах средней школы. При изучении синонимов-предметов называют как материальные предметы, вещи (например, *палец* и *перст*), так и идеальные, мыслимые, воображаемые предметы — понятия и представления (например, *ведьма* и *ковер-самолет*, *сила* и *мощь*). Предметами могут быть вещи, лица, явления, действия,

состояния, качества, свойства. Способность слов указывать и называть предметы в науке получило наименование предметная направленность; свойство слов обозначать понятия называется понятийной направленностью.

Верно, что в основе синонимичности слов лежит одинаковая предметная направленность, называние одного и того же предмета разными словами. Однако только такие слова, называющие один и тот же предмет, являются синонимами, которые указывают на предмет с одной и той же стороны. Греческое слово *συνώνυμος* означает: одинаковое имя.

У синонимов признаки наименования являются сходными, однопорядковыми. Поэтому у слова *учитель* в современном русском литературном языке синонимами являются: *преподаватель, педагог*. У слова *юноша* синонимами выступает *молодой человек, мальчик, парнишка*, а у слова *девушка* — более редкие слова *барышня* и *дева* (не говоря об устаревшем слове *девица*); см., например, в четвертой главе «Евгения Онегина», Евгений, обращаясь к Татьяне, говорит:

Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною (строфа XVI).

В 23-м примечании к «Евгению Онегину» автор отметил: «В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни немного ниже названы девчонками». Ср. главу пятую, строфу XXVIII:

И вот из ближнего посада
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел... Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране;
Но кушать подали...

Синонимы — это слова не только с одинаковой предметной направленностью, но и близкие по своему

значению; у них есть общее в самом значении слова, лексическом значении.

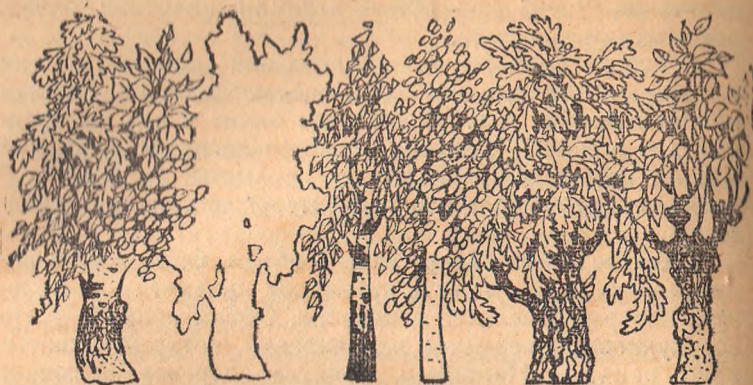
В основе близости лексических значений лежит, как мы уже говорили, одинаковая предметная и понятийная направленность, т. е. обозначение одних и тех же предметов и понятий. Понятие является логической формой мысли, позволяющей называть предметы. Понятие выделяет существенные или отличительные признаки предметов.

Понятие имеет содержание и объем. Содержание понятия — это совокупность признаков предмета или явления, которые мыслятся в понятии. Объем понятия — это совокупность предметов или явлений, которые охватывают понятие. Например, понятие «дерево» включает признаки: 1) многолетнее растение, обладающее: 2) главным стволом, увенчанным кроной из ветвей, и 3) подземными корневыми частями. Деревьями являются: береза, осина, дуб, ольха, ива, сосна, ель, кедр, лиственница, пихта. Степное растение из семейства бобовых дерева не является деревом; это — кустарник, который отличается от дерева тем, что у него нет главного ствола и ветвление начинается от поверхности почвы. Высокое растение камыш, которое растет по берегам рек и озер, на болотах, не является ни деревом, ни кустарником. Это — травянистое растение.

Понятия, объемы которых частично или полностью совпадают, называются совместимыми. Между совместимыми понятиями бывают три вида отношений: тождество, или полное совпадение (например, язык и «важнейшее средство человеческого общения»), подчинение (например, береза и дерево) и частичное совпадение (например, школьники и пионеры).

Особо выделяются отношения подчинения видового понятия родовому. Родовое понятие содержит признаки, общие для всех видовых понятий, которые образуются путем присоединения отличительных признаков. Например, понятие «дерево» можно разделить на два видовых понятия: «лиственные деревья» и «хвойные деревья». Лиственными деревьями являются береза, осина, дуб, тополь. Родо-видовые отношения понятий можно показать схематически (см. рис. на с. 12).

Понятия «дерево (лиственное)» и «береза» находятся в родо-видовых отношениях; понятие «береза» подчинено понятию «дерево (лиственное)». Понятия «береза» и

ДЕРЕВО (ЛИСТВЕННОЕ) БЕРЕЗА ОСИНА ДУБ ТОПОЛЬ

«тополь» находятся в отношениях соподчинения, так как они одинаково подчинены родовому понятию «дерево (лиственное)».

Синонимия слов обуславливается не только тождеством понятий, но и соподчинением их, частичным совпадением и пересечением их.

После этого отступления в область логики, т. е. науки о законах, формах и правилах мышления, дающих правильное (истинное) понятие (значение), возвратимся к нашим примерам. Вспомним, например, слова: *дом, изба, квартира, хата, палатка, юрта*. Все они обозначают помещение для жилья, и понятие «жилое помещение» объединяет названные слова русского языка. Понятие отражает однородность самих явлений объективной действительности, однородное назначение предметов действительности.

Слова, обозначая функциональную общность, становятся подобными в своих лексических значениях. Тройная связь (слово — понятие — предмет) осуществляется тогда, когда говорят на одном языке и думают и говорят одинаково об одном и том же предмете (в данном конкретном случае — о жилище).

Имеется различие и в словах, называющих разные виды жилых помещений. Слово *дом* имеет ряд значений: наиболее распространенное — *жилое помещение вообще, квартира* — это отдельное жилое помещение в доме, *изба* — деревянный деревенский (в прошлом крестьянский) дом, *хата* — тоже крестьянский дом, но в

украинской и южнорусской деревне, *сакля* — название дома горцев на Кавказе, *фанза* — корейский крестьянский дом на Дальнем Востоке. Следовательно, значением *крестьянский дом* объединяются слова *изба*, *хата*, *сакля*, *фанза*, а также областное слово *мазанка*, называющее избу из глины или тонкого дерева, обмазанного глиной.

Если понятие «жилое помещение» расширить и включить в его объем помещения для жилья животных, то жилищем, домом в этом значении окажутся также берлога, гнездо, нора. Берлога — это логово медведя. Гнездо — место жилья и кладки яиц, выведения детенышей у птиц, насекомых и т. п. В норах живут не только кроты, черви, сурки, клещи, но и некоторые птицы, например удода.

В переносном значении слова *берлога*, *гнездо*, *нора* могут называть жилое помещение человека, выступая как синонимическая образная замена слову *дом* (жилище). Например, А. П. Чехов 17 сентября 1888 г. писал драматургу И. А. Леонтьеву: «Если будете в Москве, то милости просим в мою берлогу». А. С. Пушкин в стихотворении-письме обращался к декабристам:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Дом и изба, квартира и хата — постоянное жилое помещение. Палатка — временное помещение из натянутой на ее остов ткани. В палатке можно жить; она является, следовательно, временным домом. Лагерная палатка хорошо известна многим пионерам. Известно также, что в палатках живут строители новых населенных пунктов, геологи-разведчики. В песне «Палаточный город» (композитор О. Фельцман, поэт М. Танич), рассказывающей о жизни и романтике труда геологов-разведчиков, поется:

Глухие края обживают,
Палатку поставят в музей,
И улицы здесь назовут
По имени наших друзей.

Но все это будет потом,
Когда мы отсюда уйдем,
И снова вперед,
Как парусный флот,
Палаточный город плывет.

Палатка, как временное жилое помещение, делается из брезента. Шалаш — палатка из веток, соломы и т. п., шатер — большая палатка, крытая обычно тканью,

чум — шатер конической формы, крытый шкурами, кожей, войлоком. Кибитка — подвижное жилище у кочевых народов; обычно подвижным жильем является также юрта.

Значение слова *дом* как названия жилища показывает, что слово *дом* в этом своем значении входит в тематическую группу слов, обозначающих и квартиру, и жилой дом сельского и городского типа, русское и нерусское жилище, постоянное и временное. Тематическую группу слов, обозначающих жилище, можно представить такой схемой (см. рис. на с. 15); слова *семья* и *строение* не обозначают жилище.

Слово *дом* как название самых разнообразных жилищ выражает очень широкий объем понятия, группируя слова, которые имеют разное содержание, а потому не являются синонимами. Это не только деревенские отдельные здания, но и городские жилые дома разного типа. Это, с одной стороны, квартира и комната, а с другой — все здание (жилой дом, барак, общежитие).

Для человека, который проживает в отдельной квартире жилого дома или в комнате общежития, жильем является прежде всего квартира или комната, хотя и все общежитие тоже родной дом, рабочее ли общежитие или студенческое. Вот примеры: «Ты всегда жил в общежитии. Ты говорил: «Я не понимаю комнаты, в которой меньше десяти коек» (Горбатов. «Мое поколение», гл. 9).

Слава тем, кто свист шрапнели слышал,
Под открытым небом ночевал.
А с войны придя, родную крышу
Вновь на общежитье променял
(Ваншенкин.
«Песня студентов-ветеранов»).

Если мы посмотрим исторически на жилища разных народов, то наши знания станут разнообразнее и глубже; а словарь получит дополнительную группу слов — названий древних жилищ человека и названий жилищ зарубежных народов. Древнейшими жилищами человека были пещеры, шалаши, землянки. Доказательством того, что древнейшие люди пользовались значительно долго пещерами, могут служить целые пещерные города, следы которых сохранились в Крыму, например Мангуп (более позднее название Феодоро) и Чуфут-Кале. В художественной и специальной литературе слово *сакля* употребляется как название жилища всех горцев Кавказа:

В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднюю порою
Сидят (Лермонтов. «Кавказский пленник»).

Шалаш как жилье сохранялся очень долго. Жилище в форме шалаша разнообразно у разных народов; сюда относятся конусообразные ненецкий чум и индейский типи, чукотская яранга, конусообразный вигвам индейцев:

О, наши родные гнезда:
И конусообразные чумы
Среди мхов и синего неба,
И пахнущие соснами дома
С вырезными ставнями,
И каменные дворцы
Со стеклянными глазами,
Мы оставили вас
Ради этого моря (Ю. Шесталов.
«Языческая поэма»).

Землянки и полуземлянки известны с древнейших времен; как временное жилище землянки возникли в период Великой Отечественной войны; о них мы вспоминаем, когда поется знаменитая песня военных лет «Землянка» или послевоенная, но тем не менее известная песня о землянке в три наката на безымянной высоте. Но это были новые землянки.

Древнейшие же землянки породили надземные дома,

в том числе избу. Избу строили из бревен — ставили сруб, хотя в степи дом делали из самана и глины — мазанки. Жилой дом имел разные помещения; жилое отапливаемое помещение называли также избой; комната на втором этаже называлась горницей (от слова *горний* — верхний); так же называли переднюю и чистую комнату; ее же называли *светлицей*. Слово *изба* употреблялось в качестве синонима как к словам *хата, дом, мазанка*, так и к словам *комната, палата, горница, светелка (светлица)*: «В большой просторной избе было тепло, чисто, прибрано» (Гайдар. «Фронт»); «Рядом была комната самой Агнии. Это была просторная горница» (Лесков. «Некуда», кн. 1, гл. 5); «В низенькой светелке Огонек горит, Молодая пряжа у окна сидит» (Песня «Пряха»).

Деревянные дома по качеству были разные, и тем не менее изба — крестьянский дом, хотя в селах стали строить и каменные дома, а еще раньше замки и дворцы феодалов. Противопоставление дворца — господского, царского дома и избы — крестьянского дома обычно в словоупотреблении прошлых веков. Оно отражено в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Это показано через отношение героев повести к Пугачеву. Оно — двоякое: соратники величают его государем и батюшкой, дворяне называют его самозванцем и злодеем. Даже дом, где разместился Пугачев, называется по-разному.

«Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича: старик крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай, нам батюшка велел впустить офицера».

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомоийник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе» (гл. 11).

Приведенные слова (например, *дом* и *кибитка, дом* и *берлога*), объединенные общностью называемого предмета или общим (родовым) понятием, в языке синонимами не являются. Лишь в речи отдельных лиц, в неко-

торых условиях общения, в текстах художественных произведений они могут синонимически сближаться. Это происходит тогда, когда на первый план выступает необходимость выразить общее представление «жилое помещение» — без уточнения того, какое жилое помещение имеется в виду.

В языке у этих слов сохраняется различие значений; они называют разные виды жилых помещений. Однако в речи отдельных лиц, отдельных авторов они, как мы видели, могут быть использованы в качестве синонимов. Такие синонимы являются синонимами речевыми, индивидуальными или (так их называют в специальной, лексикологической литературе) текстуальными, контекстными. Они понятны только в данном контексте, в данной речи.

В повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» для обозначения жилого помещения употребляются слова *дом, изба, фанза, юрта*. Они называют разные виды жилых помещений. Используются они также как название жилого помещения вообще.

Вот прочитайте:

«Возвращаясь назад к биваку, я вошел в одну из фанз. Тонкие стены ее были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелись три двери с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сетью из сухой травы.

...Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном воздухе...

— Мало-мало холодно,— сказал он [Дерсу], пожмая плечами.

— Иди спать в фанзу,— посоветовал я ему» (ч. 1, гл. 4).

Если первые два раза слово *фанза* обозначает особый вид жилого помещения (корейский крестьянский дом), то в третьем и особенно в четвертом случае слово *фанза* употребляется уже как название дома вообще — помещения, где можно отдыхать и спать. Естественно, что в этих условиях и говорящий, и читатель синонимически сближают значения слов *дом, изба* и *фанза*.

Такие сближения есть и в самой повести, в авторском повествовании, например: «У него [Дерсу] никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья и бересты» (ч. 1, гл. 1). В этом предложении при существ-

вительном *юрта* имеются определение *временная* и сочетание слов *из корья и бересты*. Наличие этих уточняющих слов как бы отнимает у существительного *юрта* именно то, что отличает его значение от значений слов *изба* и *дом*: ведь юртой называется временная изба (крестьянский дом), сделанная не из бревен и кирпичей. Слова *дом* и *юрта* временно становятся синонимами.

Со значением *охотничья изба* в повести используются слова *изба*, *юрта* и даже *балаган*, например: «Случайно в одной избе нашлись готовые сухари» (ч. 1, гл. 3); «Пустая юрта, видимо, часто служила охотникам для ночевки» (ч. 2, гл. 18); «На берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями женьшеня» (ч. 1, гл. 2).

Такие сближения значений слов, какие мы наблюдали со словами *дом* и *изба*, *дом* и *фанза*, не получили общерусского распространения. Синонимы языка известны всем без контекста, они имеют общее распространение; их значение, на основе которого они синонимически сближаются, фиксируется толковыми словарями.

Синонимы языка отличаются друг от друга употребительностью. Более употребительное слово обладает более общим значением. Вокруг него объединяются его синонимы, имеющие более частное значение.

Глаза, очи, зеницы, гляделки — существительные, обозначающие орган зрения, но только слово *глаза* сейчас общеупотребительно; *очи* — слово поэтическое, *зеницы* — старое, а *глядделки* — просторечное. Слова *дорога, стезя, шлях* называют полосу земли, предназначенную для езды и ходьбы, но слово *шлях* — украинизм, а *сте-зя* — устаревшее книжное слово.

Аплодировать значит: бить в ладоши в знак одобрения и приветствия; наряду с этим глаголом в торжественном, книжном повествовании употребляется глагол *рукоплескать*, а в разговорном языке — *хлопать*. Рядом со словом *спать* в поэтической речи встречается *почивать*, а в разговорной — просторечное слово *дряхнуть*.

Не все значения слов в равной степени известны всем, говорящим. Поэтому в речи разных лиц, различно овладевших допускаемыми литературной нормой правилами синонимических сближений, может встречаться неодинаковая речевая синонимия.

Обратимся, например, к слову *прозябать*. У него два значения: 1) расти, произрастать и 2) вести пустое, бес-

цельное существование. В первом значении глагол *прозябать* сейчас используется очень редко. У формы совершенного вида этого глагола *прозябнуть* значение *прорасти* также устарело, и глагол обычно употребляется в разговорном языке со значением *сильно озябнуть*. В этом значении он вступает в синонимические связи не только со своим приставочным вариантом *озябнуть*, но и с глаголом *замерзнуть*, хотя это последнее слово, в свою очередь, означает не только *сильно озябнуть*, но и *погибнуть от холода*.

На двух значениях глагола *прозябнуть* и различии его синонимии построена басня Козьмы Пруtkова «Помещик и садовник»:

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент¹ его сосед.
То было некое растение,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растением сим —
Пусть хорошенько прозябает!»
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
«Изрядно,— тот в ответ,— прозябло уж совсем!»

Пусть всяк садовника такого понимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

Если помещик употребляет глагол *прозябать* в старокнижном значении *пускать росток, произрастать*, то садовник Ефим по норме разговорно-просторечного языка формы *прозябать* и *прозябнуть* объединяет как видовые формы одного и того же глагола, имеющего значение *замерзать, озябнуть, погибнуть от холода*.

Итак, можно сделать вывод.

Синонимы возникают потому, что предметы имеют не один, а несколько отличительных признаков и по каж-

¹ *Презент* — подарок; слово *презент*, возникшее в разговорном языке XIX в. от французского *présent*, сейчас употребляется значительно реже, чем слово *подарок*.

дому признаку могут быть названы. Если признаки наименования сходны, то слова могут стать синонимами. Синонимия слов отражает подобие понятий, близость или совпадение значений слов.

Близость значения у синонимов возникает не столько потому, что они называют один и тот же предмет, сколько потому, что синонимы имеют общее значение. Оно состоит из нескольких признаков; синонимы уточняют, какой из признаков имеется в виду.

Синонимические богатства языка дают возможность говорящему или пишущему выразить свою мысль более точно и ясно, более ярко и доступно для собеседника или читателя. В труде писателя огромное место занимает работа по синонимии. Так в стихотворных строках А. К. Толстого слова *секири*, *сребристый*, *не сетуй* употреблены вместо обычных *топор*, *сребрится*, *не жалуйся* («Острою секирой ранена береза...»).

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Очи - это тоже глаза

На первый взгляд может показаться, что, поскольку предметы и явления объективной действительности весьма разнообразны, общей близости значений слов в речи нет и не может быть. Человек, называя словами предметы и явления внешнего и внутреннего мира, выражает свои личные мысли, чувства и волю.

Это, конечно, так. Однако язык отражает опыт многих поколений, и поэтому выбор слов, в том числе синонимов, зависит не только от личного опыта говорящего, но и от опыта языка (если можно так сказать). Литературная норма языка и его стили незримо управляют речью говорящего, уточняют его мысли. Поэтому во втором рассказе мы специально рассмотрим синонимичку языка, его синонимические ряды, их семантическую и стилистическую структуру.

Наша речь — это индивидуальное творчество, направляемое накопленными знаниями, уже созданным языком. Выбор синонима — это не только дело вкуса, но и результат знания предметов и языка.

Смысловое подобие слов, возникшее в прошлом, порождает синонимичку языка — синонимические ряды слов, известные говорящим. Опираясь на синоними-

ку языка, говорящий создает свою синонимию слов.

Рассмотрим пример такого речевого творчества.

В стихотворении Л. Мартынова «Царь природы» говорится: «Я — цари!». Так «Любой букварь Свидетельствовал это встарь, Что человек есть царь природы». Герой стихотворения идет на проспект, чтобы убедиться, так ли это, высок или плачевен сейчас удел человека. Он видит:

При свете фар и фонарей
Толпу подобных мне царей,
Цариц, царевичей, царевен
Я наблюдал. Со всех сторон
Шли властелины без корон.
Я знал, что в этот поздний час
Царь воздуха, забыв про нас,
Витал меж туч. Владыка касс
Свои расчеты вел сейчас.
Царь лыж блуждал по снежным тропам,
Царь звезд владычил телескопом.
А царь бацилл над микроскопом
Склонился, шуря мудрый глаз.

Поэт использует известный синонимический ряд: *властелин* — *владыка* — *господин* и *царь* (чего-то). Но этот ряд продолжен и расширен: *царь* и *царица*, *царевич* и *царевна*, *князь* и *великий князь* — все в высоком смысле. И далее естественно возникают составные наименования: *царь* в о з д у х а — летчик, *владыка* к а с с — кассир, *царь* л ы ж — лыжник, *царь* з в е з д — астроном, *царь* б а ц и л л — микробиолог. Поэт называет всех такими необыкновенными словами, чтобы напомнить людям об их высоком назначении, о том, что человек — царь природы, «он царь своей свободой».

Даже рассмотренный один пример показывает, что в языке синонимические ряды замкнуты определенным количеством слов, в речи отдельных лиц синонимический ряд может быть расширен в том или ином направлении своими речевыми синонимами (пример такого расширения только что приведен из стихотворения Л. Мартынова).

Синонимическое обогащение индивидуальной речи осуществляется на базе синонимических рядов литературного языка, правил образования переносных значений и допустимых ассоциаций между представлениями

о предметах, явлениях и их признаках. Поэтому первое условие свободного сближения значений слов — прочное знание синонимических рядов современного литературного языка, их объема и структуры.

Если антонимы, т. е. слова с противоположным значением, образуют пары слов, то для синонимов пары слов встречаются в основном у имен существительных, причем одним из синонимов обычно выступает заимствованное (интернациональное) слово, например: *алфавит — азбука, больной — пациент, кавалерия — конница, лошадь — конь, месяц — луна, обстановка — меблировка, опыт — эксперимент, передник — фартук, проблема — вопрос, удобства — комфорт, эгоизм — себялюбие*; ср. также славянские пары: *крыша — кровля, лоб — чело, палец — перст*.

Полные синонимы (их называют синонимами-дублетами) не имеют ни смыслового, ни стилистического различия. Дублетная, или полная, синонимия не занимает заметного места в синонимике языка. В языке более распространены синонимические ряды из двух, трех, четырех и более слов. Особенно велик объем синонимического ряда, если в его состав входят разговорные слова, выражающие оценку.

Объем синонимического ряда неодинаков у разных частей речи. В «Словаре синонимов» (1976) под редакцией А. П. Евгеньевой встречаются следующие объемы синонимических рядов существительных, прилагательных и глаголов (см. рис. на с. 24)¹.

В школьном «Кратком словаре синонимов русского языка» (1961) В. Н. Ключевой содержится гораздо меньше синонимических рядов — 622 ряда существительных, глаголов и прилагательных. Однако преобладание трех- и четырехсловного синонимического ряда очевидно (24,5% + 24,5%). Различие касается процента двухсловных рядов (их больше в академическом словаре, в словаре В. Н. Ключевой — 15,3%) и пятисловных синонимических рядов (их больше в школьном словаре — 17,9%). Это различие объясняется охватом текстов выборки и делением в академическом словаре многослов-

¹ Цифра в числителе указывает абсолютное число синонимических рядов, цифра в знаменателе — относительное число рядов, т. е. процент к общему количеству синонимических рядов (без наречий, числительных, местоимений, междометий и служебных слов).

ных синонимических рядов на самостоятельные ряды — по различию значений слов¹.

В центре синонимического ряда находится опорное слово, или синонимическая доминанта. Опорное слово является словом общелитературным, стилистически нейтральным и более употребительным именно в том значении, которое сближает данные слова как синонимы. Так, в синонимическом ряду *голова — башка — котелок — глава* опорным словом выступает слово *голова*, так как *башка* и *котелок* — просторечные слова, а *глава* (в этом значении) — слово устарелое, традиционно-поэтическое.

Часть речи Объем ряда	Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Итого		
				общее кол-во	%	
1. Двухсловный	635/36,9	305/23,4	578/26,2	1518	28,7	
2. Трехсловный	543/30,6	387/29,7	682/30,8	1612	30,3	
3. Четырехсловный	276/15,5	326/25,0	417/18,8	1019	19,3	
4. Пятисловный	142/8,0	116/8,9	246/11,1	504	9,5	
5. Шестисловный	85/4,8	68/5,2	107/4,8	260	4,9	
6. Семи-десяти-словный	93/5,2	101/7,8	184/8,3	378	7,3	
Итого	Общее кол-во	1774/	1303/	2214/	5291	100%
	%	100%	100%	100%	100%	100%
		33,6	24,7	41,7	100%	

Одно и то же слово в разных значениях может выступать опорным словом разных синонимических рядов. Например, прилагательное *правильный* в разных значениях образует четыре ряда:

1. *правильный* (соответствующий каким-либо требованиям чего-л., правилам, нормам), *верный*, *точный*. Точное исполнение;

2. *правильный* (о мнении, суждении, оценке и т. п.: соответствующий действительному положению дел, ис-

¹ Синонимические ряды, охватывающие более десяти слов, встречаются редко и часто включают речевые синонимы, редкие слова или лексические значения. В словаре В. Н. Клюевой, например, существительное *бессмыслица* имеет двенадцать синонимов, глаголы *истра- тить* и *победить* — по четырнадцать.

тишной сущности кого-чего-л.), верный, справедливый. Справедливое замечание;

3. правильный (о действии, поступке: такой, какой нужен, каким должен быть в данных условиях, обстановке, ситуации), верный. «Шхуна внезапно повернула на север. В ее положении то был единственно верный маневр» (Диковский);

4. правильный (о чертах лица: удовлетворяющий правилам пропорции и симметрии), строгий (отвечающий требованиям классического стиля), классический (усилит).

Четыре синонимических ряда прилагательное *правильный* имеет в «Словаре синонимов» (1975); в двухтомном «Словаре синонимов русского языка» (1971) это прилагательное образует два синонимических ряда: 1. *Правильный, верный, безошибочный, точный* (ряд уточнен дополнительным синонимом *безошибочный*) и 2. *Правильный, верный, справедливый*. Третий синонимический включен в первый ряд как второе значение, а четвертый синонимический ряд не включен в двухтомный словарь.

Этот пример показывает, что определить границу синонимического ряда, уточнить, когда возникает омонимия, а когда многозначность опорных слов синонимических рядов, не всегда бывает легко, иногда возникают переходные явления в области синонимии. Следует иметь в виду, что в разные синонимические ряды могут входить как опорные, так и не опорные слова. Например, прилагательное *зыбкий*, являясь опорным словом своего ряда (*зыбучий, колеблющийся*), входит в синонимический ряд прилагательного *неустойчивый* (*шаткий, зыбкий, валкий, качкий*). Глагол *править* входит в синонимический ряд слов *управлять*: 1. *Управлять, править* (страной); 2. *Управлять, заправлять* (разг., *распоряжаться, заворачивать* (прост.), *ворочать* (прост.), а *править* — в синонимический ряд опорного слова *исправлять* (только во второй: *Исправлять, поправлять, выправлять, править*).

Если ограничиться рассмотрением опорных слов, как они представлены в двухтомном словаре синонимов русского языка, то словарная омонимия по частям речи распределится следующим образом: больше половины омонимов — синонимических опорных слов — это глаголы (243 ряда, т. е. около 60% от общего числа синони-

мических рядов), затем следуют прилагательные (99 рядов, около 23%); омонимов-существительных не считается и 15% (64 ряда), а наречий — 6%. Следует заметить, что среди опорных слов омонимами оказываются обычно два слова (около 80%).

Омонимия опорных слов не столь уж велика: на более чем 5000 синонимических рядов омонимичными опорными словами являются всего 435, что не составляет и 8% от общего словоупотребления. Подавляющее большинство опорных слов образуют, как сказано, лишь два синонимических ряда; это такие, например, слова, как *болеть, выходить, делать, изучать, называть, обозначать, писать, поражать, содержать, ухаживать; бледный, большой, дешевый, невинный, передовой, родной, старый, точный, чистый, явный; вопрос, глушь, область, страх, центр; достаточно, иногда, немного, плохо, только*. По три и четыре-пять синонимических рядов образуют по преимуществу глаголы и прилагательные.

Для опорных слов-существительных пределом омонимичности является три ряда; таких слов немного, их можно перечислить: *граница, мастерская, мир, направление, предмет, разведка, сила*; среди наречий и других неизменяемых слов три ряда у слов *едва, полностью, потом, так, пожалуйста*. Для глаголов и прилагательных омонимичность достигает пяти рядов; таких опорных слов совсем немного, а именно: *бросать, падать, появляться; быстрый, настоящий, яркий*.

Выделение омонимичных синонимических рядов делается для того, чтобы различать синонимический ряд и тематическую (лексико-семантическую) группу. Это особенно важно у глаголов и прилагательных, так как у них предметная направленность и понятийная четкость меньшая, чем у конкретных существительных. Рассмотрим это различие на конкретных примерах, например на глаголе *узнать*, который выступает опорным словом трех синонимических рядов.

Первый ряд имеет значение *получить сведения о ком-, чем-либо*; синонимами глагола *узнать (узнавать)* является *разузнать (разузнавать)*, а также разговорные *проведать (проведывать), разведать (разведывать)* и просторечные глаголы *пронюхать (пронюхивать), разноухать (разнюхивать), прознать (прознавать), распознать (распознавать)*; в языке XIX в. также *сведать*. Второй ряд имеет значение *определить принадлежность*

кого-, чего-либо к какому-нибудь разряду; синонимами глагола *узнать* (*узнавать*) являются *определить* (*определять*), *угадать* (*угадывать*) и разговорный глагол *распознать* (*распознавать*). Третье значение *обнаружить в ком-, чем-либо знакомое и знакомого* объединяет слова *узнать* (*узнавать*), *опознать* (*опознавать*) и разговорные *признать* (*признавать*), *распознать* (*распознавать*). Сам глагол *узнать* выступает синонимом таких опорных слов, как *испытать* (*испытывать*), *познать* (*познавать*), *спросить* (*спрашивать*).

Рассмотрение смысловых связей глагола *узнать* (*узнавать*) показывает, что он входит в различные семантические и синонимические связи слов, объединенных так или иначе значением познания и узнавания.

Опорное слово синонимического ряда, как и объем ряда, исторически меняется. Например, в древнерусском языке глагол *речи* объединял в синонимический ряд не только слова *глаголати* и *молвити*, но и глагол *думати* (в значении *обсуждать*). Сейчас глагол *речи* устарел, видовая пара *говорить* — *сказать* объединяет три синонимических ряда: *говорить* — *сообщать* — *заявлять* — *изрекать* — *вещать* — *высказывать* — *толковать*, *говорить* — *болтать* — *лепетать* — *объясниться* — *изъясниться*, *сказать* — *произнести* — *проговорить* — *выговорить* — *промолвить* — *вымолвить* — *молвить* — *изречь* — *провещать* — *взговорить* — *проронить*, а глагол *думать* выступает опорным словом двух синонимических рядов: *думать* — *размышлять* — *мыслить* — *раздумывать* — *помышлять* — *мозговать* — *шевелить мозгами* — *раскидывать умом* — *думать* — *полагать* — *считать* — *чаять* — *мнить* — *мыслить*.

Слова синонимического ряда отличаются оттенком значения и эмоционально-стилистической окраской. Рассмотрим ряд с опорным словом *глаза*; в основе ряда лежит синонимическая пара *глаза* — *очи*; к ней примыкают слова *вежды*, *зеницы*, *гяделки*, *мигалки*, *зенки*, *шары*, а также составное наименование *орган зрения*. Оно используется в специальной научной литературе.

Между синонимами *глаза* — *очи* имеется смысловое, стилистическое и эмоциональное различие. Синонимы отличаются друг от друга прежде всего сферой употребления. Слово *очи* употребляется преимущественно в поэтической речи; слова *вежды* и *зеницы* — тоже слова поэтические, но они, кроме того, архаичны; встречаются

изредка в поэзии XIX в. и первой четверти XX в., например в поэме А. Блока «Возмездие»: «Уже ни чувств, ни мыслей нет. В пустых зеницах нет сиянья, Как будто сердце от скитанья Состарилось на десять лет» (гл. 3).

Составное название *орган зрения*, синонимичное слову *глаз*, используется в специальной научной и научно-популярной литературе, в профессиональной речи. Например, в школьном учебнике по анатомии и физиологии в параграфе «Зрительный анализатор» читаем: «Орган зрения состоит из глазного яблока и вспомогательных аппаратов: мышц, слезных желез, век с ресницами, бровей... Обычно глаз установлен на рассматривание отдаленных предметов. Только они дают четкое изображение на сетчатке. Но в любой момент глаз может перестроиться на четкое и ясное различение близких предметов». Остальные слова синонимического ряда с опорным словом *глаз* являются разговорными, просторечными.

Таким образом, синонимический ряд потенциально может иметь слово нейтральное (оно же опорное), книжное, разговорное (прежде всего — просторечное) и специальное.

Однако, как мы уже говорили, слова не только называют предметы и явления, они также характеризуют, оценивают их. В этом случае слова выполняют эмоционально-оценочную роль. Коммуникативно-стилистическое (стилевое) и эмоционально-стилистическое значения слова связаны друг с другом. Слова книжные обычно несут положительную, высокую оценку, слова просторечные — отрицательную, сниженную.

Например, просторечные слова *гляделки* и *бельма* несут значение неодобрения; будучи словами грубыми, они обозначают пренебрежение, причем *гляделки* является, кроме того, словом областным. Разговорные слова, которые разнообразят эмоциональную оценку, увеличивают объем синонимического ряда. Синонимические ряды, охватывающие более четырех единиц, содержат часто эмоционально-оценочные синонимы. Вообще, больше синонимов у слов с отвлеченным и оценочным значением.

Между синонимами имеется не только стиливое и эмоционально-стилистическое различие, но и понятийное, смысловое. Синонимы тождественны по ос-

повному значению опорного слова. Это значение более широкое, общее; значение других синонимов — более узкое, частное.

Словом *глаза* называют орган зрения вообще; можно сказать *девичьи глаза, кошачьи глаза, коровьи глаза, лошадиные глаза, собачьи глаза* и т. п. В рассказе Чехова «Белолобый» дается такой «портрет» щенка: «Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его... Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое».

Очи — это обычно только глаза человека, чаще — красивые женские глаза. В поэзии слова *глаза* и *очи* в таком значении употребляются как полные синонимы. Но даже здесь *очи* — более абстрактное слово, чем *глаза*; вообще, оттенок поэтичности и красоты часто сопровождает слово *очи*. В разговорной речи употребляются другие синонимы слова *глаза*. *Буркалы* — это большие, обычно выпуклые и маловыразительные глаза человека, а *гляделки* и *мигалки* — небольшие, тоже невыразительные глаза.

Значение опорного слова, как более общее, обозначает такое понятие, которое по объему охватывает многие предметы. По содержанию выражаемого понятия синонимы имеют различительные признаки. Лексическое значение слова не исчерпывает всего содержания понятия, поэтому одно и то же понятие может быть обозначено разными словами-синонимами.

Сближение слов, находящихся в родо-видовых отношениях, нарушает логические правила деления понятий. Родовое и видовое понятия перекрещиваются лишь частично: *дом* — это не только *изба*, *обувь* — это не только *ботинки*, *офицер* — это не только *лейтенант*. И тем не менее в разговорной обыденной речи это логическое правило нарушается: слова и словосочетания с широким смыслом, объединяя слова с частным значением, вступают в синонимические связи с ними. Так, синонимично употребляются *палец* и *мизинец*. Так, появляется расширенное значение у слова *улица* (и *улица*, и *проспект*, и *переулок*), составное наименование *головной убор* начинает обозначать и *шапку*, и *шляпу*, и *кепку*, и *берет*, и даже *платок*. Например, в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин» встречается синонимическое сближе-

ние обычного видового слова *шапка* и официального, номенклатурного, родового составного наименования *головной убор*:

— Да надень ты, парень, шапку,—

Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:

— Ты не первый,

Не второй страдаешь тут.

Поначалу наши нервы

Спать без шапки не дают,

И едва надел родимый

Головной убор солдат...

...И всего свернуло в сон («Отдых Теркина»).

Синонимия слов, обозначающих родо-видовые отношения понятий, носит односторонний характер: слово более широкого значения (родовое) употребляется вместо слова с более узким (видовым) значением, но не наоборот. Только тогда, когда узкое (видовое) слово употребляется в широком (родовом) значении, слова становятся взаимозаменяемыми. Так возникают обычно синонимы речевые, а не языковые. Речевая синонимия возникает в результате синонимического сближения слов одной и той же тематической группировки слов.

Мы уже говорили о тематических группировках слов, обозначающих жилище. Аналогична группировка слов, обозначающих обувь или головной убор; следует заметить, что слово с более общим значением *одежда* имеет синонимы *платье, костюм, наряд, туалет*, просторечные *одежа, одежка* и старое *убор*. Для правильного понимания синонимической близости слов необходимо уяснить сходство и отличие синонимов от тематической, лексико-семантической и словообразовательной группировок слов.

Рассмотрим с этой точки зрения семантическую близость таких слов, как *военный, солдат, офицер, генерал*. Несомненно, что существительное *военный* и его синоним *военнослужащий* имеют более широкое значение, называя любое лицо, находящееся на военной службе; их антонимами являются *штатский, гражданский, гражданский*. Вот пример: «Штатские носят светло-голубые галстуки, военные выпускают из-за воротника брыжи»¹ (Лермонтов. «Княжна Мери»).

¹ *Брыжи* — старое слово; оно обозначало воротник, манжеты или выпуск на груди, собранные в складки; *жабо*.

Слова *солдат* и *матрос* обозначают рядового, тогда как *генерал* и *адмирал* — офицера высшего чина. Синонимами не является одна из названных пар.

У слова *солдат* в современном языке синонимами являются *рядовой*, *боец* и *служивый* (устар., разг.): «Боеготовность армии, товарищи, это прежде всего боеготовность солдата. Боец на войне — решающая сила» (Бек. «Волоколамское шоссе»). У слова *боец* синонимами оказываются и *солдат*, и *воин*, хотя в широком, переносном смысле солдатом и воином называют и рядового, и офицера, и генерала:

«— Простите меня,— сказал маршал и слегка покраснел.— Простите за непрошеное вторжение. Но мы, солдаты, не знаем ни семьи, ни праздников, ни мирного веселья» (Паустовский. «Ручьи, где плещется форель»).

Синонимия, как наибольшая семантическая близость, предполагает грамматическую однородность. Это верно полностью в том смысле, что синонимический ряд охватывает слова одной и той же части речи. Конечно, слова одной и той же части речи различаются грамматическими категориями; синонимический ряд может включать разные формы числа у существительных или формы залога у глаголов (с этим видом варьирования форм слова мы познакомимся в рассказе восьмом).

Сейчас обратим внимание на то, что к одной и той же части речи относятся как слова, так и фразеологизмы и составные наименования. Синонимами могут быть не только слова, но и слова и устойчивые сочетания слов, фразеологизмы и составные наименования: *участвовать* — принять участие, *обещать* — дать обещание (слово), *ошибиться* — сделать (совершить, допустить) ошибку, *побледнеть* — стать бледным, *хитрый* — себе на уме, *вечерка* — вечерняя газета, *зарплата* — заработная плата, *тринадцать* — чертова дюжина.

В разговорной речи более распространены фразеологизмы, синонимичные глаголам. Так, в синонимическом ряду глагола *бездельничать* есть глаголы (*лодырничать*, *лентяйничать*) и фразеологизмы (*бить баклуши*, *сидеть сложа руки*, *лежать на печи (на боку)*, *считать галок*).

У глагола *скрыться* также есть синонимичные глаголы (*исчезнуть*, *смыться*, *смотаться*) и фразеологизмы (*поминай как звали*, *и был таков*, *и след простыл*).

Есть фразеологизмы, синонимичные наречиям. Например, в синонимическом ряду наречия *мгновенно*, наряду со словами *ментально*, *мигом*, *вмиг*, имеются сочетания: *в минуту*, *в один (единый) миг*, *в одно мгновение*, *в мгновение ока*. Или ряды: *до сих пор* — *доныне*, *издавна* — *испокон веков*, *днем* — *среди бела дня*, *пешком* — *на своих двоих*.

Употребление синонимических фразеологизмов и слов в большинстве случаев не совпадает; фразеологизмы несут добавочное, стилистическое значение, чаще всего эмоционально-оценочное значение сниженности и разговорности.

Подобная синонимия наблюдается и среди имен существительных. Так, к синонимической паре *ловкач* — *пройдоха* легко присоединить такие фразеологизмы, как *гусь лапчатый* и *малый не промах*.

Современная речь характеризуется не только распространением оценочных и эмоционально-оценочных фразеологизмов, но и составных наименований — терминологических словосочетаний. Они проникают в общий язык. Вот некоторые из них: *мелкие деньги*, *серная кислота*, *дробные числительные*, *канатная дорога*, *азбука Морзе*, *детский дом*, *белые стихи*, *аттестат зрелости*.

Эти составные термины входят в семантические связи с другими словами. Они, во-первых, ограничивают и видоизменяют синонимические связи прилагательных, входящих в их состав. Так, в устойчивом сочетании *красный галстук* прилагательное сужает свое значение и обозначает не любой галстук красного цвета, а *пионерский галстук*.

Составные наименования, во-вторых, становятся синонимичными словами, которые появляются в разговорном языке: *карболовая кислота* — *карболка*, *фенол*, *зубчатое колесо* — *шестерня*, *зубчатка*, *дыхательное горло* — *трахея*, *анютины глазки* — *виола*, *доменная печь* — *домна*, *электрический поезд* — *электричка*, *детский дом* — *детдом*, *выходной день* — *выходной*. Хотя вариантность и синонимия в терминологии осуждаются, из общо-разговорного языка изгнать их трудно.

Синонимический ряд слов отличается от тематической и лексико-семантической группы слов. Например, лексико-семантическая группа глаголов говорения охватывает слова: *говорить*, *беседовать*, *болтать*, *толковать*, *сообщать*, *доказывать*, *утверждать*, *хвалиться*, *кричать*,

шептать, заметить, продолжать и т. п. Не все слова этой группы являются синонимами. Только те из них, которые обладают подобным значением и могут заменять друг друга,— синонимы. Так, значение *вести разговор* объединяет вокруг слова *разговаривать* его синонимы: *беседовать, толковать, болтать, калякать, гуторить*. Они отличаются оттенком значения и стилистическими свойствами. *Беседовать*, например, означает: *вести деловой и задушевный разговор*, а *толковать* — *разговаривать, обсуждая что-либо*. Слово *гуторить* является областным, а слово *калякать* — просторечным и обозначает то же, что и слово *болтать*, — *вести разговор на несерьезную тему, говорить легко и непринужденно*.

Поскольку синонимический ряд состоит не из двух только слов, постольку между синонимами имеется неодинаковая степень близости и различия. Синонимы могут быть ближайшими и полными; они могут отличаться друг от друга в большей мере, являясь отдаленными синонимами.

Из всего ранее сказанного вытекает, что синонимы подразделяют на два вида: смысловые (понятийные) и стилистические. Смысловые синонимы различаются оттенком значения, стилистические синонимы отличаются друг от друга сферой употребления и оценочностью.

Например, в синонимическом ряду *мысль — идея — дума* различие между словами *мысль* и *идея* в основном смысловое, т. е. в оттенке основного значения, так как *идея* — это не всякая *мысль*, а *мысль* более сложная, продуманная, систематизированная. Слово *дума* отличается от других синонимов прежде всего стилистически, так как *дума* — слово архаическое и народно-поэтическое.

Обычно между синонимами наблюдается одновременно различие и стилистическое, и смысловое.

Синонимами являются слова, имеющие значение, подобное значению опорного слова, но отличающиеся друг от друга оттенками основного значения, сферой употребления и стилистическими свойствами.

Таким образом, у синонимов есть два основных свойства. Синонимы, с одной стороны, обладают смысловым подобием, близостью или даже тождественностью значений. Но, с другой стороны, смысловые и стилистические оттенки синонимов полностью не совпадают, и это

делает синонимику одним из выразительных средств языка.

Выбирая синонимы, говорящий может избежать навязчивого повторения одного и того же слова, однообразия в речи. Он может выразить тончайшие смысловые оттенки, уточнить одно слово другим или, совместно употребляя, нагнетая несколько синонимичных слов, дать исчерпывающую характеристику одного и того же предмета.

Приведем несколько примеров одновременного употребления синонимов в одном и том же контексте. Пример на синонимы *идти* — *шагать* — *семенить*: «Шагал и я, стараясь попадать в ногу и идти наравне с соседом» (Гаршин); «Идут сталевары «Гужона», «Шагают седые ткачи» (Сурков); «Идет вдоль деревни старик... «Здешний, что ли, дедушка? — Здешний, — ответил старик, а сам семенит, не сбавляя хода» (Солоухин).

Все названные слова обозначают *передвигаться, делая шаги*. Однако глагол *шагать* означает: *идти широким, размеренным шагом*, а глагол *семенить* — *идти частыми, мелкими шагами*.

Синонимика литературного языка в значительной мере основана на том, что словарный состав языка распадается на два противоположных стилистических пласта (слоя) — слова разговорные и слова книжные.

Синонимы, принадлежащие разговорному языку, охватывают как литературно-разговорные, так и просторечные слова; за пределами этих широко распространенных слов оказываются слова областные (диалектные и жаргонные (арготические)). Синонимическое использование разговорных слов придает речи фамильярность, пренебрежение; словом, разговорные и особенно просторечные синонимы снижают характер речи.

Напротив, синонимы, принадлежащие книжному пласту, придают речи характер приподнятости, торжественности, возвышенности, а иногда — напыщенности; словом, книжные слова создают высокий слог. Книжные слова неоднородны. Среди них выделяется архаическая и специальная (терминологическая) лексика, а также слова поэтические. К поэтической лексике, примыкают народно-поэтические (фольклорные) слова.

Синонимия — это сам процесс установления смыслового подобия слов в речевой деятельности гово-

рящих. Не все сближения, которые допускает говорящий в своей речи, становятся синонимами языка, синонимикой. Еще Пушкин справедливо писал: «Письменный язык поминутно оживляется выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрешаться от приобретенного им в течение веков».

Синонимика — это совокупность синонимов языка, возникшая в результате многократных синонимических сближений слов в прошлом. Созданная в прошлом, синонимика литературного языка регулирует синонимическое творчество, объединяет и делает доступными для всех индивидуальные синонимические сближения и замены.

Знание и владение синонимикой литературного языка делает речь правильной, точной и выразительной.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Смеется ли море?

Художественный (поэтический) язык характеризуется употреблением слов в переносном (метафорическом) смысле. Среди метафорических употреблений слов используются переносы, возникающие при олицетворении природы.

Один из ранних рассказов М. Горького «Мальва» начинался так:

«Море — смеялось.

Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и покрывалось мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В глубоком пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших одна за другою на пологий берег песчаной косы. Этот звук и блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости. Солнце было счастливо тем, что светило; море — тем, что отражало его ликующий свет.

Ветер ласково гладил атласную грудь моря; солнце грело ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая под нежной силой этих ласк, насыщало жар-

кий воздух соленым ароматом испарений». (Собр. соч. в 30-ти т., т. 3, с. 241.)

Море, солнце и ветер изображаются как живые существа: они смеются и улыбаются, нежно и ласково глядят, дремотно вздыхают и вздрагивают, они — счастливы, как живые существа.

Такой способ художественного видения вызывает трудности его восприятия. А. П. Чехов об этом говорил:

«— Вот вы прочитали — «море смеялось» и остановились. Вы думаете, остановились потому, что это хорошо, художественно. Да нет же! Вы остановились просто потому, что сразу не поняли, как это так: море — и вдруг смеется? ...Море не смеется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, солнце заходит... птички поют... Никто не рыдает и не смеется. А ведь это и есть самое главное — простота...» (Серебров (Тихонов) А. О Чехове. — В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960, с. 649.) Попутно напомним, что впоследствии, в 1928 г., сам М. Горький отмечал, говоря о начальном периоде своего творчества: «Вообще я старался писать «красиво». «...Ночь — по моим же словам — была тихая, лунная, такими ночами фонарей не зажигали, тень не могла вздрагивать, если нет ветра и огонь горит спокойно. Такие «описки» и «обмолвки» встречались в каждом моем рассказе, и я жестоко ругал себя за это. «Море смеялось», — писал я и долго верил, что это — хорошо. В погоне за красотой я постоянно грешил против точности описаний...» (Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24, с. 489.) Следует, правда, заметить, что «красота слова», олицетворенность природы объяснялась не только поисками необычного, яркого слова, но и тем романтизмом, который был свойствен ранним произведениям Горького.

Писать просто и красиво — два равнообязательных требования к поэтической речи. Без речи ясной и выразительной нет искусства слова, нет поэтической речи. И хотя нам часто кажется, что поэтическая речь — это чудо, сотворенное художником в момент наивысшего вдохновения, нет, все-таки поэтическое творчество, искусство слова, как и всякое другое творчество, опирается на навыки и знания доведенные до высшей степени мастерства.

Прежде всего, в поэзии есть свои речевые традиции,

художественные стили. Они порождают слой поэтической лексики — синонимы поэтической речи (поэтизмы). Например, слова *очи — зеницы*, *синь — лазурь* являются поэтическими синонимами.

Возьмем, казалось бы, обычную синонимичную пару: *конь — лошадь*.

Пушкин использовал в своих произведениях почти равночастотно как слово *лошадь* (оно употреблено им 277 раз), так и слово *конь* (употреблено 264 раза), например:

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня («Зимнее утро»);
Евгений ждет: вот едет Ленский
На тройке чалых лошадей («Евгений Онегин»,
гл. 4, строфа XLIV).

И все же между этими словами уже в то время устанавливается прочное не только стилевое, но и смысловое различие. Слово *конь* чаще означает верховую лошадь. В одной из «Песен западных славян» есть такое обращение к воинскому коню:

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?

Слово *конь* приобрело примету слова поэтического, именно поэтому в поэме «Медный всадник» Пушкина читаем: «Куда ты скачешь, гордый конь, И где опустишь ты копыта?»

В стихотворениях, написанных в духе народно-поэтических произведений, появляются другие синонимы слова *конь*. Например, в сказке Ершова выводится сказочный конь — «ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да аршинными ушами». Поэт называет его то *коньком*, то, чаще, *горбунком*; называет он его также *сивкой-буркой*, *вещим кауркой*. Это речевые синонимы, синонимы сказочного текста.

Например, у советского поэта Александра Прокофьева:

Мои друзья летели в бурках
Зимою в огненной пыли,
И сивки — вещи каурки —
Едва касались земли («Гроздь». Л., 1967, с. 16).

Слова *сивка*, *савраска* в поэзии могут быть использованы как синонимы слов *конь* и *лошадь*, и наряду с прилагательными *конский*, *лошадиный* создается прилагательное *саврасий*:

Ходит по двору конюх в шинели,
Тычет пальцем в саврасьи бока (Н. Тряпкин.
«Утро»).

По масти животного называется лошадь у Н. А. Некрасова. В поэме «Мороз, Красный нос» синонимично слову *лошадь* употребляется кличка *Савраска*:

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот...
...Саврасушка, трогай!
Натягивай крепче гужи!

В поэме А. Т. Твардовского «Страна Муравия» герой обращается к коню: «Трогай, Серый!» и «Тпру, конь!». Цыгане говорят: лошадь, а Моргунок — конь, и автор тоже пользуется словом *конь*, если даже речь идет о крестьянской рабочей лошади:

Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянка с ног, рубаха с плеч —
Держались на коне (гл. 3).

Следовательно, словами, употребляющимися в стихотворной речи, оказались *конь* и *Савраска*. Слово *лошадь* стало разговорным, прозаическим; к тому же оно обозначало коня в упряжке, ездовую лошадь. В таком значении Пушкин его употребляет чаще в прозаических текстах, например: «Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистеневскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора» («Дубровский», гл. 6); «Савельич поспешил вывести меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы» («Капитанская дочка», гл. 1).

Использование слова *конь* как поэтического было обычным для поэзии XIX в. Владимир Маяковский, подчеркивал буржуазный характер «вежливых» и «благородных» слов старой поэзии, писал: «Поэт Фет сорок шесть раз упомянул в своих стихах слово «конь» и ни разу не заметил, что вокруг него бегают лошади. Конь — изысканно, лошадь — буднично. Количество слов «поэтических» ничтожно». (Эту книгу должен прочесть каждый.— Полн. собр. соч. М., 1959, т. 12, с. 12.)

Маяковский написал стихотворение «Хорошее отношение к лошадям». Как здесь, так и в других произведениях он показывает, что любое разговорное слово может быть употреблено в стихах, может стать поэтическим. В стихотворении говорится именно о такой обыкновенной, рабочей лошади. Она поскользнулась и упала. Это вызвало смех торгашей. Но поэт не засмеялся, он посмотрел в «глаза лошадиные» и увидел в них «звериную тоску». Он сказал, обращаясь к измученному работой животному:

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?...»
Может быть
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
Она жеребенок,
и стойло жить,
и работать стойло.

Эта нарочитая поэтизация слова *лошадь* предполагает традиционное восприятие его как слова непоэтического; поэт, выражая новое мировоззрение, расширяет арсенал поэтических слов. Поэт А. Рогов в стихотворении «Лошади» также специально подчеркивает уважительное отношение к рабочим лошадям — трудовым

большим коням, называя их не игрушечными лошадками, а лошадюгами:

Все пути предательски гладки
после поздней февральской выюги.
Эти лошади — не лошадки,
Эти лошади — лошадюги.

Кони стонут по-человечьи,
напрягая литое тело.
И они и люди под вечер
намотаются до предела.

Длинный тракт укатан до блеска,
у обочин режут машины.
Для колхоза из перелеска
возят лошади древесину.

Но они человеку верят
и простят ему гнев ненужный.
Старый конюх овса отмерит
к ночи каждому на конюшне...

Тем не менее в поэзии есть своя традиционно-поэтическая лексика; в стихах используются такие слова, которые не употребляются в бытовой и научной речи. И хотя некоторые современные поэты вводят в стихотворную речь обыденные и даже грубые слова, технические слова, поэтическая лексика сохраняется; она и придает тексту поэтичность, романтичность и возвышенность. Такие традиционные поэтические слова называются поэтизмами; они являются традиционно-поэтическими синонимами опорных общелитературных слов: *очи* — это тоже *глаза*, а *уста* — *рот*, *рамена* — *плечи*, *длань* (и *десница*) — *рука*; *бокал* в поэтической речи называют *кубком*, *платок* — *платом*, *бой* — *бранью*, *войско* — *ратью*, *лелеять* — это то же, что *холить*, а *лобзать* — (*по*) *целовать*; вместо слова *родной* используется прилагательное *отчий*, вместо *дорогой* (*милый*) — *бесценный*, вместо *северный* — *полночный*, а вместо *южный* — *полуденный* (*полдневный*); *безмятежно* — это значит *спокойно*. Конечно, поэты употребляют прилагательное *желтый*, но наряду с ним — *золотой*, *лимонный*, *канаречный*, *шафранный* (*шафрановый*), *янтарный*, *соломенный*, *яичный*.

Особо выделяются народно-поэтические слова, встречающиеся в устном народном творчестве, стихах и песнях, написанных в народно-поэтической традиции: *раздолье* и *приволье* — это *простор*, *стежка* — *тропинка*, *пташка* — *птичка*, *судьбина* — *судьба*, *доля* — *участь*, *царство* — это *государство* или *страна*; *любимого* или *любимую* зовут *лада*, *невесту* и *жениха* — *суженой* и *суженым*, *мать* — *матушкой*, *отца* — *батюшкой* и *родимым*. В народно-поэтической речи встречаются глаголы *кручиниться* — *грустить*, *тужить* — *горевать*, *голубить* —

холить, зазнобить — увлечь (увлекать), прилагательные бесталанный — несчастный, красный — красивый, несказанный (неописуемый) — невыразимый, родимый — дорогой. В фольклорных произведениях встречаются сдвоенные слова типа лягушка-квакушка, трава-мурава, раным-ранешенько (рано) и подобные.

Образно-переносные значения слов могут быть свойственны языку одного какого-либо поэта или писателя; ср., например, словоупотребление Лермонтова и Кольцова, Блока и Маяковского.

Широкое использование индивидуальных и контекстных синонимов затрудняет восприятие стихотворения или поэмы. Слова, употребляемые в художественной речи в переносном (метафорическом) смысле, вступают в смысловые и стилистические связи с опорными словами синонимических рядов и лексико-семантических групп.

Особенно часто поэты употребляют слова, содержащие сравнение, и это создает образное видение мира и эмоциональное отношение к нему. Обычно люди говорят: «Весной в поле расцветают цветы, летят журавли». Такие слова сами по себе не вызывают особых эмоций. И вот поэт, одушевляя природу, говорит, что она вышивает узор из цветов и смотрит на небо глазами озер, и глаза эти поэтому — голубые. Вот прочитайте:

Выйдешь в поле — весна над равниною
Из цветов вышивает узор,
Вереницу следит журавлиною
Голубыми глазами озер (П. Комаров. «Приуралье»).

Такой способ словесного выражения распространен в поэзии, он может даже превращаться в поэтический штамп.

Мышление образами всегда живее, чем мышление понятиями. При образном мышлении мысль не только сообщается, но ей придается то настроение, которое владеет поэтом. Образное мышление действует непосредственное, чем мысли, переданные абстрактно, без наполнения их частностями и поэтическими подробностями.

Всего один пример. В апреле 1840 г. М. Ю. Лермонтов написал стихотворение «Тучи». Оно начинается так:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Прямые и переносные значения слов переплетены: и цепь здесь не металлическая, а вереница, подвижный ряд туч, и прилагательное *жемчужная* не означает, что тучи из жемчуга или с жемчугом, а указывает на их цветное сходство с жемчугом, и степь здесь не сухое безлесное пространство, а синева неба.

Эта поэтическая картина имеет еще внутренний, переносный смысл. Пейзажная, описательная сторона осмысливается как лирическая. Лиризм вводится формой первого слова — *тучки* (а не тучи) и особенно лирическим эпитетом *милый*: «милый север» — это, конечно, не географическое понятие, а место жительства поэта — Петербург; «сторона южная», как легко представить, это тот самый Кавказ, который стал местом ссылки и гибели поэта.

Это внутреннее волнение становится понятным, если вспомнить, что образ странника — один из любимых у поэта, которым он пользуется, чтобы показать свое душевное одиночество в светском обществе царской России: тучки — странники, и поэт — странник, но тучи и поэт — изгнанники. Этот образ одиноко странствующих туч хорошо известен был любителям поэзии того времени. Вспомните хотя бы эти строки:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури.. (Пушкин).

Или

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой (Лермонтов).

Сравнения вызывают богатство ассоциаций, и речь поэта становится емкой, эмоционально-выразительной и действенной.

Объектом сравнения выступают обычно предметы и лица, которые являются общеизвестными, а потому понятными читателю или слушателю, или такие, которые индивидуальны и неповторимы, а потому сильнее действуют на воображение и чувства читателя и слушателя.

Сравнения, которые используются в художественных произведениях, заимствуются из двух полярных областей — из мира природы и из мира человеческого общества.

Объекты сравнения, заимствованные из мира неживой природы, менее понятны; они раскрывают качества

людей путем приписывания человеку свойств явлений природы, путем параллельного сопоставления явления человеческого общества и явления природы. Так, поэт С. Щипачев в стихотворении «Березка», описывая картину природы, изображает через нее девичью верность в любви:

Ее к земле сгибает ливень,
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо —
И дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буря берет за плечи,
За руки белые берет.

Но тонкую, ее ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

Более обычно сравнение человека с животными и птицами, чем с растениями. На таком сравнении построены басни. Наиболее известные животные стали обозначать то или иное человеческое качество — мужество, трусость, хитрость, жадность и т. п. Например, басенный заяц — это олицетворение трусости и хвастовства. Приведем басню И. А. Крылова «Заяц на ловле»:

Большой собравшись гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили —
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой,—
Кричат ему,— пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».
«Вот, братцы! — Заяц отвечал,—
Да из лесу-то кто ж,— все я его пугал
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка!»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Заяцу дан клочок медвежьего ушка.

Сравнения из мира человеческого общества опираются на социальное положение людей в обществе, на родственные, дружеские и другие отношения, а также на психические и физические состояния человека (младенец, красавица и т. п.).

Синонимами *умника* являются разговорные слова *умница* и *разумник*; разговорны и просторечны синонимы имени прилагательного *умный* — *мудрый*, *разумный*, *толковый*, *неглупый*, *далекий*, а также усилительные и грубовато-фамильярные слова *башковитый*, *мозговитый* и *головастый*: «Мы с партийной организацией побеседуем, с Дружининым. Он секретарь парткома толковый, я вызову его к себе. И технолог на заводе башковитый» (Сафронов. «Московский характер»). Синонимами опорного слова *умный* являются разговорные слова *толковый*, *разумный* и просторечные *башковитый*, *мозговитый*, *головастый*, *умственный*.

Одно из отрицательных явлений общества, мешающее нормально жить и работать, — бюрократизм, формальное отношение к делу. Естественно, возник и широко используется синонимический ряд слова *бюрократ*; сюда относятся слова *чиновник*, *буквоед*; эти слова характеризуют человека отрицательно, выражают пренебрежительное отношение к нему; такое же значение, еще более усиленное, имеют слова *чинуша*, *чинодрал* и составные наименования *бумажная* (или *чернильная*) *душа* и *чернильная крыса*, *высокомерие* и *высокомерность* (*надменность*, *гордыня*, *гордость*, *спесь*).

Синонимические ряды, обозначающие положительные, желательные явления, также чаще всего состоят из абстрактных существительных и прилагательных. Это, например, синонимы существительных *героизм* (*геройство*, *доблесть*), *удача* (*счастье*, разговорные *везение* и *фортуна*, просторечное *фарт*, народно-поэтическое *талант*), *свобода* (*независимость*, *воля*) и однокоренные им прилагательные: *героический* (*геройский*, *доблестный*), *удачливый* (*счастливый*, разговорное *везучий*, просторечное *фартовый*, народно-поэтическое *таланый*), *счастливый* (*блаженный*, *райский*, *безоблачный*, *сладкий*, *золотой*), *удачный* (*успешный*, *счастливый*, *благополучный*), *свободный* (*независимый*, *вольный*, *привольный*, разговорное *раздольный*, просторечное *вольготный*), *независимый* (*самостоятельный*, *суверенный*) — и наречия *удачно* (*успешно*, *счастливо*, *благополучно*), *свободно* (*вольно*, *привольно*, разговорное *раздольно*, просторечное *вольготно*).

Конкретные слова несут большую образность, чем слова абстрактные. Абстрактные существительные и прилагательные выразительны своей оценочностью, свя-

занной как с самим обозначаемым понятием, так и со стилистической характеристикой слова.

В языке художественной литературы отклонение от литературной нормы идет не только за счет употребления поэтических и оценочных слов, но также за счет привлечения слов разговорных, особенно в речи персонажей. Персонажи говорят тем самым разговорным языком, каким пользуются их прототипы в жизни. Прочитаем, например, отрывок из романа А. Фадеева «Разгром»:

«В дрожащую полосу света падали из темноты новые фигуры в длинных грязно-белых рубахах, некоторые с узелками — прямо с работы. Они приносили с собой шумливый мужицкий говор, запах дегтя и пота и свежескошенных трав.

— Здравствуйте в вашу хату...

— Хо-хо-хо!.. Иван? А ну, кажи морду на свет — здорово чмели покусали?..

— Ты чего ж это мой клин скосил?

— Как твой! Не бреш!.. Я — по межу, тютелька в тютельку. Нам чужого не надуть — своего хватает...» (гл. 5).

Разговорные слова, как и общественно-политическая лексика и терминология, раскрывают не только жизнь и характер героев художественных произведений, но и классовое сознание рабочих и крестьян, их идеологию. Примеров тому очень много, ограничимся только одним — из повести М. Горького «Мать». Рабочие и крестьяне, выражая свое классовое сознание, называют эксплуататоров неодобрительно барами, сытыми, жадными. Рыбин презрительно именует их зверьем. Оценочным стало и заимствованное слово *буржуа*. Егор Иванович разъясняет Ниловне: «Именно толстенькие человечки главные греховодники и самые ядовитые насекомые, кусающие народ. Французы удачно называют их буржуа. Запомните, мамаша, — бур-жуа. Жуют они нас, жуют и высасывают» (ч. 1, гл. 23).

Еще большую отрицательную оценку передает просторечный вариант: *буржуй*. Это слово широко употреблялось в городском разговорном языке первой четверти нашего века. Оно проникло в поэзию:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй (Маяковский).

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем (Блок).

Эх, яблочко,
Ананасное,
Не ходи за мной, буржуй,
Я вся красная (Частушка).

Поэт Евгений Винокуров уже воспринимает употребление слова *буржуй* с мягким юмором. Когда ему было пять лет, в детском саду ему выдали справку: «Осведомленность в политико-социальных явлениях — хорошая». С этого поэт и начинает стихотворение о детстве:

Сейчас поверят в это разве?..
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад.
Вы улыбнетесь, знаю:
Ибо
И дико это и смешно.
Педагогических загибов
Пора окончилась давно.
Меня и нынче брат мой дразнит,
Он этой справки не забыл...

Но политически я развит
Действительно в те годы был.
...Я, помню,
Не жалел под праздник
Ни черной туши, ни белил,
Весь мир на белых и на красных
Безоговорочно делил.
Задорный, тощий, низкий ростом,
Я весело маршировал,
И в каждом человеке толстом,
Буржуя я подозревал («Из
стихов о детстве»).

Язык художественной литературы содержит много речевых синонимов, создаваемых переносным употреблением слов, привлечением слов старинных и разговорных. Синонимия языка художественной литературы шире и разнообразнее, чем это допускает синонимика литературной нормы.

Хотя море буквально не смеется, а ива буквально не плачет, хотя человек не заяц и не волк, однако такой способ выражения своих мыслей и чувств обладает своими достоинствами: слова получают дополнительную выразительность.

Широко использование образно-переносного значения слова приводит к потускнению образности. Мы говорим: *Солнце взошло; Солнце село; Часы идут*, не замечая, что в основе такого словоупотребления лежит переносное значение. При утрате образности слово начинает использоваться как синоним литературного языка. Например, образ лисы широко использовался как олицетворение хитрости и лести; слово *лиса* постепенно получает значение *хитрый и льстивый человек*, становится синонимом слов *хитрец* и *льстец*: «Лиса он, право, лиса. И нам с Глебом он сначала сладкие песни пел, но мы теперь поняли, какой он мерзавец» (Саянов. «Небо и земля»).

В литературном языке есть слово *нелюдим* — *нелюдимый человек*. В говорах русского языка есть слово *бирюк*; так называется волк-одиночка. И. С. Тургенев в рассказе «Бирюк» писал: «Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый». Постепенно слово *бирюк* со значением *одинокий нелюдимый человек* получает широкое распространение, вступая в синонимические связи со словом *нелюдим*. С. Н. Сергеев-Ценский в романе «Севастопольская страда», говоря об адмирале П. С. Нахимове, писал, что он «бирюком отнюдь не был. Напротив, он был всегда радушным хозяином».

Синонимия художественной литературы расширяет и углубляет синонимические возможности языка, а традиционность поэтического языка сохраняет его средства, накопленные в течение веков. Писатель отбирает слова из синонимических богатств языка и может использовать синонимы в одном тексте.

Приведем пример на синонимы *идти* — *шагать* — *семенить*: «Шагал и я, стараясь попадать в ногу и идти наравне с соседом» (Гаршин); «Идут сталевары «Гужона», шагают седые ткачи» (Сурков); «Идет вдоль деревни старик... — Здешний, что ли, дедушка? — Здешний, — ответил старик, а сам семенит, не сбавляя хода» (Солоухин).

Все названные слова обозначают «передвигаться, делая шаги». Однако глагол *шагать* означает: идти широким, размеренным шагом, а глагол *семенить* — «идти частыми, мелкими шагами».

В интервью с В. Распутиным «Живу и верю» есть такой абзац: «Четыреста верст от Аталанки до Иркутска.

От столицы до Аталанки — много тысяч верст. Его дом, его постоянное жилище, даже не посередине — гораздо ближе к родной деревне». В последнем предложении встречаются синонимы *дом* и *жилище*, они уточняют друг друга, причем показательно, что *дом* поясняется как постоянное жилище, хотя несколько абзацев ранее слово *дом* употребляется в значении «здание»: «Серый день. Солнечно-желтый дом. «Здесь пишется»... Тринадцать скрипучих ступенек вверх. Стул. Стол. Бумага».

Упорная работа писателей над речью своих произведений, поиски самого нужного слова, расширение возможностей языка — всем этим и создается речевое мастерство.

Внимательное чтение и изучение произведений мастеров слова — одно из необходимых условий повышения своей собственной культуры.

Читая тексты художественной литературы, замечая меткое художественное слово, речевую синонимию, не надо забывать, что язык художественной литературы и литературный язык не одно и то же.

Язык художественной литературы — лишь одна из разновидностей литературно-письменного языка. В целях образного изображения действительности и эмоционального воздействия на читателя писатель использует не только средства всех стилей языка, но и употребляет слова просторечные и диалектные, создает индивидуальные, авторские неологизмы.

Литературный язык — образцовый, обработанный мастерами культуры. Нормы литературного языка являются общеобязательными; они противостоят диалектам, просторечию и индивидуальному словотворчеству.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Как авиатор стал летчиком- космонавтом

Среди синонимов есть слова иноязычные.

Когда слово *мир* означает Землю, то ближайшим его синонимом является слово *свет*, а когда слово *мир* означает всю Вселенную, его синонимом становится заимствованное слово *космос*. Оно заимствовано из греческого, употреблялось долгое время в научной литературе. Сейчас это слово получило широкое распространение.

Иногда заимствованное слово становится более употребительным, чем русское или славянское по происхождению слово. Мы чаще говорим *алфавит*, чем *азбука*; *армия*, чем *войско*, а тем более — *рать*; *врач* употребляется чаще, чем *лекарь* (это слово, родственное глаголу *лечить*, получило пренебрежительный оттенок); слово *манера* встречается чаще, чем *замашка*, *повадка*, *ухватка*, *ужимка* (все эти русские разговорные слова получили более частное значение и сопровождаются оценкой неодобрения).

Заимствованные слова в общем языке обычно включаются в синонимический ряд с опорным русским словом. Наряду со словом *буря* для обозначения сильного, разрушительного ветра употребляются заимствованные

слова *ураган* и *тайфун*. Огромный по величине и силе человек — это не только *великан*, но и *гигант*, *колосс*, *титан* (все эти три слова заимствованы из греческого языка). Наряду со словом *одежда* и его синонимами *наряд* и *платье* используются заимствованные слова *костюм* и *туалет*. Синонимами русского слова *изречение* являются заимствованные слова *афоризм* и *сентенция*, а слово *вид* имеет синонимы *ландшафт*, *картина*, *панорама*, *пейзаж*.

Любование самим собою и своими мнимыми достоинствами называют *спесью*: у этого слова есть синонимы — не только *чванство* (*спесь* вместе с *важничаньем*), но и заимствованные слова: *гонор*, *фанаберия* и *амбиция*. У прилагательного *вежливый* есть не только русские по происхождению синонимы (*учтивый*, *любезный*, *обходительный*), но и заимствованные (*деликатный*, *корректный*). Синонимами прилагательного *маленький* оказываются не только слова *малый* и *крошечный* (*крохотный*), но и *микроскопический*, *миниатюрный*, *карликовый*.

Приведенные примеры показывают, что иноязычные слова широко используются в общелитературном языке, входят в его синонимику.

Отношение к иноязычным словам бывает разное.

Есть люди, которые решительно выступают против иностранных слов. В. И. Даль, составитель толкового словаря русского языка прошлого века, потратил немало усилий, заменяя русскими, в том числе придуманными, словами иностранные слова: *волнователь* вместо *агитатор*, *глазоем* вместо *горизонт*, *живуля* — *автомат*, *лельница* — *аптека*, *ловкосилие* — *гимнастика*, *подобень* — *портрет*, *соглас* — *гармония*, *побудка* — *инстинкт*, *сине-алый* — *фиолетовый*, *насылать* — *адресовать*. «Мы не гоним общей анафемой, — говорил он, — все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи, но к чему вставлять в каждую строчку: *моральный*, *оригинальный*, *натура*, *артист*, *грот*, *пресс*, *гирлянда*, *пьедестал* и сотни других подобных, когда без малейшей натяжки можно сказать то же по-русски? Разве: *нравственный*, *подлинный*, *природа*, *художник*, *пещера*, *знет*, *плетеница*, *подножье* или *стояло* хуже? Нисколько, но дурная привычка ходить за русскими словами во французский и немецкий словари делает много зла. Мы очень нередко

видим, что писатели вставляют самым странным образом французское слово, явно против воли и желания своего, только потому, что не могли в скорости найти русского, или даже не знали его,— неужели и это хорошо и извинительно?» (Полн. собр. соч. М., 1898, т. X, с. 551.)

Неприязнь к любому иностранному слову не соответствует историческим закономерностям развития словарного состава языка. Нет ни одного народа, который не использовал бы иноязычные слова для обогащения родного языка. В русском языке употребляются такие, например, слова, как *свекла*, заимствованное из греческого языка, *вокзал* (впервые оно появилось в английском языке), *пальто*, пришедшее к нам из Франции. Почти все (кроме междометий) слова, начинающиеся на *а, э, ф*, нерусского происхождения: *аванс, август, автор, агитатор, ад, азот, акула, арбуз; экран, электрик, элемент, эпоха, этаж; фабрика, факт, фара, фартук, фасоль, февраль, фреза* и т. п.

Отвергать эти слова и тратить усилия на их замену другими словами нет смысла, так как они вошли в плоть и кровь русского языка, стали общеупотребительными, и русские их двойники сейчас звучат «иностраннее» иностранных. Зачем восстанавливать забытые (хотя и русские по происхождению) *сверкалец* или *числословие*, когда все знают и употребляют *алмаз* и *арифметика*?

Эти слова являются иноязычными лишь по источнику своего происхождения; будучи усвоены русским языком, они получили русское произношение, дали не одно производное русское слово и приобрели такое значение, которое свойственно им только как словам русского языка. Если латинское слово *minister* обозначало слуга, прислужник, то в русском языке словом *министр* называют члена правительства, главу министерства. Русское слово *карий* обозначает коричневый цвет глаз, хотя тюркский корень, от которого оно произошло, *кара*— это черный, и мало кто из русских людей знает, что этот корень имеется в слове *карандаш*, составленном из двух тюркских корней со значениями *черный* и *камень*.

Слово *деталь* заимствовано из французского языка; в нем слово *detail* имеет три значения: 1) подробность; частность, мелочь, 2) часть механизма, маши-

ны, 3) розничная торговля. Первые два значения сохранились в русском языке; в первом значении слово *деталь* входит в синонимический ряд *подробность, частотность, тонкость, мелочь* и соотнесено с прилагательным *детальный* (оно входит в синонимический ряд слова *подробный* наряду с прилагательными *обстоятельный* и *доскональный*), глаголом *детализировать (детализовать) — разрабатывать (разработать)* (в деталях, подробно, уточнять). Третьего значения французское заимствование не сохранило; в русском языке употребляются составное наименование с прилагательным *розничный* (торговля, цены, товары) и существительное — термин *розница*.

Второе значение французского слова *detail* и русского *деталь* ограничивается специальным, научно-техническим употреблением. А. Павлов, рассказывая о профессии токаря, пишет: «Деталь — слово французское, в переводе означает мелочь. Детали точит токарь — это всем известно. Но едва ли кому придет в голову сказать, что он делает мелочи. Все, начиная от станка на заводе или, скажем, комбайна в поле и кончая простой авторучкой, собирается из деталей... Имя сподвижника Петра I Андрея Нартова всем тоже известно еще из школьной истории. Кем же был Нартов? Токарем! «Мастером — золотые руки», — сказали бы сейчас. Но самая большая заслуга Нартова как раз в том, что он придумал приспособление, заменившее человеческую руку. «Держалко» или, по-современному, суппорт — вот его изобретение». (Комсомольская правда, 1981, 12 авг.)

Проникновение в языки мира слов с латино-греческими корнями легко прослеживается на материале лексики воздухоплавания и космических полетов, да и сами слова *авиация* и *космос* — латинского и греческого происхождения: латинское слово *avis* означает птица, а греческое *kosmos* — вселенная.

Авиационная и космическая терминология, представляющая значительный слой научных и технических слов, проникает в язык газет и художественных произведений, в общенародный язык. Приведем данные толковых словарей. В толковом словаре В. И. Даля слов с начальным корнем *авиа-* нет (первый том издан в 1863 г.). В то же время в словаре имеются: летательный прибор, летун (летунья) — кто летает, летатель (летательный-

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко (Пушкин,
«Медный всадник»).

Лодка может быть парусной, как в стихотворении Языкова; она может быть непарусной, гребной; позднее появились лодки моторные, моторки. Итак, лодка — малое судно (гребное, парусное, моторное). Лодка в то же время — самое древнее средство передвижения человека по воде, она много веков служила основным средством передвижения по рекам, озерам и даже морям; на лодке плавали и плавают народы Австралии, Азии и Африки в XIX и XX вв., когда уже появились парусные суда, а затем пароходы, теплоходы, теплоэлектроходы и атомоходы.

Первобытный человек для передвижения по воде использовал отдельные стволы деревьев, а затем плоты (ср.: индийские катамараны), челны из стволов с дуплом и, наконец, долбленые лодки. Веками передвигались люди на плотам и лодках при помощи шеста и весла, пока не появился парус; их применение было известно в Древнем Египте, Китае, Финикии уже 3000 лет до н. э.; в XVI — первой половине XIX в. парусный флот был основным в военном и торговом деле — корабли, бриги, бригантинны (шхуны-бриги). Во второй половине XIX в. весло и парус на кораблях заменил гребной винт; он стал применяться в торговых и военных флотах всех стран мира.

Древнейший тип лодки — однодеревки, долбленые и пареные (при их изготовлении толстое бревно выдалбливалось, а затем оно распаривалось и раздвигались борта). Такими лодками являются пироги индейцев, как-яки эскимосов, байдарки алеутов. К ним принадлежит челн (челнок). Беспарусные лодки называют также шлюпками; они бывают корабельными (баркасы, вельботы, катера, ялы) и речными (дошаники, ялики). Спортивные шлюпки — это байдарки, пироги, каноэ, скифы и клинкеры.

Названия разных лодок обозначают различные виды судов; поэтому при прямом употреблении эти слова не являются синонимами. Синонимия возникает лишь тогда, когда слово, обозначающее общее понятие и назы-

являющее тему лексико-семантической группы слов, употребляется вместо слова с частным значением, членом данной лексико-семантической группы слов: *лодка* — вместо *шлюпка, байдарка, ладья, джонка* и т. п., *шлюпка* — вместо *ялик, дощаник, байдарка* и т. п.

Следует при этом помнить, что слова *лодка* и *шлюпка*, *шлюпка* и *ялик* различаются только своим предметным содержанием, тогда как другие названия лодок (*гондола, дощаник, джонка*) различаются еще страноведческим компонентом своего содержания. При переносном употреблении, в особом поэтическом контексте лодку называют по-старому *ладьей* и *челном*, как это видно из ранее приведенных стихотворений.

Аналогичную картину мы обнаружим, если рассмотрим предметы и понятия, обозначаемые словами тематической группы *бандура*. Бандура, как и старинная украинская кобза, относится к числу струнных щипковых инструментов; в XVI—XVII вв. игрой на кобзе (она постепенно воспринимает особенности другого народного инструмента — бандуры) кобзари (или бандуристы) сопровождали свое пение, исполнение украинских дум. Т. Г. Шевченко первую книгу стихов назвал «Кобзарь»; в ней отразился песенный стиль и поэтические образы украинской народной поэзии; образ старого, слепого кобзаря Перебедни не раз возникает в его стихах и поэмах:

Ветер веет, повевает,
По полю гуляет.
Сидит кобзарь на кургане,
На кобзе играет...
Хорошо, кобзарь, отец мой,
Хорошо, что ходишь
На кургане и словом, песней,
Душу там отводишь! («Перебедня»).

Струнные инструменты противопоставляются инструментам духовым (таким, например, как флейта, горн, саксафон), язычковым (баян, варган, флексатон) и ударным (литавры, барабан, бубен, ксилофон, бубенцы, гонг и т. п.). Струнные инструменты, как известно, делятся на смычковые (к ним относятся скрипка, альт, виолончель, контрабас), щипковые (арфа, гитара, балалайка и т. п.) и ударные (это такие инструменты, как цимбалы, фортепиано, клавесин). Современные музыкальные инструменты возникли на основе народных музыкальных инструментов. Так, на основе народной скрип-

ки в XV—XVI вв. создается современная скрипка. певучая и богатая красками звука; итальянские скрипки XVII—XVIII вв. до сих пор применяются в исполнительской практике, и их совершенство подчеркивали и подчеркивают выдающиеся скрипачи современности.

Струнные щипковые музыкальные инструменты существуют у всех народов с давних времен; перебор струн, их зашипывание производится пальцами или специальной пластинкой — плектром; например при игре на мандолине, древнерусской домре или банджо — инструменте американских негров; на лире и лютне переборами струн то пальцами, то плектром. Арфа распространена во всех частях света и с древних времен: изображение древнегреческой лиры было символом музыки. Старинный щипковый инструмент восточного происхождения породил мандолу (пандуру) и гитару. На гусях играли на Руси с VI по XIX в.; старинным гусям сродни эстонская каннель и латышская коколе. Русская балалайка, пришедшая на смену домре скоморохов, стала символом русской музыкальной культуры.

Естественно, что арфа и лира, домра и балалайка, гусли и каннель, лютня и гитара не являются синонимами, хотя и обозначают родственные струнные щипковые музыкальные инструменты. Эти названия, как музыкальные термины и экзотизмы, встречаются в музыковедческих, исторических и географических сочинениях, а также в переводных и оригинальных художественных произведениях, описывающих музыкальную жизнь разных народов.

Среди иноязычных по происхождению слов много общественно-политических и научно-технических терминов. Они известны не одному, а целому ряду языков, поэтому их называют интернационализмами или международным словарным фондом. К интернационализмам относятся слова: *революция, коммунизм, диалектика, депутат, транспорт, гибрид, ракета, протон, вектор, дизель, туберкулез, чемпион, норд-вест, ресторан* и т. п. В связи с повышением политического и научно-технического уровня населения нашей страны интернационализмы получают все более широкое распространение. Слова *коммунизм, конституция, транзистор* знакомы выпускникам средней школы. Не только *радиоприемник*, но и *телевизор* сейчас уже не профессиональное, а бытовое слово.

Иноязычная терминологическая лексика составляет основную массу слов, возникших в последнее время. Это и понятно. В наш атомный век, век научно-технической революции возникают новые отрасли знаний. Вспомним, что еще в начале века возникла радиотехника, в 30—50-е гг. — ядерная физика, в 50—60-е гг. — кибернетика и бионика, а затем и космонавтика. Человек поднялся в космос; радио и телевидение, телефоны телетайп связывают воедино не только отдельные районы, но и многие страны. Интернациональная лексика увеличивается и распространяется также благодаря международным связям, которые в последние десятилетия стали более широкими и разнообразными. Вспомним, например, усвоенные из английского языка слова *акваланг, нейлон, телетайп, хобби, шорты* и т. п.

Многие термины физики и математики, биологии и химии, кибернетики и бионики стали широко употребляться в литературном языке. Как ранее общественно-политические и военные слова, целые серии терминов из этих наук стали обычными в газетном и журнальном стиле, в научно-популярной литературе, которую читают наравне с литературой художественной.

В художественных произведениях переплетение разговорных, книжных и технических слов стало обычным в речи героев из среды рабочего класса и технической интеллигенции. Вот несколько примеров.

Из романа В. Кочетова «Журбины»:

«Алексей уже не перебивал брата. Хочет профессора из себя изображать, пусть изображает, только бы учил, стерпеть его назидания можно.

Костя рассказывал о сварочных машинах, сварочных аппаратах — ручных и автоматических, об электродах.

— Электроды, понимаешь, для чего обмазываются специальным составом?.. Ну, для получения устойчивости дуги — раз. А главное — на кораблях, например, где вязкость шва должна быть не хуже вязкости основного металла, — для этой самой вязкости... Вот я же тебе говорю: как происходит сварка, к шву подносят электрод, между ним и свариваемым металлом образуется электрическая дуга страшной силы, электрод плавится, металл с него переходит в шов, как бы каплями — кап-кап — штук тридцать в секунду. Воздух на эти капли кинулся бы, что тигр. Но, шалишь! Обмазка тоже пла-

вится, образует газ и шлак, они окружают каплю, и воздуху дороги к ней нету» (гл. 10).

Из романа Г. Николаевой «Битва в пути»:

«— Я против эмпирики в таком важном деле,— продолжал Уханов.— Вопросы кокиля надо ставить организованно. С будущего года через министерство запланируем фонды. Запросим институт и специалистов. Ведь и специалисты в специальных институтах не льют в кокиль моделей. А тут мальчик без специальной подготовки. С фрезой у него тоже ничего не вышло.

— Фреза хорошая,— опроверг Бахирев.— К фрезе мы подошли бюрократически.

Уханов развел руками.

— Если нас и можно обвинить в бюрократизме, то тут рабочий класс сказал свое веское слово. Рабочие фрезу не приняли.

Бахирев возразил:

— Вспомните. Раньше выбивали траки кувалдой. Мы поставили пресс. Тоже не все сразу приняли сначала. Это естественно: привыкли к кувалде. Сагурову приходилось прятать кувалды. А теперь? Сломается пресс — ждут, чинят, а кувалды никто и в руки не возьмет» (гл. 16).

Иноязычные слова-термины в тексте художественных произведений выполняют особую стилистическую роль. Эти слова являются средством создания речевой характеристики, особого художественного контекста. Иноязычные слова проникают в систему языка как ее составная часть. Но не всегда синонимические сближения иноязычного слова и родного возможны, не всегда предпочтительным является и родное слово.

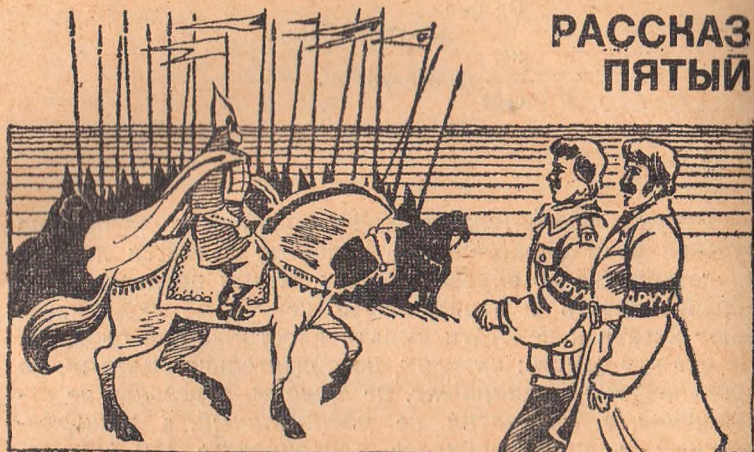
Усвоенные иноязычные слова и интернационализмы — это необходимые иностранные слова. Наряду с ними иногда встречаются такие иностранные слова, которые употребляются без всякой надобности. Это портит русскую речь, снижает ее культуру. Злоупотребление иностранными словами может, во-первых, возникать под влиянием моды на все заграничное. Такая мода проникает прежде всего в молодежную среду, когда некоторые молодые люди становятся падкими на заграничные безделушки и словечки, начиная с имен собственных. Так Маша превращается в Мэри, Ира в Ирэн, а Ваня в Джона. Это уродливое явление высмеивал еще Маяковский:

Он был
монтером Ваней,
но,
в духе парижан,
себе
присвоил званье
«электротехник Жан».

Вторым обстоятельством, приводящим к засорению русской речи иностранными словами, является ложное представление об образованности. Чтобы показать свою образованность и начитанность, некоторые люди начинают кстати и некстати сыпать иностранными словами. Не скажут просто: *признак*, но обязательно *симптом*, не *происшествие*, а *инцидент*, не *доводы*, а *резоны*, не *отвращение*, а *антипатия*, не *равнодушный*, а *индифферентный*, не *преувеличивать*, а *утрировать*. Им привычнее сказать: *пардон*, чем *простите*, *мерси*, чем *благодарю*. И даже такие слова, как *пионер* или *инженер*, они произносят на иноязычный манер (пионэр, инженер).

Наконец, излишние иностранные слова появляются в результате беззаботного отношения к культуре русской речи. Так, начинают широко употреблять *голкипер* или *бек*, хотя есть добротные русские слова *вратарь* и *защитник*.

Нет смысла воевать против иностранных слов, которые обогащают русскую речь и уже стали достоянием русского языка. Но есть резон бороться против злоупотребления иностранными словами, против иноязычного излишества. В. И. Ленин писал: «Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» (Об очистке русского языка.— Полн. собр. соч., т. 40 с. 49.)

Старая грузина и новые грузинники

Словарный состав — самая изменчивая часть языка; во все периоды развития общества появляются новые слова, изменяются значения слов, которые сохраняются на протяжении веков, изменяется их внешний вид, словообразовательные и семантические связи с другими словами. Изменяются слова, которые обозначают не только современную жизнь, но и прошлую.

«Не одни только дружинники князя Александра, но все новгородские люди вышли положить живот свой за русскую землю», — писал А. Н. Толстой. В этом предложении использовано старинное выражение *положить животъ* и слово *дружинник*; этим словом писатель называет членов княжеской дружины. Это слово употребляют и другие советские писатели: «Один раненый великокняжеский дружинник видел, как высокий воин в изорванной кольчуге тяжело шел с хвостатым копьем в руках против мчащейся тоурменской конницы» (Бородин. «Дмитрий Донской», ч. III, гл. 48).

Слово *дружинник* встречается и в современных научных работах по древнерусской истории, в том числе древнерусскому языку. Ф. П. Сороколетов в книге по истории военной лексики использует современное слово *дружин-*

ник; он пишет, например: «...войско в это время уже не было равно народу. Оно состояло из дружинников и противопоставляемых им воев-ополченцев, представителей народа» (с. 58); «...довольно часто старейшую дружину составляют дружинники, добывшие себе славу и высокое положение на службе у своих князей или перешедшие к ним уже с заслугами от отцов этих князей» (с. 69). Ф. П. Сороколетов, употребляя слово *дружинник* для обозначения члена княжеского постоянного войска, справедливо отмечает, что древнерусская письменность не зафиксировала ни одного случая употребления слова *дружинникъ* (*дружинники*). Причиной отсутствия этого слова, по мнению исследователя, было то, что дружина имела сложный социальный и военно-иерархический состав членов дружины, а также непродуктивность словообразовательной модели *рать > ратьникъ*. (История военной лексики в русском языке. Л., 1970, с. 68).

Несомненно, советские писатели и ученые, когда рассказывают о княжеских дружинах, используют слово *дружинник*, называя так всех членов воинской дружины. Однако несомненно также, что такого слова во времена Киевской Руси, Новгородской республики и Московского государства не было. У князей Олега и Игоря была дружина, с которой они «думали» (обсуждали дела); была у них дружина, с которой они ходили в походы. Это были вои (воины) и кѣмети. Так, в «Слове о полку Игореве» князь Всеволод своих воинов называет кметями: «А мои ти куряни свѣдоми кѣмети», т. е. искусные, опытные воины. В «Задонщине» (воинской повести, которая написана под сильным влиянием «Слова о полку Игореве»), в аналогичном высказывании употреблено: дружина сведома, т. е. опытная дружина.

В летописях (например, в Ипатьевском списке) при повествовании о сражении русских князей с половцами употребляются слова *ратные* (люди) и *ратници*, среди членов дружины выделяются *стрелъцы* и *коньници*. В повестях об Александре Невском и Дмитрие Донском также нет названия дружинник. Слово это впервые встречается в тексте конца XV — начала XVI в.; образовано оно было от слова *дружина* со значением община (артельная или монастырская). Среднерусское слово *дружинник* обозначало помощника ключника или наемного работника. В современном литературном языке это слово с таким значением не сохранилось.

Слово *дружина* широко употреблялось в древнерусском языке, имело ряд значений и семантически, в том числе синонимически, было связано со многими словами. Будучи образовано от слова *друг*, оно имело значения *друг, друзья, товарищи, спутники*; синонимами в этом значении были *друзи (друзья), дружба, дружина*; в этих значениях слово *дружина* употребляется в современных народных говорах: *Еще ты мой друг, еще я твоя дружина*. В современном литературном языке синонимами слова *друг* являются *товарищ, приятель, разговорное дружок* и просторечное *кореш (корешок)*.

Более устойчивыми в древнерусском языке у слова *дружина* были значения *княжеский совет* и *постоянное войско князя*; для их наименования использовались составные термины *старейшая дружина* (это бояре [бояре], мужи) и *молодая дружина* (это отроки, кмети, па-сынки, гридь, детские — дети боярские). В старинном значении *постоянное войско князя* слово *дружина* употреблено в известном стихотворении А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»:

С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Дружина была постоянным войском князя и в этом смысле противопоставлялась полку — войску вообще. Слово *дружина* обозначало также *войско вообще, вооруженная сила*, и в этом значении оно входило в синонимический ряд *полкъ, рать, сила, вои* и позднее *воцни* и *войско (воинство)*. Собирательное существительное *войско* и форма множественного числа *вои (воини)* сближались как синонимы.

Синонимом слова *вои* в древнерусском языке было слово *ратникъ*. В тематическую группу *воин* входили, с одной стороны, такие слова, как *отрокъ, дѣтский (дети боярские)*, а также *къметь* и *гридь*; слова *къметь* и *ратникъ* обозначали отличного воина, витязя. Ратные люди различались по профессиям: воины были пешие (пѣшьць, пѣхота), конные (коньник), лодейные (лодейникъ), стрелки из лука [стрѣлци] и т. д. Эти слова вступали в синонимические отношения. Широкая синонимия в пределах тематической группы — особенность древнего языка, когда единая литературная норма лишь намечалась.

Синонимический ряд современного языка сохраняет старые слова *воин* и *ратник* (последнее слово, как и *воитель*, относится к устаревшим словам); новым словом является *боец* и шутовское *войка*. В известной книге про бойца — поэме А. Твардовского «Василий Теркин» синонимически употребляются слова *боец*, *солдат*, *служивый*, *рядовой*, *воин*, *войка*, *пехота* и некоторые другие.

Дружина князя просуществовала до XVI в., хотя уже в XIII в. княжеские и боярские дружины назывались двором. *Войско* и *служба* становятся словами, которые заново организуют военную лексику; наряду со старым наименованием *ратные люди* появляются *воинские люди* и *служилые (служивые) люди*. Служилыми людьми стали не только дети боярские, но и дворяне, казаки и стрельцы.

Наряду со старым словом *воин* появляются слова *боец* (с XIV в.), *рядовой* (с конца XVI в.), *солдат* (с начала XVII в.), которые вступают в синонимические отношения и противопоставляются *начальным людям*: воеводе (голове, а затем — полковнику), атаману, есаулу и т. п.

Небольшая историческая справка показывает, что слово *дружина* как военный термин было употребительным словом древнерусского языка. Однако с течением времени слово *дружина* в значении постоянное войско князя выходит из употребления, становится историзмом, как и слова *кмет*, *отрок*, *стрелец* и ряд других.

Старой, княжеской дружины сейчас нет. Слово *дружина* сохранилось, но оно стало обозначать другие общественные явления. Еще в XIX в. возникла пожарная дружина, но ее членов называли не дружинниками, а пожарниками и пожарными.

В ходе революции 1905—1907 гг. возникли вооруженные отряды рабочих, студентов и демократических слоев города; эти отряды стали называть боевыми дружинами; участников боевых дружин стали называть дружинниками. По образцу боевых дружин были созданы пионерские дружины; как термин это слово вошло в оборот с 1942 г. Однако члены пионерских дружин называются не дружинниками, а пионерами. В 1959 г. по почину ленинградских рабочих возникли добровольные народные дружины (ДНД), созданные в помощь милиции для наведения порядка на улицах городов. Члены этих дружин стали называться дружинниками, и слово это получило широкое распространение.

Слова *дружина* и *дружинник* не имеют синонимов в

современном литературном языке. Слова *дружинник*, *пионер*, *пожарник* относятся к разным добровольным объединениям людей; слова *кмет*, *ратник*, *стрелец*, *ополченец*, *солдат* принадлежат разным историческим эпохам, входят в исторически разные синонимические ряды опорного слова *воин*. Интересно, может быть, отметить, что слово *дружинник* в значении *член княжеской дружины* стало употребляться в художественной и исторической литературе, а слово *дружинник* — член ДНД в разговорной речи и художественной литературе.

Историческое изменение значений слов, обновление старых слов можно показать на множестве других примеров. И не обязательно слова должны обозначать общественные явления, хотя общественно-политическая лексика изменяется быстрее и в больших объемах. И тем не менее можно привести другие примеры.

Мы знаем слова *гармоника* (*гармонь*, *гармошка*), *баян*, *аккордеон*, *концертино*. Так называются музыкальные духовые инструменты. Когда же они появились, когда так стали называться — этого многие не знают.

Народный восьмиструнный музыкальный инструмент существовал уже в VIII в., а баян появился лишь в XIX в. Первая хроматическая гармоника, имевшая все полутона в клавиатуре правой руки, была сконструирована в 1870 г. тульским музыкантом-гармонистом Н. И. Белобородовым. Название *баян* было дано позднее — по имени древнерусского певца-сказителя Бояна. В «Слове о полку Игореве» о нем сказано (перевод Н. А. Заболоцкого):

Боянъ бо вѣщій,
аще кому хотяше
вѣснь творити,
то растѣ кашется
мыслию по дереву,
сѣрым вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подь облакы...
Боянъ же, братіе,
не ꙗ соколовъ на стадо лебедѣи
пущаше, нъ своя вѣщія прѣсты
на живая струны вѣскладаше;
они же сами княземъ
славу рокотаху.

Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещицу напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил.
Растекался мыслию по дереву.
Жил он в громе дедовских побед
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десятком.
И встречая в воздухе врага
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубили славу Ярославу.

Слово *баян* (*боян*) пережило в русском языке три жизни. В древнерусском языке это было имя собственное. В начале XIX в. слово *боян* использовалось не столько как

ния полупоэтического древнерусского певца-поэта, сравнимого обычно с Гомером и Оссианом, а скорее как название древнерусских поэтов вообще (слово *баян* входило в ряд слов — названий древних поэтов: *бард, скальд, трубадур*). В поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» слово *баян* обозначает поэта-барда «давно минувших дней»:

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть, и Руслана
И Лелем свитый им венец.

В конце XIX в. начинается третья молодость слова *баян*. Это уже название духового музыкального инструмента. В советской поэзии *баян* и *гармонь* используются как поэтические синонимы, обозначая не сам инструмент, а человека, играющего на этом инструменте и передающего игрой свои настроения, чувства и мысли.

Вспомним, например, отрывки из двух известных советских песен «Играй, мой баян» и «Одинокая гармонь»:

С далекой я заставы,
Где в зелени дом и скамья,
Где парень пел кудрявый...
Ту песню запомнил я.
Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.
(Стихи Л. Давидовича,
музыка В. Соловьева-Седого)

Снова замерло все до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:
То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.
(Стихи М. Исаковского,
музыка Б. Мокроусова)

Не все слова, которые употреблялись в древнерусском языке, сохранились в словарном составе современного русского литературного языка. Многие из них утрачены, забыты, сейчас совсем не употребляются.

В древнерусском языке были, например, такие слова: *стрый* — дядя по отцу, *уй* (*вуй*) — дядя по матери, *рамо* (мн. число — *рамена*) — плечо, *мечка* — медведица, *мень* — налим, *порты* (*пърты*) — одежда, *сѣдало* — стул, *насадъ* — речное судно, *смердъ* — крестьянин, *куна* — денежная единица, *бусый* — темно-серый, *глаголати* — говорить и т. п. Другие слова, сохранившиеся до сих пор, употреб-

лялись обычно в ином значении, чем сейчас: *животъ* — жизнь, *пиво* — питье, *волна (вълна)* — волос животных, шерсть, *недѣля* — воскресенье (ср. *понедельник* — после недели, т. е. после воскресенья); *орать* — пахать, *красный* — красивый и т. п.

Такие слова, которые обычно не употребляются в современной речи, но которые встречались в прошлом, называют устаревшими словами. Они бывают двух видов: историзмы и архаизмы.

Историзмы называют вещи и явления, которых нет в настоящее время. Историзмы используются в исторических сочинениях как специальные термины, в художественных произведениях как средство создания исторического колорита.

Вот пример, как рассказывает советский историк П. Н. Третьяков о хозяйстве древних славян:

«Земледельческое хозяйство того времени очень мало походило на современное. Тяжелым трудом добывали люди себе пропитание. Чтобы подготовить землю для посева, нужно было сначала вырубить участок в лесу. Зимний месяц, в течение которого рубили лес, называли «сечень» (от слова «сечь» — рубить). Далее следовали месяцы «сухий» и «березол», во время которых лес сушили и сжигали.

Сеяли прямо в золу, слегка разрыхленную деревянной сохой, или оралом. Такое земледелие называется «огневым» или «подсечным». Чаще всего сеяли просо, но были известны и другие злаки — пшеница, ячмень и рожь. Из овощей была распространена репа. Месяц жатвы назывался «серпень», а месяц молотьбы — «вресень» (от слова «врещи» — молотить). То, что названия месяцев у древних славян происходили от названия земледельческих работ, свидетельствует о первостепенном значении земледелия в их хозяйстве»¹.

В этом простом и понятном тексте использованы слова, которые мы обычно не употребляем: *сечень* (февраль), *сухий* (март), *березол* (апрель), *серпень* (август), *вресень (вересень)* — сентябрь, а также *орало* (соха), *подсечное земледелие* (древний вид земледелия). Автору надо было их использовать, чтобы описать земледелие древних славян и показать обусловленность названий месяцев земледельческим трудом.

¹ Детская энциклопедия. М., 1961, т. 7, с. 215—216.

В художественных произведениях историзмы, обозначающие предметы быта и административно-хозяйственные явления, используются для более достоверного описания прошлого. Примеров тому много. Приведем один.

В романах «Разин Степан» А. Чапыгина и «Степан Разин» С. Злобина изображается крестьянская война 1667—1671 гг. под руководством Степана Разина. Естественно, что авторы, описывая это историческое событие, используют историзмы, прежде всего старинную социально-историческую и военную терминологию. В романах об этом времени встречаются административные термины: *боярская дума, приказ (Земский приказ, Посольский приказ, Пушкарский приказ, Стрелецкий приказ), приказная палата (приказная изба)*, старинные наименования социальных групп: *холоп, челядь (челядинец), боярин, дворянин, князь, стольник, дьяк, подъячий, целовальник, ярыга, посадские люди, ратные люди, торговые люди*. Здесь мы встречаем и военную терминологию — названия воинских чинов и оружия: *воевода, голова, десятник, атаман, есаул; стремя, бердыш, протазан, кольчуга, булава, брус, чекан*.

Историзмы в прямом значении не являются синонимами современных слов, так как обозначают различные общественно-исторические реалии. Однако, сохраняясь в языке в переносном значении, они могут вступать в синонимические связи со словами современного языка. Так, например, слово *атаман* в дореволюционной России обозначало начальника в казачьих войсках и селениях; сейчас такая должность исчезла, но слово *атаман* употребляется как синоним слов *главарь, предводитель*. Такое переносное словоупотребление встречалось уже в «Евгений Онегин» А. С. Пушкина:

В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Леиского, живет
И адрванствует еще доньне

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный...
(гл. 6, строфа IV).

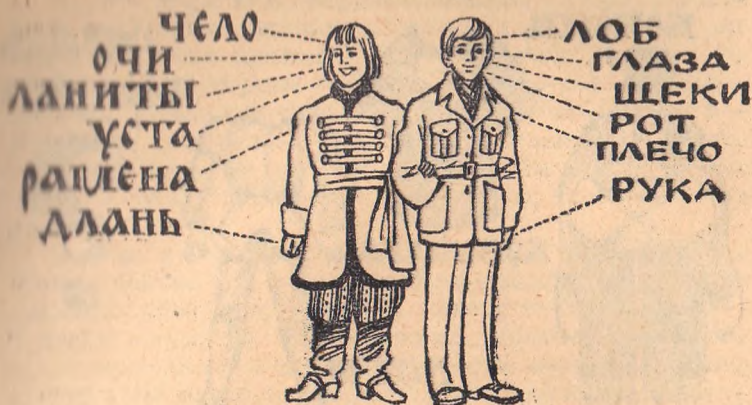
Слова могут становиться историзмами, а потом снова оживать. Примером могут служить воинские звания. Офицерские чины были введены в стрелецких полках в 1680 г. Петр I, создавая русскую регулярную армию, установил чин подпоручика (1703), майора (1711), подполковника (1716); в табеле о рангах (1722) офицеры делились на штаб-офицеров (полковник и подполковник), и обер-офицеров (от подпоручика до капитана включи-

тельно). После Октябрьской революции чины царской армии были упразднены; возникли командиры и начальники, а вместо слова *солдат* стали употреблять слова *боец*, *рядовой*, *красноармеец*, *краснофлотец*. Вновь офицерские звания были введены в 1935 г.; толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова слова *лейтенант*, *майор*, *подполковник* характеризует как новые, противопоставляя звания, обозначаемые ими, дореволюционным и заграничным. В этом же словаре слово *прапорщик* характеризуется как историзм (это звание было введено в употребление вновь в 1972 г.); слово *солдат* характеризуется как *рядовой* в дореволюционной и заграничных армиях (слово *солдат* официально введено в употребление в 1943 г.), *генерал* определяется тоже как слово дореволюционное и заграничное, обозначающее высший воинский чин (в Советской Армии генералы и адмиралы введены в 1940 г.).

Историзмами могут стать и слова, обозначающие вещи и явления недалекого прошлого, если эти вещи и явления исчезли из современной жизни. Ряд слов, возникших в первые десятилетия Советской власти (*буржуйка*, *вик*, *выдвиженец*, *спартаковец*, *комбеды*, *культурмеец*, *совбарышня*, *шкраб*), позднее вышли из употребления, превратившись в историзмы первых лет Советской власти. Они сохраняются в памяти как слова предшествующей эпохи благодаря произведениям того времени или новым историческим и художественным произведениям, рассказывающим о прошлом.

Прочитаем отрывок из романа Николая Островского «Как закалялась сталь»: «На столе управделами стоял «максим», около него возились пулеметчики из ЧОН. В коридоре — молчаливые часовые из горактива партии и комсомола. За широкой дверью кабинета секретаря губкома заканчивалось экстренное заседание бюро губкома партии». В тексте встречаются новые для того времени слова: «максим», ЧОН (части особого назначения), горактив, комсомол, губком, бюро; три из них (ЧОН, губком и «максим») сейчас являются уже историзмами.

Устаревать слова могут не только потому, что исчезают те предметы и явления, которые они обозначают. Так, например, люди прошлого иначе называли голову, глаза и другие части человека. Сейчас мы не говорим *чело*, *уста*, *ланиты*, *рамена*, *длань*, а только — *лоб*, *рот* (*губы*), *щеки*, *плечи*, *рука* (*ладонь*). Можно привести другой пример —

местоимения: старые местоимения означали то же самое, что и современные. Однако мы не говорим сейчас *сей, оный, кой*. А Пушкин в повести «Дубровский» писал: «Кирилла Петрович гордился сим прекрасным заведением (речь идет о псарне. — В. К.) и никогда не упустил случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз» (гл. 1). Вместо *сей* и *оный* мы употребляем местоимение *этот*, которое в литературной речи стало употребляться лишь в середине XVIII в.

Такие слова, которые в обычном употреблении вытеснены новыми словами, называются **архаизмами**. Подобно историзмам, они встречаются в старых текстах, в исторических художественных произведениях. Но архаизмы имеют еще и другую стилистическую функцию: они являются словами высокими, торжественными. Архаизмы делают речь патетической и торжественной, они являются синонимами более употребительных слов.

Архаическая лексика и формы употребляются, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк», в котором говорится о высоком, гражданственном назначении поэта. Вот это стихотворение:

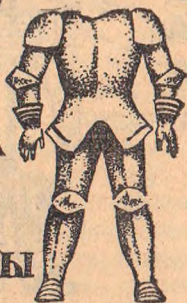
Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился,
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,

Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

БОЯРИН

КОЛЬЧУГА

ЛАТЫ

**ФЕРЯЗЬ
ТЕРЛИКА**

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул

И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Архаизмы являются, как правило, стилевыми (стилистическими) синонимами. Современные писатели и поэты разнообразно используют архаическую лексику, особенно традиционную для поэзии конца XIX — начала XX в. Так, например, Евгений Винокуров для придания высказыванию большей значительности и патетики использует ряд архаических форм:

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня,—
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

...О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе сердце людей
(«Доброта»).

Архаическим может быть все слово, отдельное его значение и отдельная его словообразовательная и грамматическая форма, а также звуковой вид. Поэтому в специальной литературе различают три вида словарных архаизмов: архаизмы-слова (лексические архаизмы), архаизмы — значения слов (семантические архаизмы) и архаизмы — варианты слов (словообразовательные, грамматические и фонетические архаизмы).

Все эти виды архаизмов встречаются в стихотворении Пушкина. Архаическими словами (лексическими архаизмами) здесь являются: *десница* — *рука* (правая), *зеницы* — *глаза*, *персты* — *пальцы*, *уста* — *рот*, *вещий* — *видящий скрытое от других*, *горний* — *небесный*, *внять* — *услышать*, *отверзтись* — *раскрыться*, *отверстый* — *открытый*. Эти слова не употреблялись в обычной речи уже тогда, в пушкинское время; вместо них использовались другие слова.

Однако архаизмы-слова сохранялись тогда и сохраняются сейчас как стилистическое средство языка: они придают речи старинный и торжественный характер (иногда — иронию). Архаическими словами, синонимичными нейтральным словам, являются, например, существительные *алчность* (*корыстолюбие*, *жадность*), *отдохновение* (*отдых*), *рок* (*судьба*), глаголы *алкать* (*хотеть*), *блюсти* (*сторожить*), *опаматоваться* (*очнуться*), *сетовать* (*жаловаться*), прилагательные *алчный* (*жадный*), *иностранец* (*иностраный*), *учтивый* (*вежливый*), *ярый* (*неистовый*), наречие *издревле* (*издавна*).

Архаизмы-слова узнаются легче, чем архаизмы — значения слов, так как слова с архаическим значением употребляются и сейчас, но в другом значении и надо уметь заметить различие в значении. В стихотворении Пушкина слово *глагол* означает *язык*, *речь*, сейчас оно обычно употребляется как грамматический термин; архаично значение *наполниться каким-то чувством, сознанием чего-то у глагола исполниться*.

Семантическими архаизмами могут быть, например, такие слова: *бригадир* — название военного чина XVIII в., среднего между полковником и генералом (сейчас этим словом называют руководителя производственной бригады — тракторной, огородной и т. п.), *вожатый* — *проводник*, как в повести Пушкина «Капитанская дочка» (сейчас это слово синонимично словам *пионервожатый*, *вагоновожатый*), *жребий* — *судьба* (современный *жребий* — это условный значок, например, монета или спичка, который бросают или вынимают на удачу), *записки* — *мемуары*, *мастерство* — *профессия* (сейчас слово *мастерство* обозначает *высокое умение в труде и занятиях*), *отзыв* — *эхо* (сейчас слово *отзыв* обычно употребляется в других значениях), *строитель* — *архитектор*, *творец* (сейчас строителем является не только *зодчий* — архитектор, но и инженер, ведущий

строительство, и рабочий на строительстве). Писатель А. Югов замечает: «Шлем витязя вымер. Зато появился шлем танкиста и водолаза».

Архаичность значения слова может подчеркиваться и его звуковым обликом. В стихотворении Пушкина такими формами являются *угль* (вместо *уголь*) и *восстань* (вместо *встань*). В языке художественной литературы XVIII в., в поэзии пушкинского времени широко использовались неполногласные формы слов: *брада* — *борода* и *брадатый* — *бородатый*, *злато* — *золото* и *златой* — *золотой*, *хлад* — *холод* и *хладный* — *холодный*, *младость* — *молодость* и *младой* — *молодой*. Это была архаическая поэтическая лексика — одно из распространенных средств создания поэтической патетики и торжественности.

Архаическим может быть и словообразовательный суффикс. Например, от прилагательного *гордый* образовано несколько существительных: *гордость*, *гордыня*, *гордец*, *гордячка*. Существительное *гордыня*, обозначая преувеличенную гордость, становится синонимом слова *высокомерие* и как архаизм используется в торжественной речи. Академик И. П. Павлов писал в своем обращении к советской молодежи, посвятившей себя науке: «Не давайте гордыне овладевать вами. Из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно согласиться, из-за нее вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за нее вы утратите меру объективности».

Архаическим книжным словом приведенного отрывка является не только существительное *гордыня*, но и глагол *упорствовать*, так как в значении *стоять на своем* сейчас обычно используется другой глагол — *упрямиться*, а в разговорной речи — *упираться*; книжное слово *упорствовать* означает: *настойчиво стремиться к намеренному, не взирая ни на какие препятствия*.

Архаизмы всех видов являются, как правило, стилистическими синонимами; они делают речь более возвышенной, приподнятой, патетичной.

С. Я. Маршак, говоря о языковом мастерстве, заметил: «Писатель должен чувствовать возраст каждого слова... Он должен знать, например, что слово «чувство», гораздо старше, чем слово «настроение», что «беда» более коренное и всенародное слово, чем, скажем, «катастрофа». Он должен уметь улавливать характерные речевые новообразования — и в то же время

ценить старинные слова, вышедшие из повседневного обихода, но сохранившие до сих пор свою силу». (Воспитание словом. М., 1964, с. 108.)

Этот совет полезен не только писателям; его следует помнить и всем тем, кто ценит меткое и точное русское слово, борется за повышение культуры речи, обогащение ее средств, выражающих высокую гражданственность и лирическую приподнятость.

Особенно полезен этот совет школьникам. Без развитой речи не может быть культурного человека.

Поэтому советская школа, как об этом говорится в школьной программе по русскому языку, ставит перед собой задачу подготовить учащихся, грамотных в широком смысле слова. В число речевых навыков, которыми обладает грамотный человек, входят навыки выбора синонима и употребления его в нужном месте для точной и выразительной передачи сообщения.

Выработка основных навыков выбора и употребления синонимов осуществляется в школьные годы. Если человек не знает богатств языка, если у него не воспитана культура речи и языковое чутье, он не сможет говорить и писать точно и выразительно, так, чтобы «словам было тесно, а мыслям просторно».

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Когда петуха можно назвать ночетом

Синонимами, как уже уяснили, бывают слова разного происхождения и стилистической окраски — слова книжные и разговорные. Среди последних особая роль принадлежит словам просторечным и диалектным.

Просторечные слова не ограничены какой-то одной местностью, хотя территориальное варьирование городского просторечия можно обнаружить в Новгороде и Перми, Горьком и Саратове.

Разговорно-просторечный слой лексики широко проникает в синонимику литературного языка как выразительное средство синонимического ряда. В «Словаре синонимов», кроме стилистических помет разг. (разговорное) и обих.-разг. (обиходно-разговорное), используются пометы прост. (просторечное) и груб.-прост. (грубопросторечное).

Стилистика разговорной речи основывается как раз на противопоставлении литературно-книжных и разговорно-просторечных слов, слов нейтральных и эмоционально-оценочных.

Стилистика литературной речи противостоит диалектным словам и диалектному словоупотреблению. Диалекты, как местные разновидности русского языка,

делятся на говоры и объединяются в наречия. Таких наречий у нас три: севернорусское, южнорусское и среднерусское.

Диалектом называется совокупность фонетических, лексических и грамматических особенностей, свойственных языку на той или иной территории. Диалектные слова (их называют также областными словами или провинциализмами) — это слова, которые употребляются жителями той или иной местности. Есть слова сибирские, поволжские, архангельские, вологодские, псковские, рязанские, донские и т. п.

В Саратовском Заволжье хлев называют *котух* и *закута*, а также *конюшня*, *сарай*; льдины — это *чки* и *крыги*. Синонимами глагола *прятать* выступают *хоронить* и *ховать*. В Курской и Орловской областях синонимично слову *дом* употребляются *хата* и *курень*. Петуха называют то *педуном*, то *кочетом*. О большом человеке говорят: *хворый* и *квелый*.

В современных диалектах развита синонимия. Распространение школьного образования и повышение общей культуры сельского населения способствуют проникновению в диалекты литературной лексики. Столкновение местных и общерусских слов порождает диалектную синонимию: *петух* — *кочет*, *пахать* — *орать*, *навоз* — *назем*. О корове говорят, что она мычит и ревет, о собаке — лает и брешет.

Развитие диалектной синонимии идет также за счет столкновения в одном и том же говоре разнодиалектных слов, их синонимического столкновения. Например, картофельную ботву в одном и том же говоре могут называть *листвинья*, *куст*, *лучевье*, *плети*, *тина*.

Диалектные слова, особенно узкоместные, являются своеобразным паспортом человека; они, как и его произношение, могут указать место рождения и постоянного жительства. В. И. Даль рассказывал, как он по данным речи сумел распознать бродягу, который под видом монаха собирал деньги на церковь. Вот как пишет об этом сам Даль:

«Я... удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин... — Да откуда ж вы родом? — «Я тамодий», — пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что успел он произнести это слово — тамодий, вместо тамошний, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: «А не ярославские вы, батюшка?» Он побагро-

вел, потом побледнел, взглянул, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: «Не, родимый!» — «О, да еще и ростовский!» — сказал я, захохотав, узнав в этом «не, родимый» необлывного ростовца. Не успел я произнести этих слов, как вологжанин мне бух в ноги: «Не погуби». (Даль В. Сочинения. М., 1861, т. 2, с. 223.)

Диалектные слова, усвоенные с детских лет, сохраняются в речи долго. Человек уже школу окончил, получил образование, стал образованным и культурным специалистом, а слова детских лет нет-нет, да и прорываются в его речи. Об этом рассказывается в романе М. Бубеннова «Белая береза» так:

«...Озеров присел на корточки и, когда принялся чистить котелок, спросил:

— Давно из дома?

— Давно! Я на сверхсрочной.

— И в отпуску не бывал?

— Нет, побывал летось...

Озеров улыбнулся, услышав далекое и забытое слово, — так и пахло на него родной Сибирью. Помедлив, спросил:

— Не отвык еще от наших словечек?

— Отвыкаю. Но они цепкие, как клещи» (ч. 1, гл. II).

Невольное употребление диалектных слов в речи образованного человека — это отступление от литературной нормы. Диалектные слова не входят в синонимику литературно-письменного языка; они находятся за ее пределами. Однако наиболее употребительные диалектные слова получают широкое распространение в разговорной речи. Так, нередко синонимично, например, слову *очень* используются просторечные и диалектные слова *сильно* и *больно*, а также *шибко* и *дюже*. Прилагательное *баской* (*красивый, нарядный, хороший* человек) распространено на всей территории севернорусского наречия. Междиалектные и особенно общедиалектные слова смыкаются в ряде случаев с просторечием.

Диалектные слова, известные в ряде местностей, не являясь синонимами литературно-нормированного языка, образуют синонимию потенциальную, возможную. Это не активный, а пассивный словарь современных носителей языка: эту синонимию говорящие знают, но обычно не используют. Люди, владеющие литературным языком, понимают, когда с ними разговаривают выходцы из разных

мест нашей родины, в речи которых встречаются диалектные слова. Эти слова встречаются и в художественных произведениях, особенно на деревенские темы.

Диалектные слова, будучи употребленными в письменных текстах, рассчитанных на широкого читателя, становятся диалектизмами. Диалектизмы в языке художественной литературы выполняют особую роль. В авторском повествовании они воссоздают местный колорит, как и экзотизмы, и, подобно историзмам, являются одним из средств реалистического изображения действительности. В речи персонажей они служат средством речевой характеристики героя. Диалектизмы шире используются в диалогах, чем в авторском повествовании.

Примером разнообразного использования диалектизмов в художественном произведении могут быть романы М. А. Шолохова «Поднятая целина» и «Тихий Дон». Писатель изображает жизнь донского казачества, и естественно, что донские диалектизмы отражаются в речи персонажей и частично в авторском повествовании.

Вот авторское повествование:

«К вечеру собралась гроза. Над хутором стала бурая туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей, раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо, степь выжидающе молчала («Тихий Дон», кн. 1, ч. 1, гл. 4).

«Аксинья отстряпалась рано, загребла жар, закутала трубу и, перебив посуду, выглянула в оконце, глядевшее на баз. Степан стоял возле слег, сложенных костром у плетня к мелеховскому базу. В уголочке твердых губ его висела потухшая сигарка; он выбирал из костра подходящую соху. Левый угол сарая завалился, надо было поставить две прочных сохи и прикрыть оставшимся камышом» (Там же, ч. 2, гл. 12).

В произведениях М. А. Шолохова используются прежде всего диалектные слова, широко распространенные в южнорусском наречии; многие из них известны также украинскому языку.

Чаще всего это слова, обозначающие донские реалии — названия предметов хозяйства, быта, одежды, на-

звания животных и птиц, явлений природы¹, *курень* — казачий дом, *баз* — загон для скота на дворе и сам двор, *горница* — комната, *стодол* — сарай, *соха* — жердь, подпорка с развилиной, *костер* — поленница, *слега* — тонкая длинная жердь, *коваль* — кузнец, *рогач* — ухват, *чепля* — сковородник, *жито* — рожь, *бурак* — свекла; *гас* — керосин, *серники* — спички, *каймак* — сливки, *бурсаки* — булки, *жалмерка* — солдатка; *справа* — одежда казака, *чекмень* — казачий военный мундир, *завеска* — передник, *чирик* — башмак; *бугай* — бык (племенной), *кочет* — петух; *балка* — овраг в степи, *займище* — луг, заливаемый весенней водой, *левада* — участок земли с лугом, огородом и садом, *шлях* — дорога, *татарник* — чертополох.

Диалектизмы, обозначающие донские предметы и явления, подчеркивают реальность описываемого. Например, соотнесение в произведении таких слов, как *курень* — *хата* — дом или *баз* — двор, *стодол* — сарай, выделяет своеобразие местных реалий: *курень*, *баз*, *стодол*.

В речи персонажей диалектная лексика представлена многообразнее и шире. Поскольку в речи персонажей говорится не только о местных явлениях, но и воспроизводится говор, она выступает средством речевой характеристики. Не только существительные, но и диалектные глаголы и наречия свободно употребляются в речи персонажей: *гутарить* — говорить, *угадать* — узнать, *кохать* — любить друг друга, *кричать* — плакать, *шуметь* — кричать, *гребится* — кажется, *зараз* — сразу, *немедленно*, *сейчас*, *трошки* — немного, *дюже* — очень, *сильно*, *обратно* — опять и т. д.

Нагнетание диалектных и просторечных слов в речи персонажа используется также как прием создания комического. Вспомним речь деда Шукаря. Неудачник в старой жизни, он стремится включиться в новую, колхозную жизнь. О себе он любит порассказать получше, позначительнее. Мечта о лучшей жизни породила его словесное балагурство. На политическую тему, например, он рассуждает следующим образом:

¹ Диалектизмы, которые обозначают местные явления, характерные только для изображаемой местности, в специальной литературе называют этнографическими. Этнографические диалектизмы обычно не имеют в литературном языке равных себе по значению синонимов.

«Я у Макарушки Нагульнова, можно сказать, вывелся на дому, все вы сидящие тут знаете, что мы с ним огромные друзья, и я у него разных значений зачерпываю, сколько в пригоршни влезет: по ночам то разные толстые книжки, сурьезные, без картинок, прочитываю, то словарь читаю, ученые слова норовлю запомнить, но тут старость моя, язвы ее в душу, подводит!.. Много разных брошюр прочитал и до точности знаю и могу спорить с кем угодно, хучь до третьих кочетов, что после социализма припожалует к нам коммунизм, категорически вам заявляю!» (кн. 2, гл. 22).

Диалектизмы в художественном произведении, как видно, выполняют разнообразные функции. Постоянно соотнося диалектизмы и литературные слова, Шолохов создает своеобразную и гибкую систему изобразительных и выразительных средств художественного изображения действительности.

В таком употреблении диалектные слова выступают речевыми синонимами литературной лексики, так как читатель все время их сопоставляет, в процессе чтения улавливая основные особенности говора, тем более что общедиалектные слова встречаются во многих произведениях разных писателей. Этому способствуют подстрочные примечания, разъясняющие непонятные слова, или словари областных слов, приводимые в конце книг.

Диалектные слова встречаются в произведениях устного народного творчества — сказках и былинах, песнях и частушках. Например, в былине «Вольга и Микула» (она изучается в средней школе) встречаются слова, связанные с обозначением земледелия: *ратай (оратай) — пахарь, земледелец, орало — соха, орать — пахать сохой, омешек — лезвие у сохи, обжи — рукоятки у сохи* и т. п. Вот одно лишь предложение:

Выехал Вольга во чисто поле,
Он услышал во чистом поле ратая,
А орет в поле ратай, понукивает,
А у ратая-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешки почиркивают.

В очерке «Звонкая сторона» журналист Н. Плахотный, рассказывая о колхозе имени Чапаева Белгородской области, так начинает повествование о художественной самодельности в деревне Иловка:

«Против колхозной конторы — очень удобного особняка с четырьмя колоннами по фасаду — простирается асфальтированная площадь, переходящая в широкий бульвар. Едва вспыхнут на фонарных столбах светильники, парни и девчата торопятся «на круг» обменяться новостями, выяснить отношения, просто отдохнуть, повеселиться. Хозяйка положения на улице — гармонь. Ее предпочитают гитаре и транзисторному приемнику. Во многих домах держат гармоники. Кто играет для себя, кто для общества. Бывает, «на круг» выйдут сразу несколько музыкантов, образуется ансамбль. Не только молодежь, но и люди пожившие охотно посещают эти традиционные уличные сборы...

Гулянье обычно начинается с пляски. «Барыню», «сербянку», «елецкого», «камаринского», «матаню» здесь исполняют сдержанно, слегка фасоня. Те же самые танцы, например, в селе Подсереднем подают размашисто, громобойно. На противоположной точке земного шара слышно!

В Иловке танец усложняют деликатными «фигурами» ритмами, переборами да перестуками. Есть мастера плясать «в три ноги»... Вот как раз вышел такой любитель. Ну и частит, аж зависть берет. А вокруг медленно, с остановками движется хоровод. Будто птицы из кустов, выпархивают частушки».

Частушки — кто их не знает? Эти коротенькие песенки, то лукавые и бойкие, то грустные и задушевные, любимы многими.

Частушка — современный вид народной поэзии. Она метко подмечает все, хорошее и плохое. Ее поэтическая схема устойчива и мотивы известны. Откликаясь на злобу дня, она свободно творит новые слова, но и традиционные в ней живут долго.

В современной частушке поэтому новые слова соседствуют со старыми, общие с местными. Может встретиться *хата* и *люлька*, а вместе с ними *костыг* — шило для плетения лаптей и *кулема* — мешковатый, неповоротливый человек; прилагательное *фартовая* значит красивая и ветучая. Синонимично глаголу *говорить* употребляется не только довольно широко известный глагол *баять*, но и малоизвестный — *ботать*.

Устойчива в частушке синонимия слова *товарочка* (*товарка*) — *подружка* (*подруга*). Это и понятно: вдвоем петь сподручнее и веселее:

Я одна плясать не буду,
Вызову товарочку:
Ты, подружка дорогая,
Выходи на парочку.

Запевка есть, а тут и гармонист окажется под рукой, и гармонь у него не то тальяночка, не то веночка, а может быть, и баян. Начнутся наигрыши, пойдет состязание: кто смешнее, кто бойчее, кто смышленее. Поют обо всем, и обязательно про любовь и разлуку.

Разными словами и разными сравнениями пользуются подружки из разных мест, но всегда они введут любовную тему:

На окошке стоит роза,
В розе две травиночки.
Роза вянет от мороза,
Я — от ягодиночки.

Мой залеточка уехал,
Он уехал не один:
Ретивое мое сердце
Покатилось за ним.

Своего любимого называют подружки по-разному. Чаще всего это *миленок* или *милый*, широко известны *ягодинка* и *залетка*, *дроля* и *зазноба*. Встретишь тут и *матаню*, и *болю*, а также *ухажера* и *фраера*. Богата частушечная синонимия этого ряда. Слова местные, а смысл один, понятный всем. Ясно всем, что надо похвастаться своим любимым. Вот и поют:

Дроля Леля дрова рубит,
Я поленочки кладу.
Дроля Леля меня любит,
За него замуж я пойду.

Сшила кофточку по моде,
На груди зеленый лист.
Вчера маме я сказала:
Мой миленок — коммунист.

Тут уж не удержится и гармонист. Недаром говорят: «Гармонист-то, он речист». Гармонист начинает критическую линию. Подружки подхватывают игру, и каждая по-своему, и обе вместе дразнят:

У миленка черны брюки
И такой же пиджачок.
Подмигнет ему другая,
Он бежит, как дурачок.

Боля мой, боленка мой!
Не натапывай ногой:
Не тебе, мой дорогой,
Распоряжаться надо мной!

И начнут тут перемывать косточки — как одет, и как он ходит, и, конечно, как он говорит:

У миленочка мово
Поговорочка на «о».
Я за эту поговорочку
Люблю, люблю его.

Милый чо, милый чо,
Милый, чокаешь ты что?
Али люди чо сказали,
Али сам услышал чо?

Товарочки-подружки не забудут пропеть про разлуку
и про верность:

Задушевная подруга,
Об измене не горюй.
Не изменит дроля верный,
А изменит ветродуй.

Сера утка улетела —
Утенята крикали.
Я залетку рассчитала —
Только счета брякали.

А вот и частушка-концовка:

Все с гуляньица ушли,
А мы одни остались.
С сероглазеньким зазнобой
Еще де наболталися.

Диалектные слова употребляли поэты XIX в. — Кольцов и Некрасов, Никитин и Суриков. Встречались такие слова и в поэзии первой трети XX в. Например, в стихах Есенина можно обнаружить заметный слой диалектных слов: *выть* — земля и *судьба*, *кукан* — островок, *махотка* — кринка, *хмарь* — мгла, *шушун* — кофта, *шубейка* — душегрейка, *бластиться* — мерещиться, *шигать* — убежать, *шибко* — очень, сильно и т. п. Широко известное стихотворение «Письмо к матери» кончается строфой, в которой есть два диалектизма, делающие поэтический текст ближе сердцу крестьянской матери:

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Хотя употребление узкоместных слов с течением времени сокращается, их можно обнаружить в стихотворениях многих советских поэтов. Вот несколько примеров.

Александр Твардовский:

Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедышки¹
И лаптя толком не сплести («За далью —
даль»).

Александр Прокофьев:

А у нас на Ладогe
Бьет шуга,

¹ *Кочедык*, или *костыг* — шило для плетения лаптей.

Ладожанок радуя,
Цветет куга¹

(«А у нас на Ладогe»).

Лев Ошанин:

Путь олений однотоен, долог
По хрустящей снежной целине,
И уже полярный звездный холод
Заглянул под малицу² ко мне («Ущелье»).

Как видно из примеров, диалектизмы называют местные предметы, чаще всего одежду и явления местной природы. Некоторые из них, такие, как *хата*, *стежка*, *куга*, утрачивают признак узкоместных слов и переходят в разряд слов разговорных, которые широко используются в современной поэзии.

Наряду с местными и разговорными словами в современной поэзии употребляются также народно-поэтические слова, заимствованные из фольклорных произведений. Такими словами являются, например, существительные *батюшка* — *отец*, *зелье* — *яд*, *кречет* — *сокол*, *кручина* — *горе*, *печаль*, *мурава* — *трава*; прилагательные *лазоревый* — *голубой*, *погожий* — *ясный*, *пунцовый* — *красный*, *родимый* — *родной*, *ретивое* — *горячее*, *пылкое* (*сердце*).

Известно, что народная речь метка и выразительна. Она источник народности языка художественной литературы. Сам литературный язык является обработанным мастерами культуры общенародным языком, закрепленным в толковых словарях и нормативных руководствах по языку.

Наряду со словами, признанными литературной нормой, есть большое количество слов просторечных и диалектных. Их знает народ. Они встречаются в художественных текстах и речи многих выходцев из села. Просторечие, освобожденное от диалектных и вульгарных слов, выступает как обиходный разговорный стиль носителей русского языка, как поиск более выразительных, эмоционально обновленных средств языка.

Диалектизмы, как слова местные, в принципе не могут быть общерусскими. Как только диалектное слово получает повсеместное распространение, оно перестает быть словом областным; входя в систему общелитератур-

¹ *Шуга* — мелкий рыхлый лед, *куга* — озерный камыш.

² *Малица* — верхняя одежда из оленьих шкур.

ной лексики, оно начинает взаимодействовать со словами литературного языка и может даже вытеснить из современной нормы старое литературное слово, отнеся его в разряд архаизмов.

Использование диалектных слов в художественных текстах должно быть мотивировано, так или иначе оправдано. Диалектизмы — категория стилистическая, они используются для создания местного колорита, речевой характеристики, стилизованного текста. Употребление диалектизмов без художественной надобности, равно как и нагнетание в тексте большого числа диалектизмов — это не только признак невысокой речевой культуры, но и показатель натурализма в искусстве слова.

На это обращал внимание выдающийся мастер русской литературы Л. Н. Толстой; говоря о языке книг для народа, он рекомендовал: «Я советую не то что употреблять простонародные, мужицкие и понятные слова, а советую употреблять хорошие, сильные слова и не советую употреблять неточные, неясные, необразные слова». (Толстой Л. Н. О языке народных книжек. — Собр. соч. в 20-ти т. М., 1960, т. 15, с. 365—366.) А. П. Чехов писал 8 мая 1889 г. Ал. П. Чехову: «Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пушай и теперича». (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Письма. М., 1976, т. 3, с. 210.) «Пристрастие, — учил М. Горький, — к провинциализмам, к местным речениям так же лишает ясности изображения, как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов». (Горький М. О прозе. — Собр. соч. в 30-ти т. М., 1953, т. 26, с. 403—404.)

П. П. Бажов, создатель сказов «Малахитовая шкатулка», говорил: «Я должен брать только такие слова, которые считаю очень ценными». (Бажов П. П. Публицистика, письма, дневники. М., 1955, с. 179.) Создание сказов, опирающихся на рабочий фольклор, казалось бы, предполагало использование уральских диалектных слов; однако писатель отбирает их осторожно. Это прежде всего профессиональные слова. Бажов ищет слова не узкодиалектные, а слова образные, эмоциональные, соответствующие сказовому стилю с его напевностью, лукавством и юмором.

Прочитаем отрывок из сказа «Каменный цветок»:

«Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушка вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нём

добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнешки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

— Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушка запончик надел, подошел к станку и давай рассказывать да показывать. Что приказчик спросит — у него на все ответ готов. Как околтать камень, как распилить, фасочку снять, чем склеить, как колер навести, как на медь присадить, как на дерево. Одним словом, все как есть.

Пытал-пытал приказчик, да и говорит Прокопычу:

— Этот, видно, гожд тебе пришелся?

— Не жалуясь, — отвечает Прокопыч».

Какой же вывод можно сделать из всего сказанного? Он прост и ясен.

Местные слова встречаются в речи говорящих на русском языке. Диалектизмы используются писателями как стилистическое средство языка. Но местные слова известны меньшему числу лиц, чем слова литературные. Зачем в обычной речи говорить *кочет*, *брехать*, *баской*, *дюже*, если большинство русских людей знает и употребляет слова *петух*, *лаять*, *красивый*, *очень*?

При употреблении диалектных слов нужно не забывать, что они бывают двух видов — диалектизмы и этнографизмы. Диалектизмы обозначают общие для всех говорящих понятия (*зараз — тотчас же*, *сию минуту*, *гуларить — разговаривать*, *беседовать*) и предметы быта, не имеющие специфических особенностей в той или иной местности (*бурак — свекла*, *кочет — петух*, *пимы — валенки*), например: «Ты погляди на мои пимы, — говорил он мне, подымая ногу и тыча пальцем на заплаты в своем валенке» (Бахметьев. «У порога»).

Такие слова могут входить в синонимику литературного языка (толковые словари приводят их с пометой «областное»). Областные слова — диалектизмы — являются словами разговорными; они свидетельствуют о резко сниженном характере речи, о связи говорящего с языковой средой той или иной местности.

Диалектные слова узкого распространения и этнографизмы, обозначающие предметы быта, характерные для той или иной местности (ранее были приведены примеры *баз*, *курень*, *стодол*), не являются стилистическим пластом синонимики языка; их употребление относится к фактам речевой синонимии, которая вне местной обстановки затрудняет понимание.

В художественном тексте речевыми синонимами могут быть не только диалектные слова, но и слова заимствованные, а также авторские новообразования. Приведем всего один пример из повести Г. Бакланова «Южнее главного удара»: «Вернулся Назаров, ходивший искать кого-нибудь живого поблизости. Он пришел со стариком венгром. Подведя его к трактору, громко, точно глухонемому, говорил:

— Лопату нам, понял? Лопату нужно! — и почему-то показал два пальца. — Лопата, разумеешь?

«Разумеешь» было, правда, не венгерское слово — украинское. Но все же и не русское. И Назарову казалось, что так венгру будет понятнее, раз не по-русски.

— Разумеешь? — повторял он с надеждой».

Итак, синоним, имеющий частное значение и стилистическое ограничение, может заменить нейтральное слово только тогда, когда обоснован выбор его. Любой курень можно назвать избой и домом, но нельзя с точки зрения синонимии русского литературного языка любой крестьянский дом называть куренем.

Анна, Анна, Аночна

Слово *герой* имеет несколько значений, обозначая человека, совершившего подвиг или подвиги, чем-либо отличившегося, являющегося предметом восхищения и подражания, а также лицо, воплощающее типичные черты своей среды или эпохи, главное действующее лицо художественного произведения. Во всех значениях слово *герой* приложимо к имени собственному: Лермонтов и Белинский называли Печорина героем своего времени, Павка Корчагин называл героем Гарибальди:

«— Вот человек был Гарибальди! — с восхищением произнес Павел. — Вот герой! Это я понимаю! Сколько ему приходилось биться с врагами, а всегда его верх был» (Н. Островский. «Как закалялась сталь», гл. 3).

И сам Павка Корчагин стал героем, которого любили и на которого равнялись герои труда и ратного подвига. На его примере воспитывались сотни и тысячи героев, и среди них — Маресьев. В «Повести о настоящем человеке» об этом рассказывается так: «Ко всем Комиссар умел найти ключик, а вот Алексей Мересьев не поддавался ему. В первый же день после операции появилась в палате книжка «Как закалялась сталь». Ее начали читать вслух. Алексей понял, кому адресовано это чтение, но оно

мало утешало его. Павла Корчагина он уважал с детства. Это был один из любимых его героев» (ч. 2).

Можно привести очень большое количество примеров, когда в речи синонимизируются имя нарицательное и имя собственное, когда имя собственное превращается в нарицательное, а имя нарицательное становится именем собственным. И тем не менее синонимия имени собственного и имени нарицательного остается обычно на уровне индивидуальной речи.

Почему?

В чем отличие таких слов, как *любовь* и *Любовь*? Или *даль* и *Даль*? Чем отличаются друг от друга имена собственные и нарицательные? Известно, что собственные имена пишутся с прописной буквы и могут состоять из нескольких слов: *Владимир Иванович Даль*. В некоторых падежах собственные имена имеют свои формы: *любви*, но *Любови*; *филином*, но *Филиным*. Однако исключений у нарицательных имен не меньше.

Собственные имена, говорят, обозначают единственное лицо. Но это совсем не так, поскольку существуют однофамильцы и тезки. Конечно, не все имена распространены в равной мере. Женское имя *Акулина* встречается реже, чем *Мария* или *Любовь*. Мужское имя *Саша* употребительнее, чем *Филипп* или, тем более, *Акакий* (такое имя есть, как известно, в повести Н. В. Гоголя «Шинель»).

А сколько людей имеют имя *Иван*? Очень много. Только в Москве живет тысяча Иванов Ивановичей Ивановых. А сколько живет их в Ленинграде, Новосибирске и других городах и деревнях?

Короче: некоторые собственные имена обозначают не меньшее число людей, чем некоторые нарицательные существительные. Людей, которые носят имя *Иван*, больше, чем людей, принадлежащих к малым народностям и племенам. В Ломоносовском и Кингисеппском районах Ленинградской области живут ижорцы: их менее 500 человек. На крайнем востоке нашей страны живут алеуты и юкагиры; по переписи 1979 г. алеутов было зарегистрировано 500 человек, юкагиров — 800.

Почему же *Иван* — имя собственное, а *сван* — нарицательное? *Любовь* — это имя собственное (*Любовь* — *Любови*) и нарицательное (*любовь* — *любви*).

Между именами собственными и нарицательными есть грамматическое и смысловое различие.

Собственные имена обычно употребляются в единственном числе. По этому свойству они сближаются с группой существительных собирательных (*мелочь, молодежь, листва, родня, аппаратура, человечество, белье, ельник*). Собирательные существительные, употребляющиеся только или преимущественно в единственном числе, обозначают не единичный предмет, а совокупность их. Кроме того, большинство из них называет не лиц. Когда собирательное существительное обозначает лица, оно не выделяет ни одного из них. Слово *молодежь* обозначает молодое, подрастающее поколение, молодых людей, юношей и девушек с самыми различными именами и фамилиями.

Собственное имя обозначает единичный предмет, одушевленный или неодушевленный. Более того, собственное имя чаще указывает только одно-единственное лицо. Когда в коллективе есть два человека с одной фамилией или одним именем, то их различают каким-либо способом, чаще всего при помощи составного имени: *Ваня Иванов и Ваня Сидоров, Ваня Иванов и Саша Иванов* или разных форм *Оля и Леля*.

Из-за этой конкретности и индивидуальности собственного имени иногда считают даже, что имя собственное не имеет лексического значения, не содержит никакого обобщения.

Это не совсем так. Собственные имена, как и нарицательные, тоже имеют называющее (номинативное) значение, хотя это значение своеобразно по сравнению с лексическим значением нарицательного существительного. Например, имя *Игорек* означает, что это: 1) человек, 2) мужчина, а не женщина, 3) мальчик или близкий человек. Следовательно, собственное имя, называющее человека, вызывает, по крайней мере, три представления, указывает на три признака.

Нарицательные существительные также указывают на несколько признаков; иногда это два признака, иногда — три, а иногда и больше. Когда мы произносим слово *вода*, то оно вызывает в нашем сознании представление о том, что речь идет о жидкости и жидкость эта прозрачная и бесцветная, что вода образует ручьи, реки, озера, моря. Многие знают при этом, что вода представляет собой простейшее химическое соединение водорода с кислородом.

Нарицательное имя способно отличать данный предмет от великого множества других предметов. Хотя объ-

ем и содержание понятия, выражаемого при помощи нарицательного имени, и может видоизменяться, особенно в конкретных условиях речи, однако набор признаков остается более или менее постоянным. Слово *вода* отличает данную жидкость не только от всех других жидкостей, но и от газа и суши, пара и песка, камня и цветка, пчелы и муравья, иголки и автомашины и т. п.

Нарицательное существительное не акцентирует внимания на частных особенностях называемого предмета. Слово *вода* обозначает любую воду, и нет другого существительного, которое имело бы то же самое значение. Собственное имя акцентирует внимание именно на выделении данного предмета из числа однородных. Имя *Волга* называет только одну-единственную воду — великую русскую реку, самую большую в Европе. Попутно заметим, что в древности Волгу называли *Ра*, в средние века — *Итиль* (*Атель*). Слово *волга* родственно таким словам, как *волглый* — влажный, сырой и *влага* — жидкость, вода. Следовательно, название великой русской реки в прошлом было именем нарицательным, обозначающим воду вообще, а существительные *волга* и *вода* были синонимичными. Есть много других рек, но каждая имеет свое название. Совпадения же возможны только тогда, когда названия не имеют общего распространения.

Собственное имя имеет общее значение, называя целый класс лиц или явлений, не указывая на их постоянный отличительный признак. Говорящим не известно, почему данный человек назван именно так, а не иначе; более того, люди с разными внешними признаками и разными внутренними качествами могут носить одинаковое имя, т. е. быть тезками или однофамильцами.

Например, известно, что имя *Александр* носили Александр Македонский и Александр Невский, очень многие писатели, художники, музыканты, государственные и общественные деятели. Назовем лишь Александра Пушкина и Александра Грибоедова, Александра Блока и Александра Фадеева. Имя *Александр* носили математик А. Д. Александров, химик А. Д. Арбузов, хирург А. Н. Бакулев, геолог А. П. Карпинский, биолог А. О. Ковалевский, кораблестроитель А. П. Крылов. Фамилию Толстой носили три русских писателя — Лев Николаевич, автор романа «Война и мир», Алексей Николаевич, автор трилогии «Хождение по мукам», Алексей Константинович, автор романа «Князь Серебряный».

Когда родители выбирают имя ребенку, они хотят, чтобы оно было добрым, ласковым, памятным, чтобы, как словесный талисман, призывало быть благородным и мужественным, счастливым и мудрым, напоминало о той надежде, которую возлагали на сына или дочь родители. В 20-е годы текущего столетия возникла мода на идеологические имена. Именно тогда появились такие новые имена, как *Октябрина*, *Майя*, *Нинель*, *Владлен*, *Виллиана* (три последние от фамилии Ленин), *Рэм* (первые буквы слов: *Революция*, *Электрификация*, *Машиностроение*), и даже такие, как *Поэма*, *Гранит*, *Электрификация*, *Федерация*, и даже *Трактор* и *Портфель*.

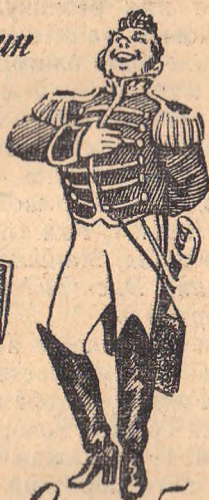
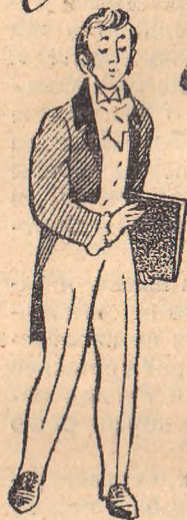
Конечно, признак, если он сохраняется в имени, и характер человека, носящего данное имя, часто не совпадают. Можно указать не одну *Галину*, которая по характеру не является спокойной, как об этом говорит греческое слово γασηνη — спокойная. И не каждый *Руслан* обладает львиным характером, хотя тюркский корень этого слова намекает именно на льва.

Связь имени или фамилии и носителя их, человека, — условна. Намек на признак в собственном имени весьма неопределен и приблизителен. В рассказе А. П. Чехова «Лошадиная фамилия» показывается, как мучительно трудно вспомнить «простую фамилию... словно как бы лошадиную». Называют самые разные фамилии, так или иначе связанные с лошадьёю. Это *Жеребцов*, *Кобылин*, *Жеребчиков*, *Лошадинин*, *Лошадков*, *Жеребкин*, *Кобылкин*, *Кореной*, *Пристяжкин*, *Жеребовский*, *Жеребенко*, *Лошадинский*, *Лошадевич*, *Конявский*, *Лошадинников*, *Копытин*. «Папа! — кричали из детской, — Тройкин! Уздечкин!» Оказалось, что «лошадиная фамилия» — это *Овсов*.

В языке художественной литературы имена собственные в ряде случаев выполняют особую роль. Они не просто названия; они содержат намек на идею образа и выражают авторское отношение к нему. Имена-идеи, имена-характеристики придают выразительность художественной речи.

В комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» как положительные, так и отрицательные действующие лица имеют прозрачные имена-идеи. С одной стороны, это *Правдин*, *Милон*, *Стародум*, а с другой — *Скотинин*, *Кутейкин*, *Вральман*. В комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» эта функция собственного имени сохраняется (*Молчалин*, *Скалозуб*), хотя намек на идею образа более тонок. Фа-

Могалин

Скалозуб

милли *Фамусов* и *Репетилов* осознаются лишь через латинский или французский язык: латинское *famos* значит *знаменитый, известный*, а французское *fameus* — *знаменитый, отъявленный* (ср. также *un monteur fameus* — отъявленный лгун); латинский глагол *repetio* — *повторяю*, а французский *gépéter* означает не только *повторять*, но в разговорной речи также *болтать*. Гоголь и Салтыков-Щедрин, Некрасов и Чехов наделяют дворян и титулованных чиновников комическими составными фамилиями: *Ляпкин-Тяпкин* и *Сквозник-Дмухановский*, *Угрюм-Бурчеев* и *Перехват-Залихватский*, *Оболт-Оболдуев*, *Рубец-Откачалов* и *Пружина-Пружинский*.

В конкретно-образной форме общее собственное имя становится обозначением типа. Собственное имя уже выступает не только как название данного человека; оно является выразителем определенных человеческих качеств. Проникая в общий язык, оно становится синонимичным нарицательным именем, отличаясь от него большей социальной и эмоциональной оценочностью.

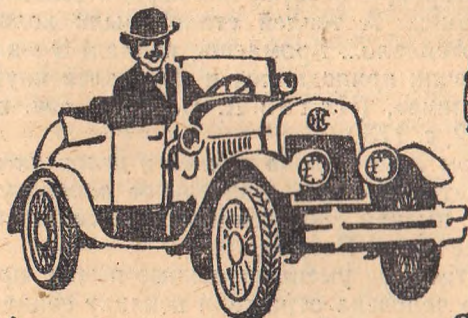
Например, имя героя комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» *Митрофан* (*Митрофанушка*) стало употребляться для обозначения круглого невежды, недоросля, балбеса. Слово *Донкихот* (от имени героя романа испанского писателя Сервантеса «Дон-Кихот») стало синонимичным обозначением фантазера, наивного мечтателя, а также человека благородного и бескорыстного. Фамилия *Плюшкин* стала названием очень скупого человека и вошла в синонимические связи с такими словами, как *скупой*, *скряга* или *жила*, *жадина* (последние слова являются просторечными).

От собственных имен-образов художественных произведений возникают и нарицательные существительные,

РЕНТГЕН

ФОРД

ФРЕНЧ

обозначающие абстрактное понятие: *донкихотство, хлестаковщина, обломовщина*. Слово *обломовщина*, образованное от имени героя романа И. А. Гончарова, означает *апатию, безволие, состояние бездеятельности и лени*.

Не только фамилии и имена героев художественных произведений, но и фамилии действительно существовавших лиц нередко становятся названием открытия или изобретения, вида деятельности, свойств характера. Такие названия единиц измерения, как *ампер, вольт, ом*, — это все бывшие фамилии физиков. *Форд* и *толстовка, дизель* и *френч* названы также по бывшим фамилиям создателей этих машин и «законодателей» видов одежды. Даже названия детских игрушек могут быть образованы от имен собственных: *матрешка, ванька-встанька*.

Имя собственное используется также для расширенного наименования людей низкого социального положения. В дореволюционной, царской России словом *ваньки* называли извозчиков. А. П. Чехов написал в 1884 г. рассказ с таким названием. Вот отрывок из этого рассказа:

«Около Кремля он [коммерции советник И. В. Котлов] нанял ночного ваньку.

— На Якиманку! — скомандовал он.

Ванька, малый лет двадцати пяти, причмокнул губами и лениво передернул вожжами... Ванька попался Котлову самый настоящий, типичный... Поглядишь на его заспанное, толстокожее, угреватое лицо — и сразу определишь в нем извозчика.

Поехали через Кремль.

— Какой теперь час будет? — спросил ванька.

— Второй, — ответил коммерции советник.

— Так-с... А теплей стало! Были холода, а теперь опять потеплело... Хромаешь, подлая! Э-э-э... каторжная!

Извозчик приподнялся и проехался кнутом по лошадиной спине». (Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1960, т. 2, с. 173.)

В этом тексте слова *ванька* и *извозчик* синонимичны, и нарицательное существительное *ванька* уже не связывается с именем собственным *Ванька* (извозчика на самом деле звали Петром).

Собственные уменьшительные имена при назывании простого человека отражали психику социально униженного человека в чиновничьем, крепостническом обществе. В. Г. Белинский с горечью отмечал, что в крепостнической России в народе нет чувства человеческого достоинства и люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками*.

Напротив, когда люди сознают свое человеческое достоинство, свою принадлежность к свободному обществу, наиболее распространенные имена и фамилии воспринимаются как название самого народа.

Вот один такой пример. В романе К. Симонова «Живые и мертвые» среди эпизодов, описывающих первые дни Великой Отечественной войны, есть рассказ о танкист-капитане. Этот тыловой офицер с немецким автоматом и небритым лицом, с грозно горевшими глазами, не дрогнул под натиском вооруженного до зубов врага. Он смело и решительно взялся «сколотить триста человек пополнения из тех, что по лесам шатаются». Эпизод этот кончается так:

«Когда Синцов сел в кабину, они продолжали молча стоять рядом, танкист и летчик: один — большой, другой — маленький, коренастый, оба упрямые, злые, раздосадованные неудачами и готовые снова драться.

— А как ваша фамилия, товарищ капитан? — уже из кабины спросил Синцов, впервые за все время вспомнив о газете.

— Фамилия? Жаловаться, что ли, на меня хочешь? Зря! На моей фамилии вся Россия держится. Иванов» (гл. 2).

Синонимические связи собственного имени не ограничиваются такими случаями, когда имя собственное пре-

вращается в нарицательное. У собственных имен имеется своя синонимия — синонимия имен собственных.

Варианты собственного имени и синонимы — имена собственные выражают различные оценки, различное отношение говорящего к тому, кого называют разными синонимическими собственными именами.

Основное различие — это противопоставление фамилий и составных имен уменьшительно-ласкательным формам имен собственных. Между фамилией, именем и отчеством есть четкое смысловое различие. Фамилия указывает на принадлежность к данному роду, отчество — на принадлежность к той или иной семье этого рода, имя обозначает каждого члена этой семьи, этого рода. Полное составное имя, например *Иван Иванович Иванов*, содержит все эти понятия, и каждое слово имеет свое значение.

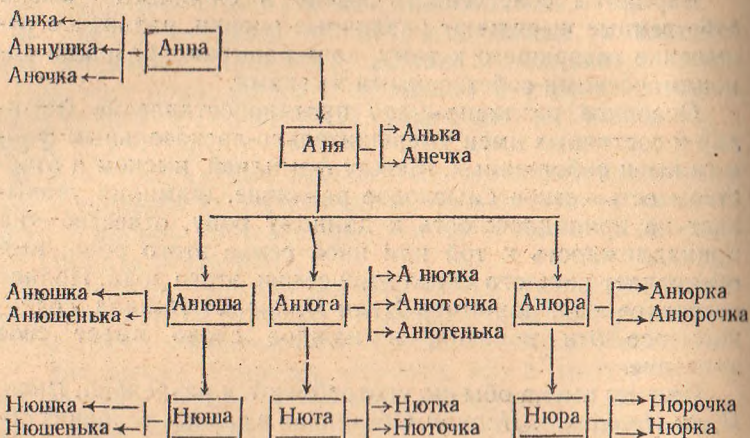
Полные имена обычно употребляются раздельно: *Иван, Иван Иванович, Иванов*. Обозначая в разных условиях общения одного и того же человека, эти разные имена становятся как бы речевыми синонимами; их частные значения как бы стираются, происходит соподчинение понятий, частичное совпадение их. Этому способствует коммуникативно-стилевое различие между разными видами имен. Фамилии и составные имена являются официальными формами общения: официально говорят: *товарищ Иванов* или просто *Иванов, уважаемый Иван Иванович* или просто *Иван Иванович*.

Это же значение официальности могут иметь полные имена, когда им противостоят уменьшительные. *Александр* строже, чем *Санька*; *Екатерина* — официальнее, чем *Катя*. Поэтому в составном имени используется только полное имя: *Александр Иванович* (а не «Саша Иванович»), *Екатерина Александровна* (а не «Катя Александровна»).

Синонимичными оказываются имена одной и той же сферы общения: *Иван Иванович* и *Иванов, Иван* и *Ваня*. Синонимия эта речевая, поскольку собственные имена называют отдельных лиц.

Уменьшительно-ласкательные имена (например, *Миша, Петя, Саша, Леля, Люся*) лишены официальности и употребляются в условиях дружеского и непринужденного общения, семейной близости. Это порождает большую вариантность уменьшительных форм имен собственных, из которых образуются оценочные ряды слов. Напри-

мер, имя собственное *Анна* имеет такую словообразовательную сеть уменьшительных вариантов:

Все уменьшительные собственные имена употребляются в обиходно-разговорном языке. Синонимический ряд, кроме нейтрального слова, имеет два типа оценочных слов: ласкательный и пренебрежительный. Например, у формы *Аня* ласкательная форма — *Анечка*, пренебрежительная — *Анька*; у формы *Анюта* ласкательные формы — *Анюточка* и *Анютенька*, пренебрежительная — *Анютка*; у формы *Нюта* — ласкательная форма *Нюточка*, пренебрежительная — *Нютка*.

Кроме того, слова *Аня*, *Анюта*, *Нюта*, *Анюша*, *Нюша*, *Анюра* и *Нюра* выступают разговорными вариантами собственного имени *Анна* и в речи отдельных лиц могут употребляться как его уменьшительно-ласкательные формы, как речевые синонимы.

Синонимами языка оказываются уменьшительные имена с одинаковой эмоциональной оценкой; например, уменьшительно-ласкательные *Аночка*, *Аннушка*, *Анечка*, *Анюточка* и *Анютенька*, *Анюшенька*, *Анюрочка* или уменьшительно-пренебрежительные *Анка*, *Анька*, *Анютка*, *Анюшка*, *Анюрка*.

Таким образом, синонимия собственных имен имеет много общего с синонимией нарицательных имен. Есть и отличия. Фамилии и составные имена, как названия официальные, не имеют обычно синонимии (кроме фактов вроде псевдонимов: *Горький* — *Пешков*, *Козьма Прут-*

ков — А. К. Толстой и братья Жемчужниковы, Кукрыники — М. В. Куприянов, Н. П. Крылов, Н. А. Соколов).

Омонимия среди собственных имен, проявляющаяся в наличии однофамильцев и тезок, распространена более широко, чем синонимия. Среди имен обиходного употребления синонимия распространена шире — за счет словообразовательных вариантов со значением ласкательности и пренебрежения. Однако и в этом случае могут накладываться ограничения: один из возможных вариантов имени закрепляется за конкретным лицом.

Имена *Екатерина* и *Анна* были широко распространены среди дворянского сословия XVIII—XIX вв. Их полные и уменьшительные варианты закреплялись за разными лицами. Так, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» главная героиня зовется в кругу близких и авторском тексте *Анна*, в официальном разговоре *Анна Аркадьевна*, *Каренина*, тогда как горничная называется только *Аннушка*, а дочь — *Ани*. Прочитируем отрывок:

«Уже одетая и в шляпе, она опять взглянула в глаза потолстевшей, спокойной Аннушки. Явное сострадание было видно в этих маленьких добрых серых глазах.

— Аннушка, милая, что мне делать? — рыдая, проговорила Анна, беспомощно опускаясь на кресло.

— Что же так беспокоиться, Анна Аркадьевна! Ведь это бывает. Вы поезжайте, рассеетесь, — сказала горничная.

— Да, я поеду, — опомнясь и вставая, сказала Анна (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина», ч.7, XXVII).

У читателя образ, созданный гениальным русским писателем, запоминается под именем *Анна Каренина*, *Анна*. Героиня трилогии К. А. Федина «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер» *Анна Тихоновна Парabuкина* в тексте так не называется; и автор и герои называют ее *Аночка*, хотя она, повзрослев, представляется: *Аня*. А вот героиня повести Д. Фурманова и кинофильма режиссеров Г. Н. и С. Д. Васильевых «Чапаев» — *Анка*.

Герой повести М. Горького «Мать» — *Павел Власов*, а повести Н. Островского «Как закалялась сталь» — *Павка Корчагин*:

«Тоня, не заметила, как кто-то перелез через гранитный выступ, ...и, только когда на книгу из-под ноги перелезавшего упал камешек, вздрогнув от неожиданности, подняла голову и увидела стоявшего на площадке Павку

Корчагина. Он стоял, удивленный неожиданной встречей, и, тоже смущенный, собирался уйти...

Тоня улыбнулась:

— Ну, что же вы стоите? Можете сесть, вот здесь, — и она указала на камень.

«— Скажите, как вас зовут?»

— Я Павка Корчагин.

— А меня зовут Тоня. Вот мы и познакомились.

Павка смущенно мямл кепку.

— Так вас зовут Павкой? — прервала молчание Тоня. — А почему Павка? Это некрасиво звучит, лучше Павел» (Н. Островский. «Как закалялась сталь», гл. 3).

Нет, так он и звучит на весь мир — *Павка Корчагин*. И каждый народ рождает такие имена, которые звучат как призыв, воспринимаются как символ. Эти имена призывают народы к миру и дружбе, равенству и братству, говорят о правде и справедливости.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

Глаза и глазки

В известной басне И. А. Крылова Лисица, чтобы заставить Ворону каркнуть и тем самым выронить сыр из рта, «говорит так сладко, чуть дыша»:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перушки! Какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица,—

Ведь ты б у нас была царь-птица».

В стилистике дружеского общения, а также лести и фарисейского обмана уменьшительно-ласкательные формы — излюбленное средство выразительности и эмоционального воздействия. Лисица, строя свою речь в такой манере, естественно, широко употребляет формы: *шейка, глазки, перушки, носок, голосок, сестрица*, а не *шея, глаза, перья, нос, голос, сестра*. Такие ряды слов, как *глаза — глазки (глазочки) — глазища (глазины)*, содержат словообразовательные варианты, которые образуют ряды однокоренных слов — уменьшительно-ласкательных существительных.

В индивидуальной речи могут быть и другие новообразования, например *глазеньята*: «Усаживаясь у норы, из которой только что вылезла мать-крольчиха, мы, чуть вздрагивая от нетерпения, ждали. И, как бы ни следили, все-таки не улавливали мига, когда трепетный клубочек [крольчонок] оказывался возле норы и, смешно шевелив рассеченной надвое верхней губой и передвигая ушками, обнюхивался, зыркал туда-сюда красными глазенятами, стриг, точно ножницами, длинными ушами» (М. Алексеев «Драчуны», ч. 1).

Синонимичными могут быть и неоднокоренные уменьшительно-ласкательные слова, т. е. сами уменьшительно-ласкательные формы. Например, в песнях, написанных Михаилом Исаковским, синонимично употребляются формы *парень — паренек — парнишка*, уменьшительные существительные *дорожка — стежка — тропинка*:

Шли они — в руке рука —
Весело и дружно.
Только стежка коротка,
Расставаться вужно.

(«Провожанье»)

Стлалася тропинка
Золотой каемкой.

(«Пели две подруги»)

Мы бредем по тем дорожкам,
Где не кошена трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

(«Лучше нету того цвету»)

Уменьшительно-ласкательные и другие оценочные формы имени существительного образуют лексико-грамматическую категорию субъективной оценки — и в этом смысле лексической синонимии в басне Крылова нет. Синонимы, будучи словами одной и той же части речи, характеризуются морфологической однородностью. Она распространяется, как правило, на грамматические особенности слов-синонимов, например на число и падеж у существительных, вид у глаголов.

Синонимические связи охватывают обычно слова со всеми их формами; но возможно, что связи ограничиваются только частью форм. Например, синонимия существительных *жилец* и *квартирант* охватывает все их формы падежа и числа, тогда как синонимический ряд *происки — интриги — козни* состоит целиком из форм множественного числа, а ряд *воодушевление — энтузиазм — подъем* не имеет, естественно, форм множественного числа.

Эти формально-грамматические особенности могут играть большую или меньшую роль. Например, слово *ребенок* имеет форму множественного числа *ребята*, а слово

дети имеет форму единственного числа *дитя*. Однако значение этих слов в единственном и множественном числе не совпадают: *ребенок* — *мальчик* или *девочка* в раннем возрасте, *сын* или *дочь*; это значение охватывает устаревшие и поэтические слова *дитя* (*дети*) и *чадо* (*чада*), а также при менее строгой синонимии *младенец*, а с другой стороны — разговорные *крошка* и *малютка*. *Дети* — это не обязательно мальчики и девочки младшего возраста (малолетки и малыши), но и дети более старшего возраста. Разговорное *ребята* применяется и для обозначения молодежи разных возрастов, молодых людей.

Синонимичными могут быть глаголы в возвратной и невозвратной формах, так как некоторые из них почти не отличаются друг от друга по смыслу: *дымить* — *дымиться*, *светить* — *светиться*, *хвастать* — *хвастаться*, *стучать* — *стучаться* и подобные им. Так, про завод (его трубы) или напросу можно сказать, что они *дымят* и что они *дымятся*, например: «Редко где дымит завод» (Твардовский. «Страна Муравия», гл. 17) и «За кладбищем дымились кирпичные заводы» (Чехов. «Степь», гл. 1).

Дымить — *дымиться* — невозвратная и возвратная формы, имеющие тождественные значения. Наличие в языке таких вариантных форм глагола приводит к тому, что в состав синонимического ряда могут входить возвратные и невозвратные формы глагола: *лежать* — *покоиться*, *валяться*; *гнить* — *портиться*, *тухнуть*; *темнеть* — *темнеться*, *смеркаться*; *моросить* — *брызгать*, *капать*, *накрапывать*, *сеять*, *сеяться*; *мчаться* — *нестись*, *мчать*, *лететь*, *звать*.

Синонимами, как уже сказано, могут быть однокоренные слова, в том числе и образования с варьированием словообразовательных суффиксов, например: *вертушка* — *вершина* — *верх*; *высота* — *вышина* — *высь*; *темнота* — *тьма* — *темень* — *тьма*; *тишина* — *затишье* — *тишь* и т. п. Бессуффиксальные образования (такие, как *высь*) сейчас широко употребляются в поэзии; это — поэтические синонимы. Например, при поэтическом изображении картин природы существительное *синь* вытеснило поэтические слова *лазурь* и *синева*, употребительные еще в начале XIX в. Сейчас слово *синь* используется не только в поэзии, но и в художественной прозе.

Приведем еще пример словообразовательного варьирования существительных: *окно* — *окошко*, *печь* — *печка*, *дыра* — *дырка*, *задача* — *задача*, *игла* — *иголка*, *карто-*

фель — *картошка*, *река* — *речка*, *редис* — *редиска*, *тетрадь* — *тетрадка*. Суффиксальные образования (также, как *дырка*, *задача*, *редиска*) являются разговорными вариантами бессуффиксальных форм; между ними устанавливаются синонимические связи, предполагающие семантическое тождество и различия. У Пушкина оба варианта *печь* и *печка* употребляются как синонимы. Такое использование этих слов сохраняется у Горького и Чехова, у А. Н. Толстого и других современных писателей. Однако слово *печка* обозначает только комнатную печь, тогда как *печь* обозначает разные виды печи — русскую печь, кафельную печь, плавильную печь. Вместо слова *печка* можно сказать *печь*, тогда как вместо слова *печь* можно сказать *печка* только тогда, когда речь идет о русской комнатной печи.

Есть словообразовательное варьирование и среди других частей речи. Например, у прилагательных: *абрикосовый* — *абрикосный*, *яблоневый* — *яблонный*, *девический* — *девичий*, *лебединый* — *лебяжий*, *синонимичный* — *синонимический*. А. М. Горький почти однозначно употребляет *кумачовый* и *кумачный*: «Солдат был одет в красную кумачовую рубаху» («В степи»); «Он одет в кумачную рубаху» («Тимка»).

В поисках большей выразительности текста создается речевая синонимия, в том числе синонимия однокоренных слов. Однако большинство однокоренных слов не являются синонимами, так как они имеют разное значение: *белизна* и *белок*, *белить* и *отбеливать*, *белый* и *белесый*. Однако в некоторых случаях различие между однокоренными словами утрачивается, они отождествляются, возникают речевые ошибки, порожденные недостаточным знанием языка и низким уровнем культуры речи. Говорят *командировочный* вместо *командированный* (прилагательное *командировочный* обозначает: принадлежащий командированному, относящийся к командировке — командировочное удостоверение): «Петя со своим папкой приехал в Одессу в командировку. Они командировочные» (Катаев). Смешивают слова *представить* (дать возможность познакомиться, представить диссертацию) и *предоставить* (отдать в распоряжение), *сытный* (питательный) и *сытый* (наевшийся): «Стали пить чай из старинных фарфоровых чашек, со сливками, с сытными, сдобными кренделями» (Чехов. «Черный монах»); «Сытое брюхо к учению глу-

хо» (Пословица). Прилагательное *сытый* и существительное *сытый* обозначают также богатую буржуйскую жизнь, самого буржуа: «Андрей мотался по фронтам, защищая чужое богатство и чужую сытую жизнь» (Шолохов. «Поднятая целина»); «Сытый голодного не разумеет» (Пословица).

Однокоренными словами могут оказаться варианты слова (*абрикосовый* и *абрикосный*) и разные слова (*отчетливый* и *отчетный*). Различие между ними не всегда бывает четко выражено. Однокоренные слова, обозначающие различные предметы и явления, но сближающиеся в речевой деятельности говорящих, называются паронимами. Если мы сравним слова *диктант* — *диктовка* — *диктат*, то заметим, что *диктант* и *диктовка* образуют синонимическую пару, тогда как *диктант* и *диктат* — паронимическую: *диктант* (*диктовка*) — произнесение текста вслух для записи, а *диктат* — требование, продиктованное сильной стороной для безусловного выполнения. *Рыбак* и *рыбарь*, *стучать* и *стучаться*, *пурпурный* и *пурпуровый* — синонимы; *адресат* и *адресант*, *заблудиться* и *заблуждаться*, *психологический* и *психологичный* — паронимы.

Паронимия наблюдается среди слов разных частей речи, особенно среди прилагательных и глаголов. Паронимами являются такие пары слов, как *единый* — *единственный*, *злой* — *злостный*, *ярый* — *яростный*, *еловый* — *елочный*, *лирический* — *лиричный*, *кожный* — *кожаный*, *соседний* — *соседский*, *дружеский* — *дружественный*, *горячий* — *горючий*, *сломанный* — *сломленный*; *здравица* — *здравница*, *признание* — *признательность*, *описка* — *отписка*; *верить* — *веровать*, *поглотить* — *проглотить*; *явно* — *явственно*, *ныне* — *нынче*.

Паронимы отличаются друг от друга составом слова и предметной отнесенностью. Например, у слов *кожный* и *кожаный*, *белеть* и *белить*, *адресат* и *адресант* разные суффиксы; слова *поступок* и *проступок*, *проглотить* и *поглотить* различаются приставками; прилагательные *еловый* и *елочный* отличаются не только суффиксами *-ов-* и *-н-*, но и производящей основой *ель-* и *елоч-* (производящее слово — *елка*). Паронимы, как уже сказано, различаются по значению, т. е. по предметно-понятийной отнесенности: *однокорневой* значит принадлежащий одному корню, родственный, *однокоренной* — имеющий один корень; *лирический* значит относящийся к лирике как роду поэ-

зии, *лиричный* — проникнутый лиризмом, *задушевный*; *снеговой* означает сделанный из воды (*снеговая вода*), *снежный* — обильный снегом (*снежная зима*).

Однокоренные синонимы, как и паронимы, отличаются друг от друга предметно-понятийно и стилистически, и поэтому такие слова, как *печь* и *печка*, *учение* и *учеба*, *одеть* и *надеть*, *человечный* и *человеческий*, *туристский* и *туристический*, *плохо* и *плоховато*, не являются тождественными ни по значению, ни по употреблению.

Остановимся на словообразовательной паре *туристский* — *туристический*. Эти прилагательные похожи друг на друга; их иногда смешивают, допуская тем самым речевую ошибку. Названные прилагательные отличаются и значением, и употреблением: прилагательное *туристский* соотнесено с существительным *турист* (*туристская база*, *туристская путевка*, *туристский поезд*); прилагательное же *туристический* соотнесено со словом *туризм* и поэтому сочетается с другими существительными — *туристическая тематика*, *туристическое управление*. Прилагательные с суффиксом *-ическ-* имеют варианты формы не только с суффиксом *-ск-* (*нигилистский* — *нигилистический*, *террористский* — *террористический* и т. п.), но и в большей степени с суффиксом *-ичн-* (*типичный* — *типический*, *догматичный* — *догматический*, *комичный* — *комический* и т. п.). Некоторые прилагательные имеют по три варианта: *ароматный* — *ароматичный* — *ароматический*, *гуманный* — *гуманистичный* — *гуманистический*.

Кажется, только стилистические отличия имеют существительные *невежа* и *невежда* (книжное слово). Однако между этими словами есть различие и в значении: *невежда* — необразованный человек, неуч, тогда как *невежа* — не знающий приличий, грубый, неучливый человек, грубиян:

А народ-то над ним насмеялся:

«Поделом тебе, старый невежа!

Впредь тебе, невежа, наука:

Не садися не в свои сани» (Пушкин.

«Сказка о рыбаке и рыбке»).

Поскольку существуют однокоренные синонимы и синонимия словообразовательных вариантов, постольку есть синонимия словообразовательных средств и словообразовательных моделей. Словообразовательные средства русского языка — это, прежде всего, суффиксы и префиксы (приставки). Синонимика префиксов или суффиксов наблюдается главным образом у существительных и прилагательных.

тельных, а также у глаголов, например: *безграмотность* и *неграмотность*, *превеселый* и *развеселый*, *выгнать* и *изгнать*; *летчик* — *летатель*, *типический* — *типичный*, *экранировать* — *экранизовать*.

Остановимся на синонимике существительных.

Начнем с уменьшительно-ласкательных существительных. Среди них есть словообразовательные гнезда, обрабатывающие синонимические ряды суффиксов: *голова* — *головка* — *головушка* — *головонька*; *брат* — *братик* — *братец* — *браток* — *братан* — *братишка* — *братушка*; *сад* — *садик* — *садок* — *садочек*; *дуб* — *дубок* — *дубочек* и т. п. Основой синонимии является эмоционально-оценочная семантика: она сближает слова, она же различает их по стилистической принадлежности, по значению и сфере употребления. *Глаза* и *глазки* — синонимы, когда слово *глазки* обозначает орган зрения:

Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок (Некрасов,
«Тройка»).

Когда же слово *глазкі* обозначает круглое пятно или кружок, отверстие или почку, оно не является синонимом слова *глаза*: *глазки* на хвосте павлина.

Как лексические синонимы входят в состав лексико-семантических групп, так и синонимика словообразовательных средств объединяется словообразовательными категориями, или словообразовательными типами. Например, словообразовательные типы имени существительного объединяются понятиями лица, предмета, отвлеченного действия и состояния; внутри этих словообразовательных категорий выделяются лексико-грамматические группы и синонимические суффиксы.

Так, среди суффиксов лица выделяются группы по производящей основе, которая может быть образована от глагола (*преподаватель*, *шутник*, *летчик*, *обманщик*, *продавец* и т. п.), имени прилагательного (*производственный*, *гордец*, *добряк* и т. п.), имени существительного (*помощник*, *водопроводчик*, *моряк*, *москвич*, *авиатор*, *тракторист* и т. п.). Объединяются эти слова общим значением лица, вызывая тем самым синонимию суффикса; различаются слова с синонимичными суффиксами, соотношенные со словами разных частей речи. При этом учитывается употребительность, а также различие в конкретном, лексическом значении производного существительного.

Если взять отглагольные существительные, называющие лиц по профессии, с суффиксами *-тель*, *-щик*, *-льщик*, то образуются две группы суффиксальных синонимов: 1) с тремя суффиксами (*наклеиватель — наклещик — наклеивальщик*, *трамбователь — трамбовщик — трамбовальщик*, *нарезатель — нарезчик — нарезальщик* и т. п.), 2) с двумя суффиксами (*рыхлитель — рыхлильщик*, *обжигатель — обжигальщик* и т. п.). Во второй группе отсутствует вариант с суффиксом *-щик*, (*-чик*), хотя словообразовательно этот суффикс более активен, так как может соединяться не только с глагольной, но и с именной основой (*асфальтщик*, *трамвайщик*, *паркетчик* и т. п.).

Суффикс *-тель*, имея значение лица и предмета (ср.: *преподаватель* и *выключатель*, *мыслитель* и *числитель*), еще в XIX в. был непродуктивен при образовании наименований лиц по профессии, и только в середине XX в. он стал более продуктивным, причем наименование с суффиксом *-тель* предпочитают молодые люди, а с суффиксом *-льщик* — техническая интеллигенция.

Синонимия суффиксов ограничивается формальными моментами: во второй группе нет слов с суффиксом *-щик*, потому что он фонетически не может присоединиться к основе; существительные с суффиксом *-льщик* присоединяются к глагольным основам несовершенного вида, суффикс инфинитива сохраняется: *клепать — клепальщик*, *носить — носильщик*; ср.: *прясть — прядильщик*.

Словообразовательная модель состоит из основы, аффикса (суффикса или префикса-приставки) и словообразовательного значения. Например, *целинник*, *читатель* и *лунник*, *выключатель* образованы по двум разным суффиксальным моделям, так как в первых словах суффиксы *-ник* и *-тель* имеют значения лица, а во вторых — предмета. Следовательно, суффиксы *-ник* и *-тель* являются синонимичными в каждом значении.

Синонимичными могут быть словообразовательные модели, различающиеся способом словообразования. Синонимичными оказываются не только слова, но слово и словосочетание: *вуз — высшее учебное заведение*, *сельсовет — сельский Совет*, *электричка — электропоезд*. Образование сложных слов на базе словосочетаний или по моделям идет постоянно — на протяжении многих лет. Так, Гоголь писал Н. М. Языкову 27 сентября

1841 г.: «Дорожное спокойствие было смущено перелазкой из коляски в паровой воз». «Словарь церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847), составленный Академией наук, зафиксировал сложное слово *паровоз*.

Синонимия словообразовательных средств относит слова к грамматической синонимике. Синонимичными могут быть и формы одного и того же слова. Синонимика форм слова называется морфологической (она, правда, проявляется только в составе словосочетания или предложения). Более всего распространена синонимика склоняемых форм имени существительного и спрягаемых форм глагола.

Синонимика падежных форм имени существительного бывает трех видов: синонимика двух вариантов одной падежной формы (*нет чая, но стакан чаю*), синонимика падежной и предложно-падежной форм (*еду поездом и еду на поезде*), синонимика предложно-падежной формы и слова (*паркет из дуба — дубовый паркет*). Морфологические синонимы имеют общее грамматическое значение; они различаются, как и лексические, значением и стилистической характеристикой.

Сначала остановимся на синонимике прилагательного и предложно-падежной формы существительного. Это внутриименная синонимика, синонимика простой и составной форм слова, но разных частей речи. Это в то же время синонимика согласованного и несогласованного определения.

Приведем примеры: *усатый офицер — офицер с усами, безусый офицер — офицер без усов, очкастый старик — старик в очках, мамин вечер — вечер у мамы; двухэтажный дом — дом в два этажа, ватное пальто — пальто на вате, головная боль — боль в голове, звездное небо — небо со звездами; кожаное пальто — пальто из кожи, каменный дом — дом из камня, баранье рагу — рагу из баранины; садовая беседка — беседка в саду, подводное плаванье — плаванье под водой, междугородная связь — связь между городами, деревенская посылка — посылка из деревни; фронтовой друг — друг по фронту, сибирский гость — гость из Сибири, украинский гость — гость с Украины, отцовское письмо — письмо от отца; послеобеденный отдых — отдых после обеда, квартальные итоги — итоги за квартал; книжный шкаф — шкаф для книг; молочная бутылка — бутылка под мо-*

локо (для молока), литровый бидон — бидон на три литра.

Параллелизм согласованного и несогласованного определений свойствен синтаксису русского языка. Иногда он охватывает однокоренные слова: *усатый — с усами, без усов — безусый*: «Вокруг котлов садятся усатые ко сари» (Гоголь); «Рядом с ним сидел высокий брюнет без усов» (Л. Толстой); «Макар поздоровался с помощником, молоденьким, безусым восемнадцатилетним парнем» (Серафимович). Однако полное лексическое совпадение определяемого и определяющего слов встречается очень редко, и во всех случаях между согласованным и несогласованным определениями имеется смысловое и стилистическое различие. Мы говорим: *блестящие глаза, но только глаза без блеска*, например «Я люблю эти глаза без блеска» (Лермонтов).

Более регулярна синонимика согласованного и несогласованного определений, выраженных родительным падежом имени существительного: *отцовское пальто — пальто отца, лесникова изба — изба лесника, охотничий рассказ — рассказ охотника, Катино платье — платье Кати, лисий след — след лисы, птичье пение — пение птиц; фронтовой штаб — штаб фронта, колхозное поле — поле колхоза, партийный человек — человек партии; городской шум — шум города, садовая зелень — зелень сада, горный воздух — воздух гор; двадцатилетний юноша — юноша лет двадцати, красный флаг — флаг красного цвета, малорослый мужчина — мужчина малого роста.*

Однако (как это видно из примеров) синонимия согласованного и несогласованного определений, выраженных родительным падежом, становится наиболее ясной и близкой тогда, когда, во-первых, она относится к одному и тому же существительному, его синонимам или одной и той же лексико-синонимической группе (*дом, изба, хата* и т. п.), и тогда, когда, во-вторых, определяющее прилагательное словообразовательно соотносимо с определяющим существительным.

В повести Пушкина «Капитанская дочка» автор (повествование ведется от лица Гринева) пишет: «Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу». Ясно, что сочетания слов *заячий тулуп* и *линья шуба* не обозначают одежду зайца и лисы, поэтому согласованное определение синонимично несогласованному определению,

выраженному предложно-падежным сочетанием: *тулуп из меха зайца, шуба из меха лисы*.

В переносном значении прилагательные *заячий* и *лисий* становятся синонимами других прилагательных в форме родительного падежа при абстрактном существительном. Прилагательное *заячий* синонимично прилагательным *робкий, трусливый*: *заячья натура — натура зайца* (существительное употребляется в этом случае также в переносном значении: *заяц — робкий, трусливый человек*), например: «В угоду вам или хозяину, за его ужин не стану восхищаться тем, что никуда не годится. Это заячьи души способны так поступать» (Гончаров). Прилагательное *лисий* синонимично прилагательным *хитрый, лстыивый, лукавый*: *лисья душа — душа лисы*, например: «В глазах у него ...много остроты и той особой лисьей хитрости, какую можно бывает подметить только у очень наблюдательных людей» (Чехов).

Синонимика предложной и предложно-падежной форм наблюдается также при выражении дополнений и обстоятельств. Синтаксическая основа этих сближений подкрепляется лексической и словообразовательной общностью слов, выступающих в роли одинаковых членов предложения: *писать брату /к брату, ехать поездом/ на поезде*. Падежная и предложно-падежная формы зависят от глагола или от роли в предложении (синтаксической позиции, как пишут в научных трудах).

Прямое дополнение в русском языке выражается формой винительного или формой родительного падежа, причем в ряде случаев можно употребить и ту и другую форму. Однако между винительным и родительным прямого дополнения есть смысловые, конструктивные и стилистические различия. Книжной формой является форма винительного падежа; форма родительного падежа более разговорна, она обязательна в трех случаях: 1) в отрицательных конструкциях: «Швабрин... сказал, что не взял с собою ключа» (Пушкин); 2) при распространении действия на часть предмета: «Выпей-ка огуречного рассола с медом» (Пушкин); 3) при глаголах *бояться (опасаться)*, а также *хотеть, спрашивать, желать, требовать, слушаться* и некоторых других: «Желал ты славы» (Пушкин).

При глаголе *рассказывать* употребляется винительный падеж без предлога или с предлогом *про*, а также предложный падеж с предлогом *о* «Давайте с вами

разговаривать, — задумчиво проговорила Лиля, — расскажите мне что-нибудь интересное» (А. Н. Толстой); «[Ерошка] рассказывал про старое житье казаков, про своего батюшку» (Л. Толстой); «Замечательно рассказывал Федорчук о китобойном промысле» (Панова).

Предлог *про* — разговорный, предлог *о(об)* — нейтральный, причем его употребление становится все более широким, охватывая не только изъяснительные глаголы, но и глаголы других лексико-семантических групп, что приводит к речевым ошибкам. Писатель К. А. Федин об «экспансии» изъяснительного предлога *о(об)* писал так: «Один репортер пишет: «Читатель просит объяснить о роли литературы...» Другой: «Разногласия о том, что...» Критик рассматривает «построение о петровской эпохе» ...Литератор говорит: «Я вижу о том, что...» В судебном отчете встречается: «Поправка о том, что...» В статье историка: «Попытка о смягчении участи...» Не пора ли остановить триумфальное шествие в прошлом весьма скромного предлога? Следует также заметить, что использование предлога *за* для обозначения предмета речи находится за пределами литературной нормы современного русского языка; оно появляется под влиянием южнорусского диалектного словоупотребления или украинского литературного языка: *говорить за меня, за это* (т. е. обо мне, об этом): «Я вам не скажу за всю Одессу: Вся Одесса очень велика».

Среди обстоятельств параллелизм и синтаксическая синонимия охватывают наречия и падежные формы существительных, а также синонимику самих предлогов. Вот некоторые примеры: обстоятельство образа действия: *ехать поездом — на поезде — в поезде, кричать громко — громким голосом*;

обстоятельство места: *ехать городом — по городу — через город, работать на фабрике — в школе*;

обстоятельство времени: *поздно — поздним вечером, смолоду — с молодых лет*.

Формы выражения обстоятельств как синонимы отличаются также по смыслу и стилистически. Различие может касаться закрепления разных предлогов за разными существительными; ср., например, *работать на фабрике, но работать в школе, приехать из Сибири, но приехать с Урала*. Предлоги *на, в, из, с*, имея пространственные отношения, обозначают их по-разному. Так, предлог *из* с родительным падежом обозначает предме-

ты, действие которых направляется изнутри, а предлог — с поверхности чего направляется действие: «Свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада» (Чехов); «Кругом безмолвие; в глубоком смирении с небом смотрели звезды» (Чехов).

Особым видом синтаксической синонимии является параллелизм придаточных предложений и членов предложения, особенно обособленных определений и обстоятельств. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин высоко ценили причастный и деепричастный обороты за их краткую выразительность. Л. Н. Толстой широко употреблял причастные обороты, создавая особую выразительность стиля:

«Уже вечерет. Солнце перед самым закатом вышло из-за серых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им» («Севастополь в декабре месяце»).

Параллелизм конструкций опирается на соотносимость причастия и глагола: *покрывающие* — *которые покрывают*, *покрытое* — *которое покрыли*, *колыхаемое* — *которое колышут*, *движущийся* — *который движется*. От глаголов *играть* и *вторить* страдательные причастия настоящего времени не образуются (от глагола *покрывать* образовано страдательное причастие прошедшего времени).

Причастные обороты помогают освободиться от повторения союзного слова *который*, придать тексту краткость. В то же время причастия используются в основном в книжной речи — в научном стиле и художественном описании, где преобладает имя существительное с определениями.

Деепричастные обороты параллельны однородным сказуемым и придаточным предложениям. Рассмотрим абзац из романа К. А. Федина «Первые радости»:

«Он схватил руку Лизы с букетом, и они побежали к овражку, закутанному приземистым дубняком. Нагнувшись, они подлезли под густое прикрытие и, устраиваясь в плотной и теплой лиственной пещере, услышали

над собой барабанные щелчки первых тяжелых капель» (гл. 14).

В абзаце нет придаточных предложений, действие передается глагольными сказуемыми и деепричастными оборотами; фраза легка и динамична. Замена сказуемого и деепричастия придаточным предложением сделала бы текст книжным и сложным для восприятия (ср.: *После того, как он схватил...; После того, как они нагнулись...; После того, как они устроились...*).

Писатели, готовя произведения для переиздания, нередко заменяют однородное сказуемое и сказуемое бессоюзного предложения деепричастным оборотом. Рассмотрим два примера правки М. Горьким текста повести «Мать». В издании 1907 г. было: «Но Весовщиков не стал отвечать и ушел»; Горький исправил: «Весовщиков, не ответив, ушел»; было: «Это чувство сливало всех в одну душу, оно волновало мать» — стало: «Это чувство сливало всех в одну душу, волнуя и мать». Примечательно, что союз *и* перед дополнением усиливает значение приобщения матери к общему делу Павла и его товарищей.

Разнообразна синонимия сложных предложений и их частей. Различается синонимия собственно синтаксическая (синонимия вариантов синтаксических конструкций) и синонимия лексико-синтаксическая (синонимия союзов и союзных слов). Рассмотрим это различие на примере изъяснительных сложноподчиненных предложений:

«Верочка сказала, что не хочет чаю» (Чернышевский).

Недаром говорят, что дело мастера боится (Пословица).

«Она... сказала мне, чтоб я легла спать» (Достоевский).

«Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, дабы приказали снести о том с А. Ф. Машиновским» (Пушкин).

Все сложные предложения содержат изъяснительные придаточные, косвенно передающие чужую речь; эти придаточные, будучи вариантами изъяснительных предложений, являются синтаксическими синонимами. Однако содержание косвенной речи, как и значение глагола *сказать* (*говорить*), по смыслу разное. В первом примере союз *что* указывает, что косвенная речь пере-

дает сообщение и глагол *говорить* (*сказать*) употребляется в одном из основных своих значений (сообщать устно что-либо); во втором предложении союз *чтоб* указывает, что косвенная речь передает просьбу и глагол *говорить* (*сказать*) имеет переносное значение, являясь синонимической заменой глагола *просить*.

Кажется ясно, что придаточные синтаксически синонимичны, но между ними есть значительное смысловое различие. Изъяснительные придаточные с союзами *чтоб* (*чтобы*) и *дабы* синонимичны и по синтаксическим отношениям, и по смыслу; различие между ними стилистическое: изъяснительный союз *дабы* архаичен, встречается в торжественных текстах и историческом повествовании (отметим, что более употребительна синонимия союзов *чтоб* и *дабы* в придаточных цели).

Синонимика союзов и союзных слов широко представлена в разных типах сложного предложения, особенно обстоятельственных. Назовем наиболее распространенные синонимические группы союзных слов и союзов:

союзные слова — *который, какой, что, кой*;

подчинительные союзы:

временные — *когда, пока, как только* и их производные;

условные — *если, ежели, коли (коль), как, когда, кабы, буде, раз*;

сравнительные — *как, как будто, будто, словно, точно*;

причинные — *так как, потому что, из-за того что, оттого что, ибо, благодаря тому что* и некоторые другие;

целевые — *чтобы, для того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы, дабы*;

уступительные — *хотя (хоть), несмотря на то что, невзирая на то что, пускай (пусть), даром что*;

сочинительные союзы:

противительные — *а, но, однако, да*;

соединительные — *и, да, тоже, также*.

Различие между синонимическими союзами бывает стилистическое и смысловое, а также конструктивное. Так, причинные придаточные с союзом *так как* могут быть поставлены и после главного, и перед ним, тогда как придаточные с союзами *потому что, оттого что* и подобными им употребляются только после главного.

Стилистическое различие у союзов и союзных слов

такое же, как и у синонимов-слов: книжные слова и союзы противопоставлены разговорным. Книжными и архаическими являются, например, союзы *буде, ибо, дабы*: «Дерсу и Чан-Лин употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться» (Арсеньев). Разговорными являются союзы *коль, кабы, пускай*:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча! (А. К. Толстой).

Условные союзы *ежели, буде, коли (коль)* могут иметь стилистическое значение архаичности или разговорности. Прочитаем два примера: «Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенно уничтожению оного» (Пушкин); «Буде спросит кто о чем — молчи, коли жив быть хочешь» (Горький). Построение первого предложения, взятого из повести «Капитанская дочка», отглагольные существительные, местоимения *сей* и *оний* — все говорит о стиле приказа старого времени, и союз *буде* относится к средствам архаической деловой речи. Напротив, союз *буде* во втором предложении из рассказа «Челкаш» входит в разговорный синтаксис, разговорным является здесь и второй условный союз *коли*.

Между синонимическими союзами, как сказано, имеется и смысловое различие. Так, временные союзы *когда, пока, как* могут вводить временные придаточные со значением одновременности и разновременности; ср., например, предложения: «Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы» (Пушкин) и «Я отмерил двенадцать шагов и стал там в углу, прося его выстрелить скорее, пока жена не воротилась» (Пушкин).

В первом предложении союз *пока* вводит придаточное, обозначающее время, одновременное времени действия главного предложения; сказуемое придаточного предложения выражается глаголом несовершенного вида. Во втором предложении действие главного предложения совершается раньше действия придаточного; отрицательная частица *не* подчеркивает, что действие главного предложения происходит раньше действия при-

даточного. В главное предложение могут вводиться слова *до тех пор, до той поры* и т. п., которые подчеркивают одновременность действия главного и придаточного, а именно то, что действие главного совершается раньше действия придаточного, до его свершения: «Сердце любит до тех пор, пока не истратит своих сил» (Гончаров).

Соотносительны союзные и бессоюзные сложные предложения. Смысловой основой их сближения служит их общее синтаксическое значение — значение одновременности или временной последовательности, противопоставление, условные и причинно-следственные отношения, пояснение. Всего два примера: «Увидишься с Горьким, поговори с ним» (Чехов); «Если вы очень утомлены, Дарья Дмитриевна, можно эту ночь передохнуть» (А. Н. Толстой). Оба предложения в первой части указывают на то условие, при котором может совершиться действие, названное во второй части. В первом предложении условное значение выражено формами глаголов *увидишь* (будущее время) и *поговори* (повелительное наклонение); во втором предложении это значение выражено прежде всего условным союзом *если*. Бессоюзные предложения экспрессивны, свойственны разговорной речи; союзные сложноподчиненные предложения свойственны книжной речи, союзы конкретнее передают оттенки значения; союзы, как уже сказано, могут также придавать речи разговорный характер.

Особые синонимические отношения имеются у основных способов передачи чужой речи — прямой и косвенной. Рассмотрим это на конкретном примере. Вот уже много лет юные граждане нашей страны заучивают и пересказывают стихотворение А. С. Пушкина «К Чаадаеву».

«Стихотворение было написано в 1818 г. Петр Яковлевич Чаадаев был другом Пушкина, который посвятил Чаадаеву несколько стихотворений. Стихотворение «К Чаадаеву» стало одним из наиболее популярных среди декабристов. В начале стихотворения поэт говорит, что он и его товарищи под гнетом власти роковой не хотят жить в обмане, что они ждут свободы, которую поэт называет «вольностью святой». Поэт призывает своего друга посвятить прекрасные порывы души отчизне. Стихотворение кончается, как известно, призывом:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Передача содержания стихотворения Пушкина, обращенного непосредственно к Чаадаеву, осуществляется в формах прямой и косвенной речи. Прямая речь представляет собой цитату — конец стихотворения. Слова автора написаны в третьем лице; сама прямая речь — от первого. Поэтому сохраняются притяжательное местоимение *наши*, форма повелительного наклонения глагола *верить*, обращение *товарищ*. Употребляется пушкинская лексика: *самовластье* (вместо слов *самодержавие* или *царизм*), *вспрянуть* в значении подняться на борьбу, выражение *звезда пленительного счастья*. Эта книжная лексика придает речи торжественность.

Передавая начало стихотворения косвенной речью, автор изменяет форму речи поэта: его речь передается от третьего лица. Поэтому местоимение и глагол первого лица *заменяются* на третье — *он, его товарищи, хотят, ждут*, заменяется лексика, передаются не все мысли поэта (в частности, опускаются сравнения, столь обычные в поэтическом тексте); в то же время некоторые слова и выражения поэта автор, передающий стихотворение, сохраняет: *под гнетом власти роковой, вольность святая*. Строку: «Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы!» — автор передает своими словами: «Поэт призывает своего друга посвятить прекрасные порывы души отчизне». В прямой речи текст поэта передан без изменений; сохранено стихотворное размещение строк.

Синтаксическая синонимика, как и синонимика морфологическая, словообразовательная и лексическая, дает возможность говорящему или пишущему точнее и выразительнее передать свои мысли, чувства, волеизъявления. Если синонимы-слова помогают точнее назвать предметы, явления, качества, состояния, действия, о которых говорится, выразить к ним отношение, то морфологические и синтаксические синонимы помогают точнее передать сообщение, сделать речь более выразительной. Умелое использование всех видов синонимов, составляющих понятийное и стилистическое богатство языка, повышает культуру речи.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

Что такое культура речи

Итак, мой дорогой читатель, рассматривая синонимы, мы коснулись многих вопросов лексикологии, стилистики и грамматики русского языка. Это и понятно: синонимия слов и предложений — одно из важнейших свойств речевой деятельности человека.

Наша речь — это не только знания языка, его нормы, это не только речевые умения и навыки, но и творчество. Речевая деятельность человека требует активного отношения к своему знанию языка, к своим умениям и навыкам в области чтения и говорения, в области восприятия речи и письма.

Знания человека должны все время пополняться, его умения и навыки — постоянно совершенствоваться, речь его должна становиться все более понятной и выразительной, все более культурной.

Словом *культура* мы называем уровень развития какой-либо хозяйственной отрасли, общественной и умственной сферы деятельности людей. Мы говорим: *культура труда, культура земледелия, культура поведения, культура речи*. Культурой речи называется уровень использования богатств языка тем или иным чело-

веком, степень владения языком в разных условиях общения.

Чем лучше человек знает язык, чем свободнее он владеет его богатствами, тем выше культура речи этого человека, тем большее влияние оказывает его речь на окружающих. Как бы ни был убежден человек, какую бы он страстную речь ни произносил, ее действенность снизится, если он будет говорить: «документ» (вместо правильного *документ*), «пионэр» (вместо *пионер*), «обратно» (вместо *опять*), «хотит» (вместо *хочет*), «указал о том, что» (вместо *указал на то, что*). Такие ошибки не только отвлекают слушателей от содержания высказывания, но и подрывают доверие к самому говорящему.

Из каких элементов складывается культура речи?

Культура речи — это правильность, точность, выразительность и разнообразие речи.

Правильность речи — это соблюдение норм русского литературного языка. Любая нация имеет литературную норму языка, которая характеризуется устойчивостью и обязательностью для всех говорящих на данном языке. Например, белорусы говорят *двума*, украинцы — *двома*, а русские — *двумя*. Включение в русскую речь особенностей какого-нибудь другого языка (украинского, узбекского, немецкого и т. п.) делает ее неправильной. Эти неправильности могут быть подчеркнута заметными. Вкрапление иноязычных и местных слов может быть умеренным и менее заметным. Вот отрывок из повести Ч. Айтматова «Белый пароход»:

«Единственный мальчишка на все три двора, он всегда первым замечал автолавку.

— Едет! — кричал он, подбегая к дверям и окошкам. — Машина-магазин едет!

...Когда увидел Момун внука возле автолавки, сразу понял, что мальчик чем-то огорчен. Но поскольку продавец приезжий человек, то вначале старик обратился к нему. Быстро соскочил с седла, протянул сразу обе руки продавцу.

— Ассалам-алейкум, большой человек купец! — сказал он полушутя-полусерьезно. — В благополучии ли прибыл твой караван, удачно ли идет твоя торговля» (гл. 1).

В этом отрывке синонимически сближаются слова *мальчишка* — *мальчик* — *внук*, а также слова *лавка* —

машина-магазин — караван. Приветственное слово в повести соответствует слову *здравствуйте*:

«— Здравствуйте, аксакал.— Здравствуйте, байбиче» (гл. 6).

Неправильность речи может возникать под влиянием местных говоров и жаргонов и в результате сохранения устаревших элементов языка.

Общелитературная лексика составляет основу русской синонимии. Разговорная и поэтическая речь отклоняется от такой правильности; эти отклонения, однако, не должны быть значительными. Современность и литературность — наиболее важные критерии правильного словоупотребления. Такая нормативная синонимика современного литературного языка представлена в двухтомном академическом словаре синонимов.

Литературная норма, хотя она устойчива и изменяется медленно, все же изменяется, и то, что было правильно, литературно в XIX в., может быть сейчас уже устаревшим, архаическим. Даже пушкинское словоупотребление, заложившее основу современной литературной речи, в ряде случаев является устаревшим и потому не нормативным.

Пушкин и Тургенев чаще употребляли глагол *отворить*, сейчас чаще употребляется глагол *открыть* (*дверь, окно*).

В стихотворениях Пушкина, как и у многих других поэтов того времени, широко использовались неполногласные варианты слов. Он мог говорить: *нивы золотые и нивы златые; О Пуцин дорогой! О Делия драгая!* Использование неполногласных вариантов слов литературная норма допускает лишь в стихотворной речи — высокой и архаической. Сейчас их употребление очень сокращено.

Ясно, мы все должны учиться у Пушкина блестящему языковому мастерству. В Пушкине, по словам Н. В. Гоголя, «заклучилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство». Сейчас нет нужды копировать язык того времени, но мы должны учиться у Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Тургенева, Чехова и Горького использованию богатств нашего языка, умению писать и говорить на современном им литературном языке.

Как известно, 20-е годы нашего столетия русский ли-

тературный язык подвергся сильному влиянию городского просторечия, *языка улицы*. Просторечие проникло в художественную литературу, в поэтическую речь.

«С величайшим огорчением,— писал в 1934 г. М. Горький,— приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: *мура, буза, вольтить, шамать, дай пять, на большой палец с присыпкой, на ять* и т. д. и т. п.» (Горький М. О языке.— Собр. соч. в 30-ти т. М., 1953, т. 27, с. 169.)

М. Горький решительно выступил против засорения языка художественных произведений диалектными и жаргонными словами, за чистоту литературного языка, за повышение качества литературной речи и писательского мастерства. Его поддерживали редакция газеты «Правда», писатели А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, Н. А. Островский.

18 марта 1934 г. статья М. Горького «О языке» была опубликована в центральном органе нашей партии — газете «Правда». В редакционной статье подчеркивалось: «Вопросы чистоты языка со всей остротой стоят в нашей литературе: речь идет о качестве того языка, которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся... Надо понять необходимость борьбы за очищение языка, за хороший, чистый, доступный миллионам, действительно народный язык литературных произведений».

Общим языком является литературный, именно он распространен повсеместно. Владение синонимикой литературного языка — первейший признак языковой культуры, правильности речи того или иного лица.

Но правильность — это лишь один из признаков речевой культуры. Синонимические богатства языка нужны каждому говорящему и пишущему не сами по себе, а для того, чтобы точнее и выразительнее передать людям свои мысли и чувства, свои пожелания.

Наша речь должна быть не только правильной, но и точной. Точность речи достигается четким выбором наиболее подходящего синонима. Синонимы уточняют нашу мысль, ее разнообразные смысловые оттенки.

Встречая новое слово, говорящий ставит его в смысловой ряд с другими словами, известными ему, сравнивает их и, если можно, уподобляет новое слово как сино-

ним другому, более известному слову. Следовательно, в основе синонимии лежит сравнение подобных значений.

При синонимическом уподоблении происходит уточнение значений слов, расщепление и в то же время подчеркивание многозначности слова. Одно и то же слово с разными значениями включается в разные синонимические связи, оказываясь в разных синонимических группах.

Вот несколько примеров.

Существительное *земля*, когда оно обозначает государство, синонимично слову *страна*; когда же оно обозначает пространство, противоположное воде, его синонимом становится слово *суша*. Существительное *глушь*, обозначая лесные места, синонимично слову *чаща*, а когда оно обозначает далекие от центра места, оно становится синонимичным слову *захолустье* и выражению *медвежий угол*.

Прилагательное *длинный* в одном значении синонимично слову *долгий*, а в другом — слову *высокий*; говорят: *долгий* (или *длинный*) *путь*, *вечер*, но *высокий* (или *длинный*) *человек*. Когда мы слушаем что-либо, то сказанное может показаться нам любопытным, т. е. интересным, занимательным, а когда мы характеризуем человека, то прилагательное *любопытный* синонимично не слову *интересный*, а слову *любопытный*.

У глагола *открыть* в разных значениях синонимами оказываются два разных по значению глагола: *отворить* и *найти*; у глагола *колотить* — *бить* и *стучать*. Обозначая пространственное понятие, глагол *тянуться* синонимичен слову *простирается*, а как только он используется для обозначения временного понятия, он является уже синонимом слова *продолжаться*.

Наречие *невольно* в одном значении синонимично слову *случайно*, в другом же значении оно является синонимом наречия *бессознательно*.

Оттеночную, уточнительную роль синонимов можно хорошо проследить, наблюдая работу выдающихся мастеров слова над текстами своих произведений.

Приведем несколько примеров.

В первоначальных текстах ранних произведений Чехова не различались смысловые оттенки синонимов *танцевать* — *плясать*.

При редактировании рассказов А. П. Чехов вносит уточнения, употребляет глагол *танцевать*, когда говорится о бальных танцах, а *плясать*, когда речь идет

ПЛЯШУТ

ТАНЦУЮТ

об исполнении народного танца. В предложении «Офицеры и барышни были уже в сборе и плясали мазурку» («Учитель словесности») он вносит исправление: *танцевали мазурку*.

В повести Горького «Фома Гордеев» (1899) была такая фраза: «Лицо его [Анания Шурова] сияло злым торжеством, грудь высоко вздымалась, и серебряные волосы бороды беззвучно шевелились на ней» (гл. 7). Прилагательное *серебряные* употреблено здесь неточно, а наречие *беззвучно* — ради словесной красоты. Редактируя первоначальный текст повести, М. Горький в 1903 г. заменил неуместное здесь прилагательное *серебряный* другим прилагательным — *серебристый*, точно передающим нужный смысл, а в 1923 г. вычеркнул неуместное наречие *беззвучно*.

Подобные исправления, борьба за более точное словопотребление характеризуют работу над языком всех выдающихся мастеров культуры. Например, А. А. Фадеев в предложении «Сонная тишина дышала любовью и миром» («Разгром», гл. 4) выделенное прилагательное заменил более выразительным и точным словом *таежная* (*тишина*).

Правильность и точность являются минимальными требованиями, которые предъявляются к речи. Культура речи, однако, не ограничивается только этими признаками. Любой говорящий не может монотонно и сухо перечислять факты и цифры, повторять заученные положения и фразы. Чтобы убедить и взволновать своих слушателей или читателей, он должен говорить убежденно и страст-

но, его речь должна быть выразительной, или, как еще говорят, *красочной*.

Выразительность и эмоциональность речи создаются употреблением пословиц и фразеологизмов, сравнений и метафор, риторических вопросов и других приемов и средств стилистической организации речи. Мощным оружием выразительности является разнообразное использование синонимии языка, богатств речевой синонимии. Нужно при этом помнить слова видного советского лингвиста Г. О. Винокура: «Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: конь или лошадь, ребенок или дитя, дорога или путь и т. п.» (Винокур Г. О. Проблемы культуры речи. — Русский язык в советской школе, 1929, № 5, с. 85.)

Один и тот же предмет может быть назван с различной точностью, с разным отношением к нему говорящего — возвышенным или фамильярным, торжественным или ироническим. Поэт Л. Мартынов подчеркивал не раз глубокий смысл синонимов высокого, книжного стиля. Он писал:

Но теперь я отчетливо вижу,
Различаю все четче и четче,
Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы.

Признаком высокой культуры речи является также разнообразие ее форм — умение писать понятно и доступно, с учетом темы, состава слушателей и читателей, условий и целей общения.

Нельзя всегда и обо всем говорить и писать одинаковыми фразами. Шаблонные фразы, если они даже правильны и точны, не волнуют слушателей и читателей. В ораторской речи злоупотребление такими выражениями, как *поставить вопрос ребром*, *обсудить вопрос*, *провести мероприятие*, *оказать помощь*, свидетельствует о бедности речи говорящего и вызывает у слушателей равнодушие, а порой и раздражение. Злоупотребление сравнениями и метафорами даже в художественном произведении затрудняет понимание и делает текст напыщенным. Поэтому все великие мастера слова не используют их без надобности.

Хотя у каждого из нас есть свой собственный стиль речи, все мы должны учитывать стилистические правила

построения контекста и особенности стилей речи. Стили речи и стилистические контексты более или менее известны всем носителям языка, и этим достигается доступность и понятность разнообразия речи. Более того, стили речи и стилистические контексты настраивают говорящего и слушающего на определенную стилистическую волну, обеспечивают между ними прочный контакт.

Повседневным стилем разговорной речи является разговорно-бытовой. Он отличается непринужденностью, обычностью. Он свободно допускает просторечные слова и выражения, но не терпит специального и обильного речевого украшения. *Точность, простота, краткость* — вот его достоинства. Отклонение от общей обыденности порождает особенности индивидуального стиля речи — *стиль говорящего* (его называют иногда слогом).

Разговорно-бытовому стилю противостоят отработанные и более строгие стили. Это, с одной стороны, *деловая и научная речь*, а с другой — *публицистическая и художественная (поэтическая)*.

Деловая, как и научная, речь отличается строгостью и сухостью. Она сопротивляется введению в контекст как слов просторечных, так и слов метафорических. Деловой стиль речи знает свои шаблоны, их называют канцеляризмами; научный стиль немислим без специальных слов-терминов и строгих формулировок. Синонимические замены используются, главным образом, для того, чтобы избежать назойливого повторения одного и того же слова и чтобы полнее, всестороннее раскрыть научное понятие.

Публицистический (ораторский) и художественный стили языка предназначены не только для передачи сообщений, но и для эмоционального воздействия на читателя и слушателя. Поэтому они требуют выразительных и эмоциональных средств языка. Разнообразное использование синонимов, широкое употребление речевой синонимии — одна из характерных особенностей этих стилей. Если публицистический стиль характеризуется патетикой и лиризмом, насыщенностью текста книжными или, напротив, эмоционально-оценочными разговорными словами (вроде *показуха*), то художественный стиль речи предполагает разнообразный поиск выразительности и образности. Это ведет к созданию разных стилистических контекстов, необходимых для передачи той

или иной мысли автора. Каждый стилистический контекст наполнен речевыми синонимами.

Стилистика контекста, его лексика зависит не только от содержания, литературного стиля и стилистической манеры писателя, но и от стилистической структуры текста, особенно если он ведется от лица героя или строится как стилизованный текст.

Стилизация может быть разных типов — историческая, социальная, психологическая. Историческая стилизация возникает тогда, когда описываются исторические события. Автор называет старые и старинные предметы и явления, употребляет архаизмы и в речи персонажей, и в собственном повествовании. Примеры исторической стилизации приводились ранее.

Социальная стилизация — это рассказ от лица простого крестьянина или рабочего, помещика или фабриканта, священника, ученого и т. п. Всем нам полюбилась книга про бойца А. Т. Твардовского. Автор ведет рассказ от имени шутника и балагура Василия Теркина; все повествование пронизано словами и конструкциями этого лихого солдата — парня хоть куда:

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста,

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь.
Дан приказ: «Отставить!»

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю («О войне»).

Синонимия рассказа Василия Теркина складывается из употребления слов военных и книжных (таких, как *доложить* в значении *рассказать*), еще в большей мере разговорных (*кутерьма* — *война*, *братец* — *парень*, *товарищ*), устойчивых сочетаний и фраз (*собраться в дальний путь*, *моя (твоя) хата с краю*).

«Плотницкие рассказы» В. Белова написаны от лица деревенского жителя — плотника Константина Зорина;

естественно, что текст содержит и строительную терминологию, и местные слова — этнографизмы и диалектизмы. Прочитаем два отрывка:

«Весной дело было. Мы с Козонковым точные одноклассники, всю дорогу варзали вместе. В деревне было нашего брата-малолетка что комарья, ну и Козонковы братья тоже крутились в этой компании. Как сейчас помню, оба в холщовых портках. Портки эти выкрашены кубовой краской, а рубахи некрашенные. Ну конечно дело, оба босиком, черные, как арапы» (гл. V).

«Ну, смелости насобираю, захожу в избу. Там уж пляска идет. Смотрю — Танька тоже на кругу. Как глянул... Мать честная, умирать буду, тот момент вспомню! Плечи у нее в красной фате, сарафан ласковый. Идет по кругу, ноги в полусапожках; меня будто и не заметила. А божатушка уже ко мне бежит за стол усаживать, пиво из ендовы наливает. Застолье роем гудит, гармонья играет, бабы пляшут. Поздоровался, взял стакан с пивом. «С праздником, — говорю, — гости хозяйские». Пью, а сам чую, как Танька поет: «Веселее бы попела, кабы дроля поиграл. Терпеливый ягодиночка, завлек и не бывал» (гл. X).

Местными в этом тексте оказываются слова, их значение, форма и произношение: *комарье* вместо *комары*, *гармонья* вместо *гармонь*, *варзать* вместо *шалить*, *чутья* — *слышать*, *ласковый* — *хороший*, *ендова* — (*большой*) *сосуд* и т. п. Синтаксические построения просты и разговорны. Стилистический контекст жителя русской деревни выдержан строго и целенаправленно.

Весьма своеобразной стилистикой обладают тексты для детей или тексты, написанные от лица ребенка. Стилистика детского повествования разнообразна; можно привести много отличных произведений для детей, созданных русскими писателями. Остановимся на «Детворе», который Л. Н. Толстой относил к числу лучших рассказов Чехова. Повествование начинается так:

«Папы, мамы и тети Нади нет дома. Они уехали к тому старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошадке. В ожидании их возвращения Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркин сын Андрей сидят в столовой за обеденным столом и играют в лото. Говоря по совести, им пора спать; но разве можно уснуть, не узнав от мамы, какой был ребеночек и что подавали за ужином?»

Своеобразие стилистики этого текста состоит в том,

что он построен как несобственно-прямая речь: автор рассказывает от третьего лица, т. е. от себя, но смотрит при этом на события глазами детей. Поэтому читатель все время улавливает мысли и настроение детей, особенности детской речи. Об этом говорят такие детские слова, как *папа*, *мама*, *тетя Надя*, начинающие рассказ; характеристика офицера (только ребенок может сказать про офицера, что он *старый и ездит на маленькой серой лошадке*); детский наивный вопрос, которым заканчивается приведенный отрывок.

Начав рассказ в такой стилистической тональности, автор вынужден сохранять ее, соединяя вместе взрослые и детские слова. В этом легко убедиться, если прочитать рассказ дальше — до конца.

Приведенные примеры показывают, что выбор синонимов зависит не только от темы повествования, рассказа, рассуждения или беседы, от стиля языка и условий общения, но и от индивидуального построения текста, так как стилистика текста диктует отбор синонимов и их употребление.

Словари и лексинографы

Язык создает народ. Новые слова появляются ежедневно, ежеминутно, но не все слова сохраняются в народной памяти, фиксируются в словарях, в различного рода справочниках.

Велика роль собирателей слов, появившихся в народной речи и в речи письменной. Среди таких героев — ревнителей русского слова на первом месте стоит Владимир Иванович Даль, посвятивший всю свою сознательную жизнь сбору народных слов и выражений, их систематизации и составлению толкового словаря живого русского языка. О начале этой деятельности мичмана В. И. Даля рассказывается так:

«По серому насту сани идут легко, словно под парусом. Снег лежит в поле длинными грядами. Поле бескрайнее, как море. Ветер гудит, метет снег низом. Ямщик, укутанный в тяжелый тулуп, понукает лошадей, через плечо поглядывает на седока. Тот жмется от холода, поднял воротник, сунул руки в рукава. Новая, с иголочки мичманская форма греет плохо. Седок совсем молодой. Мичман — первый на флоте офицерский чин.

Ямщик тычет кнутовищем в небо, щурит серый холодный глаз под заледеневшей бровью, басит, утешая:

— Замолаживает...

— То есть как «замолаживает»?

Мичман глядит недоуменно.

— Пасмурнеет,— объясняет ямщик.— К теплу.

Мичман суетится, вытаскивает из глубокого кармана записную книжку, карандашик, долго дует на заочевшие пальцы, выводит старательно:

«З а м о л а ж и в а т ь — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Летят сани по снежному полю, метет низовка, а мичману уже не холодно. И не потому, что замолаживает, заволакивает тучами небо — когда еще отпустит мороз! — а потому, что задумался мичман о своем, залетел смелой мыслью далеко за край бескрайнего поля. И про холод позабыл.

Морозный мартовский день 1819 года оказался самым главным в жизни мичмана. На пути из Петербурга в Москву, где-то у Зимогорского Яма, затерянного в новгородских снегах, мичман принял решение, которое повернуло его жизнь. Застывшими пальцами исписал в книжке первую страницу...» (Порудоминский В. Даль. М., 1971, с. 33—34.)

«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля в четырех частях вышел в свет в 1863—1866 гг., перепечатывался этот словарь не один раз, последнее переиздание в 1980 г. Еще раньше, в XVIII в., был опубликован «Словарь Академии Российской». Языковой основой словаря были сочинения М. В. Ломоносова. Утверждая нормы русского языка, составители стремились очистить русский язык от излишних иностранных слов и закрепить в литературном языке новые слова, которые употреблялись в научном обиходе и быту (частично были включены в словарь простонародные (просторечные) и даже областные слова). Для составления словаря были привлечены крупнейшие ученые (С. Я. Румовский, А. П. Протасов, С. М. Котельников, М. М. Щербатов, Д. П. Татищев и др.) и писатели (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист).

В толковых словарях синонимическое определение слова — обычно, и началось оно со «Словаря Академии Российской». Естественно, опорное слово и состав синонимического ряда сейчас иной — как в силу исторической изменчивости словаря, так и самих лексикографических принципов. Наш первый словарь ориентировался на

книжную речь, описывая не только научные сочинения и художественные произведения, но и церковнославянские памятники письменности: *молодой человек* — это *детище*, *детина* или по-славянски *отрок*.

Если «Словарь Академии Российской», изгоняя синонимы — иностранные слова, включал большое количество слов книжных, церковнославянских (за такой лексикографический принцип А. С. Пушкин назвал этот словарь торжественным), то словарь Владимира Даля решал эту задачу путем включения в него множества диалектных слов (за такой подбор слов этот словарь называли областническим).

Приведем один пример. В «Словаре Академии Российской» об избе сказано кратко: *бревенчатое деревянное строение* (бревна положены одно на другое о четырех углах); среди примеров раскрывается значение строения и жилища. В словаре Даля приводятся уменьшительно-увеличительные варианты слова (*избушка*, *избина* и т. п.) значение определяется как крестьянский дом, хата. А далее приводится речевая синонимия, в том числе диалектная: *горница*, *комната*, *чистая половина*, *людская* или *кухня*; *палата*, *приказ*, *присутственное место*. «*Избушкой*, — подмечает В. И. Даль, — зовут и будку, балаган, сторожку, караулку, маленькое жильё разного вида» (т. II, с. 10).

В толковых словарях русского языка, изданных в советское время, синонимические определения также используются. Это можно обнаружить в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1948—1965, более 120 тыс. слов), малом академическом четырехтомном «Словаре русского языка» (1957—1960, 82 159 слов) и одготомном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (12-е изд., 1978, 57 тыс. слов; 1949). Толковые словари содержат синонимические пары, ряды, а при раскрытии значений многозначных слов и синонимических рядов синонимические гнезда слов (понятие о них определено при раскрытии синонимических рядов *детище* — *юноша*, *детина* — *отрок* — *чадо* и *воин* — *ратник* — *солдат* — *воитель*).

В большом, семнадцатитомном словаре *парень* имеет синонимы *юноша* и *молодой человек*, а *паренек*, во втором значении, — *мальчик*. Синонимами слова *воин* являются *боец*, *солдат*, *матрос*, *военнослужащий* (в войске). Глагол *орать* имеет два вида значений — *громко кричать*

и пахать; первое значение уточняется через синонимы: *орать* значит: *кричать* и *плакать*; *разговаривать* и *спорить*, *браниться*. У слова *красный*, кроме значения цвета *красное* (знамя) и *румяный*, отмечаются другие значения и синонимы к ним: *революционный*, *красивый*, *парадный*; приводится много устойчивых сочетаний: *красная медь*, *красная строка*, *красное дерево*, *Красный Крест*, *Красная Армия* и т. п.

В однотономном словаре синонимические ряды сохраняются, хотя охватывают меньшее количество слов: *воин* — это *солдат* и *боец*. *Очи* — это *глаза*. *Орать* — это *громко кричать*, *слишком громко разговаривать*.

Составление словаря синонимов началось во второй половине XVIII — начале XIX в., тогда же, когда Академия Российская подготовила и издала первый академический толковый словарь русского языка. Один из составителей и теоретиков этого словаря Д. И. Фонвизин в 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» (части 1, 4, 10) опубликовал «Опыт российского сословника».

Этот опыт словаря синонимов (сословов, по терминологии автора) содержал 32 группы синонимов. Прочитав первую статью синонимического ряда *старый, давний, старинный, ветхий, древний, заматерелый*:

«Старо то, что давно было ново: старинным называется то, что ведется издавна. Давно то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении ветхим называем то, что от старости истлело или обвалилось. Древне то, что происходило в отдаленнейших веках. Заматерело то, что временем сильно окоренело и огрубело.

Старый человек обыкновенно любит вспоминать давние происшествия и рассказывать о старинных обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдешь много ветхого; нередко бывает он заматерел в своих привычках. Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в древние времена» (ч. 1, с. 77).

В 1818 г. П. Ф. Калайдович опубликовал «Опыт словаря русских синонимов. Часть 1»; в «Опыте» были собраны все материалы по синонимам (78 синонимических рядов); в 1820 и 1823 гг. было напечатано «Продолжение синонимов». В 1840 г. А. И. Галич опубликовал первую часть «Словаря русских синонимов, или сослов» (на буквы А — В); первая часть описывала 226 синонимических рядов.

В 1851 г. словарь синонимов был включен в план работы Второго отделения Академии наук; над составлением словаря синонимов работали Я. И. Бердников и И. И. Давыдов. Однако составление словаря не было завершено, и только через 120 лет Словарный сектор Института русского языка АН СССР составил и опубликовал «Словарь синонимов русского языка в двух томах», который вышел под редакцией А. П. Евгеньевой. Этот словарь принято называть академическим. Почти одновременно с двухтомным словарем вышел в свет «Словарь синонимов. Справочное пособие» (Л., 1975), предназначенный для широких кругов читателей. При составлении однотомного «Словаря синонимов» были использованы материалы двухтомного академического «Словаря синонимов русского языка».

Академический словарь синонимов рассматривает синонимику современного русского литературного языка. Данное нормативное понимание синонимов «как слов тождественных и близких по значению только в составе современного литературного языка снимает вопрос об архаической, областной, жаргонной, а также и узкоспециальной лексике и выводит такую лексику за пределы Словаря» (т. 1, Введение, с. 7). Составители словаря не считают синонимами общенационального нормативного литературного языка слова, принадлежащие разным историческим эпохам (*заявление — прошение — челобитная, турист — паломник, землетрясение — трясина*), узкоспециальные слова, которые употребляются только в какой-либо научной, технической, профессиональной области, не выходя за ее пределы (*близорукость — миопия, двуязычие — билингвизм*), а также слова, принадлежащие народным говорам (*брюква — бухва — калега, искать — сочить*), и жаргонизмы (*идти — храть, пить — бусать*). Все названные категории слов могут быть употреблены в общенациональном нормативном литературном языке только в определенных и особых случаях. Следовательно, в словаре синонимика языка понимается очень строго и узко.

Задача академического словаря состоит в том, чтобы строго отобранным синонимам дать характеристику смысловых оттенков, экспрессии и эмоций, выражаемых синонимами, указать их стилистическую принадлежность, а также особенности употребления и сочетания их с другими словами. Словарная статья состоит из синонимичес-

кого ряда во главе с опорным словом, легенды (т. е. семантического и стилистического комментария к синонимам ряда), иллюстраций (т. е. цитат, подтверждающих комментарий) и различных указаний справочного характера.

Опорное слово определяет границы синонимического ряда, так как наиболее отчетливо и в общем виде выражает общее понятие синонимического ряда. Многозначные слова входят в состав разных синонимических рядов, в том числе с одним и тем же словом во главе. Примеры таких синонимических рядов мы приводили на предшествующих страницах рассказов о синонимах.

Исходя из двух функций синонимов — уточнительной (понятийной) и стилистической, в словарной статье указывается общее понятие синонимического ряда и смысловые различия между синонимами. Стилистическая характеристика дается при помощи системы помет: 1) (разг.) — разговорное, 2) (прост.) — просторечное и (груб.-прост.) — грубо-просторечное, 3) (трад.-поэт.) — традиционно-поэтическое, 4) (нар.-поэт.) — народно-поэтическое, 5) (спец.) или (анат.), (бот.), (мед.) и т. п. — специальное или анатомическое, ботаническое, медицинское и другая сфера употребления слова, 6) (обл.) — областное (встречается очень редко). В словаре указывается использование синонимов в следующих стилях языка: книжном, канцелярском и официально-деловом, общино-бытовом и литературно-разговорном.

В советское время вышли в свет «Учебный словарь синонимов русского литературного языка» В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского (1930; 2-е изд., 1931) и «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Ключевой (1956; 2-е изд., 1961), а также рассчитанный на работников печати, авторов небольшой по объему «Словарь синонимов русского языка», составленный З. Е. Александровой (1968; 3-е изд., 1971).

Теория синонимии разрабатывалась составителями словарей, авторами руководств по риторике и философии, начиная с работ М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, П. Ф. Калайдовича, А. И. Галича. Основной вопрос состоял в том, чем отличаются синонимы друг от друга и что их объединяет в самом значении слов. Особое внимание уделялось доказательству того, что тождественных слов в языке нет, что синонимы — «подобозначные, сродные по значению слова». Д. И. Фонвизин писал об этом

так: «Уже давно решено философами, что одно и то же значащих слов нет на свете... Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого слова и что все сходство между ними состоит только в главной идее». (Фонвизин Д. И. Собр. соч. Л.—М., 1969, т. 1, с. 238.)

Синонимы, синонимика и синонимия анализируются в учебниках, учебных пособиях и специальных монографиях. Такими учебниками и учебными пособиями являются школьные учебники русского языка, книги по лексикологии и стилистике русского языка А. В. Калинина, М. И. Фоминой, Н. М. Шанского, А. И. Гвоздева, А. И. Ефимова, М. Н. Кожиной, Л. Г. Барласа.

Следует специально остановиться на книгах о синонимах, которые предназначены для школы и относятся к научно-популярной литературе, обращенной к широкому кругу читателей. Назовем некоторые из них.

Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964. При рассмотрении синонимии в лексике дается классификация синонимов, характеристика семантических, стилистических и семантико-стилистических синонимов, их отношение к фразеологическим оборотам. В разделе «Синонимия в грамматике» говорится в основном о синтаксических синонимах. Книга предназначалась для учителей, в ней есть краткие замечания об изучении синонимов в школе.

Кононенко В. И. Грамматическая стилистика русского языка. Киев, 1981. В пособии, адресованном учащимся, рассматриваются стилистические ресурсы русского языка — синонимические средства словообразования, морфологии и синтаксиса. Автор анализирует язык художественных произведений, в первую очередь тех, которые изучаются в средней школе.

Вот отрывок из книги:

«Без грамматики никому нельзя обойтись», — писал Н. Г. Чернышевский. Казалось бы, эта фраза не примечательна с точки зрения стилистики. Но и в ней можно найти языковые тонкости, выразительные средства.

Почему, скажем, предложение начинается с дополнения без грамматики? Ведь обычное место этого члена предложения — после управляющих слов: нельзя обойтись без грамматики. Но писатель хочет выделить поня-

тие, о котором пойдет речь, и поэтому выдвигает его на «передовую позицию».

Слово никому на первый взгляд кажется лишним. Можно было бы выразить ту же мысль и без него: без грамматики нельзя обойтись. Но у писателя сказано сильнее: без грамматики никому нельзя обойтись. Местоимение н и к о м у подчеркивает обязательность этого правила для всех и каждого.

Слова нельзя тоже могло бы и не быть. Его заменяла бы отрицательная частица не: не обойтись. Но нельзя — категоричнее, безусловнее, обязательнее. Это нельзя как бы говорит: если бы и хотел прожить без грамматики, не получится.

Можно и неопределенную форму глагола обойти, заменить другой глагольной формой, например: без грамматики не обойдешься. Но насколько мягче зазвучала бы фраза! Из безусловного положения получилось бы утверждение приблизительно такого смысла: куда мол, денешься; приходится считаться и с грамматикой. Мало того, изменилась бы и стилистическая окраска высказывания: из общеупотребительного оно стало бы разговорным.

Как видим, только так — «Без грамматики никому нельзя обойтись» — мог написать эту фразу Н. Г. Чернышевский. Именно в таком виде она и вызывает то впечатление, которое должна была произвести. Л. Н. Толстой как-то заметил, что мастерство писателя в том, чтобы находить «единственное нужное размещение единственно нужных слов». Строгий, продуманный порядок слов и наблюдаем мы в высказывании великого критика» (с. 109—110).

И действительно, обучая других, совершенствуя свою речь, мы должны помнить, что синонимия как речевая деятельность принадлежит говорящему или пишущему. Синонимические средства принадлежат языку, его норме. Лексикографы и грамматисты описывают эту норму, в том числе синонимику языка. Учитель языка и литературы обучает литературному языку, его норме, стилистическому варьированию, синонимической деятельности. Синонимическое богатство речи каждого из нас, ее точность, правильность, выразительность — результат обучения языку и воспитания культуры речи, речевого поведения человека.

Человек — это стиль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синонимические богатства русского языка огромны, синонимические сближения слов в индивидуальной речи бесконечны.

Только тот, кто любит родную речь, кто знает ее хорошо, только тот ощутит радость свободного владения ею. Каждый из нас впитывает живительную влагу родной речи. Детство каждого из нас, школьные годы несут все новые и новые потоки слов и выражений родного языка. Мы их узнаем все больше и больше, мы любим свой русский язык, владеем им и боремся против шаблона, против невыразительных фраз и пустых слов.

Язык — наш верный друг, когда мы его знаем; он же наш неприятель, если мы плохо его знаем или мысль наша не ясна. Кто не искал мучительно нужное слово, тот никогда не испытал радости открытия самого меткого, самого точного, единственного слова.

Знаменитый французский просветитель Дени Дидро писал, что люди перестают думать, когда перестают читать. А русская пословица говорит: ум без книги, что птица без крыльев. Можно добавить: человек не может всерьез думать о языке, если он не читает книг и статей о языке — научных и популярных; человек перестает обогащать свою речь, когда он перестает учиться языку у мастеров культуры.

Нет другого пути узнать и полюбить родной язык, как изучать его. Изучать современные правила и законы развития, изучать разнообразное богатство русского языка, его образцы в произведениях лучших писателей и деятелей культуры.

И помнить, что есть какие-то общие правила, которым мы следуем когда изучаем язык и когда используем его богатство.

Хорошо пойми и усвой: язык наш велик и могуч. Его синонимические богатства разнообразны. Избегай назойливого повторения одного и того же слова, так как это делает твою речь и твою мысль неясной и невыразительной. Старайся употребить самое нужное слово. Помни: предметная, понятийная и синонимическая близость слов не означает их тождества; предметная и понятийная близость — основа синонимии, но не все слова тематической и лексико-семантической групп слов —

синонимы. Только некоторые из них являются синонимами.

Есть три основных правила выбора синонимов.

Первое правило гласит: выбирай такое слово, которое точнее характеризует явление или действие, предмет или лицо, подчеркивая в нем нужную тебе сторону. Например, слово *ошибка* означает: *неправильный поступок* или *действие*. Однако ошибки бывают разные — *ошибка* может быть незначительной (тогда лучше сказать *погрешность*), крайне досадной (тогда говорят *ляпсус*), случайной (это *оплошность*), *неумышленной* (*промах*).

Второе правило указывает: выбирай такое слово, которое больше всего подходит к стилю твоей речи, твоего рассказа, твоего выступления. Вспомни, как Маяковский употребляет слова *отечество* (а не обычное *родина*), *славить* (а не *хвалить*), *трижды* (а не словосочетание *три раза*) для того, чтобы его высказывание о Советской Отчизне звучало торжественнее и весомее: «Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет».

Третье правило напоминает: слова не только называют предметы, события, но и оценивают их, выражая положительное или отрицательное отношение к ним. Отрицательным смыслом наполнены, например, слова *клика* и *критикан*, *шуткой* и *иронией* — *войка*, одобрением и восхищением — *орел* (о человеке *отважном и смелом*). Не забывай: слово может окрылить, но слово может и ранить.

Помни: слова — одежда твоих мыслей. Пусть же слова твои, мой дорогой читатель, будут всегда красивыми и ясными, а мысли — добрыми и разумными.

Слово — не воробей: вылетит — не поймаешь.

- Абстрактный** — отвлеченный от предметной конкретности, противоположный конкретному.
- Акцентировать** — выделять, подчеркивать.
- Аналогия** — уподобление отдельных фактов на основе общего для них образца. Аналогия действует во время использования языка и в процессе его исторического развития. По аналогии изменяются значения слов, их формы и сочетание звуков. Например, форма *облаками* возникла по аналогии с формой *женами* (старинная форма тв. падежа мн. числа у слова *облаков* — *облаки*).
- Антонимы** — слова с противоположным значением, например: *хороший* — *плохой*, *добро* — *зло*, *любить* — *ненавидеть*, *там* — *здесь*.
- Ассоциация** — связь между отдельными представлениями и мыслями, которая возникает у людей.
- Вариант** — видоизменение или разновидность единицы языка, например слова, формы слова. Например, *печь* и *печка*, *кумачовый* и *кумачный* являются словообразовательными вариантами; *чая* и *чаю*, *стеной* и *стеною* — падежные варианты формы слов.
- Действительность** — то, что существует на самом деле, реальность.
- Диалект** — местная разновидность языка, местный говор, наречие.
- Диалектизм** — фонетические, лексические и грамматические особенности диалекта, употребляющегося в языке художественной литературы, а также в разговорном языке.
- Диалектное слово** — слово того или иного диалекта, говора.
- Залог** — формы глагола, выражающие различные отношения действия к субъекту (действующему лицу) или объекту, т. е. предмету или лицу, на которое направлено действие. Основными залогами глагола являются действительный (*Рабочие строят дом*) и страдательный (*Дом строится рабочими*).
- Значение слова** — содержательная сторона слова. Лексическое значение слова — его номинативное значение; грамматическое значение — значение формы слова и слова как часть речи.
- Идеальное** — существующее в сознании, в мыслях (противоположное материальному).
- Индивидуальный** — свойственный отдельному человеку, его стилю речи.
- Индивид (индивидуум)** — отдельный человек, личность.
- Колорит** — совокупность особенностей, характеризующих речь той или иной местности, эпохи, человека.
- Коммуникативный** — относящийся к средствам общения, передачи того или иного содержания, а также сам акт речевого общения, коммуникации.
- Конкретизация** — выражение мысли в более наглядной и уточненной форме.
- Конкретный** — предметно-определенный, частный, противоположный абстрактному.
- Контекст** — совокупность речевых особенностей текста.
- Лексема** — слово, рассматриваемое как название.
- Лексика** — совокупность слов языка, а также слова, характерные для

¹ Указываются только те значения, которые необходимы для понимания текста данной книги.

- того или иного стиля языка или отдельного автора, конкретного текста.
- Лексикология** — раздел языкознания, изучающий словарный состав языка, т. е. лексику.
- Лексический** — прилагательное от существительного *лексика*, словарный.
- Лексическое значение** — значение, свойственное слову как названию.
- Лингвистика** — наука о языке, языкознание.
- Литературный язык** — образцовый язык, нормы которого воспринимаются как общеобязательные, противопоставленные диалектам и просторечию.
- Логика** — наука о законах, формах и правилах мышления, дающего правильное (истинное) значение.
- Материальный** — объективно существующий, вещественный, физический (в противоположность идеальному).
- Материя** — объективная действительность, а также вещество, из которого состоит тела природы.
- Метафорическое употребление** — использование слов и фразеологизмов в переносном значении. Например: в предложении *Человек смеется* слова употребляются в прямом значении; *Море смеется* — содержит метафорическое употребление глагола.
- Название** — словесное обозначение предметов и понятий, составное наименование, слово как лексема.
- Наименование** — то же, что название и называние.
- Называние** — процесс обозначения предметов и явлений, действий, качеств и свойств.
- Нейтральный** — общепотребительный, не имеющий резко выраженной стилистической окраски.
- Номинативный** — назывной, имеющий функцию называния, связанный с обозначением предметов, явлений, действий, качеств, свойств.
- Норма** — принятое использование языка; образцовой (стандартной) является норма литературного языка.
- Объективный** — существующий вне сознания людей и независимо от него.
- Олицетворение** — приписывание животным и явлениям природы человеческих свойств, таких, как чувства, мысли, речь.
- Понимание** — способность осмыслить содержание, та или иная точка зрения на предметы и явления действительности, а также их освещение.
- Понятие**¹ — логическая форма мысли. Она заключается в обобщенном отражении объективной действительности. Понятие выделяет существенные или отличительные признаки предметов или явлений.
Синонимия слов обуславливается не только тождеством понятий, но и соподчинением их, частичным совпадением и пересечением их.
- Понятие**² — то же, что и понимание.
- Понятийный** — смысловой, относящийся к знанию и пониманию.
- Предмет**¹ — любой факт действительности, мыслимый как отдельное понятие, как отдельный акт мысли: вещь, лицо, явление, действие, качество, свойство, состояние, т. е. предмет мысли.
- Предмет**² — то же, что и вещь.
- Предметная направленность** — способность слова называть и указывать предметы материальной и идеальной действительности.
- Признак** — показатель свойств и качеств понятий и явлений. Призна-

- ки бывают существенные и несущественные, отличительные и общие.
- Просторечие** — стиль языка, так как слова, их формы, устойчивые сочетания и синтаксические построения, не закрепленные в литературной норме, но повсеместно употребляемые в разговорном языке.
- Поэтизмы** — слова и выражения, употребляющиеся в поэтической речи. Поэтические синонимы — синонимы, характерные для поэтической речи.
- Реалии** — предметы материальной культуры, а также факты государственного устройства и истории общества.
- Речевая деятельность** — деятельность говорящего или пишущего. Она включает как мыслительные и психические правила и операции, так и правила употребления языка.
- Речевой синоним** — синонимическое сближение в речи значений слов, которые не входят в синонимику языка.
- Речь** — использование языка, а также результат речевой деятельности; индивидуальный стиль.
- Семантика** — значение и смысл слов и грамматических форм.
- Семантический** — смысловой, связанный с семантикой.
- Синонимика** — совокупность синонимов языка, известная говорящим и используемая ими в речи.
- Синонимия** — сближение в речи значений слов, форм слова и конструкций, их смысловое уподобление.
- Ситуация** — совокупность условий и обстоятельств, создающих обстановку речи.
- Словообразовательная модель** — формула образования новых слов путем присоединения к производящей (образующей) основе другой основы, суффикса или префикса. Например, существительное *выработка* образовано от глагола *выработать* путем присоединения к производящей основе *выработ-* суффикса *-к-* и окончания *-а*.
- Составное наименование** — сочетание слов, используемое как одно название, например: *железная дорога, Черное море, дыхательное горло*.
- Составной термин** — сочетание слов (составное наименование), являющееся термином какой-либо терминологии, например: *двигатель внутреннего сгорания, поршневой двигатель, газовая турбина, реактивный двигатель*.
- Социальный** — общественный, связанный с обществом и его группами.
- Стилевой** — свойственный тому или иному стилю языка.
- Стилистический** — имеющий особое эмоционально-выразительное свойство.
- Стиль** — функциональная разновидность языка, характеризующаяся набором специфических языковых средств и правилами их употребления.
- Термин** — слово или словосочетание (составное наименование), обозначающее понятия той или иной области знаний (науки, техники, искусства, общественной жизни). Например, *логарифмы* — математический термин, *социалистический реализм* — литературоведческий термин.
- Терминология** — совокупность терминов той или иной области знаний, например: медицинская терминология, техническая терминология, лингвистическая терминология.
- Форма слова** — слово в одном из своих грамматических изменений,

распадение слова на основу и окончание (флексию или формообразующий суффикс); например, *дом-ов* является формой родительного падежа множественного числа существительного *дом*. В грамматическом строе языка наибольшее значение имеют: у имен существительных формы числа и падежные формы, у глаголов формы числа, личные, временные, видовые и залоговые формы.

Фразеологизмы — устойчивое сочетание слов, употребляющееся как одна номинативная единица языка, например: *бить баклуши* — бездельничать, *спустя рукава* — небрежно, кое-как.

Экспрессивный — выразительный.

Язык — важнейшее средство человеческого общения; совокупность слов, правил их образования, изменения и сочетания, а также их звукового и графического оформления.

Язык книжный — стиль литературно-письменного языка, сохраняющий слова и формы, которые придают речи высокий характер.

Язык литературный — см.: литературный язык.

Язык обиходно-разговорный — стиль разговорного языка, применяемый в повседневной, обычной разговорной речи.

Язык разговорный — язык устного общения, а также сниженный стиль литературного языка.

Язык художественной литературы — разновидность литературно-письменного языка. Язык художественной литературы опирается на различные стили языка. Писатель в целях образного отражения действительности и выразительной передачи идейного содержания произведения создает такой текст, который оказывает на читателя наибольшее эмоциональное воздействие.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Рассказ первый. Почему дом называют еще избой	5
Рассказ второй. Очи — это тоже глаза	21
Рассказ третий. Смеется ли море?	36
Рассказ четвертый. Как авиатор стал летчиком-космонавтом	50
Рассказ пятый. Старая дружина и новые дружинники	62
Рассказ шестой. Когда петуха можно назвать кочетом	76
Рассказ седьмой. Анна, Анка, Аночка	89
Рассказ восьмой. Глаза и глазки	101
Рассказ девятый. Что такое культура речи	119
Рассказ десятый. Словари и лексикографы	130
Заключение	138
Словарь специальных слов и понятий	140

Виталий Иванович Кодухов
РАССКАЗЫ О СИНОНИМАХ

ИБ № 4492

Заведующий редакцией А. В. Прудникова
Редактор Р. В. Трунова
Художники М. А. Салин, Т. В. Варенцова
Художественный редактор Е. Л. Ссорина
Технические редакторы О. И. Савельева, И. С. Поташникова
Корректор Л. П. Михеева

Сдано в набор 05.10.83. Подписано к печати 28.05.84. Формат 84×108^{1/32}. Бум. типограф. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,77. Уч.-изд. л. 7,89.

Тираж 280 000 экз. (1—140 000). Заказ 86. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129 846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Отпечатано с матриц Саратовского ордена Трудового Красного Знамени полиграфического комбината Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59, в типографии № 2 Росглавполиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова, 8.

25 к.

